

**КНИЖНЫЕ
СЕРИИ ЦДРА**

Центральный Дом Российской Армии имени М. В. Фрунзе

Владимир Шигин

В МОРЯХ ТВОИ ДОРОГИ

Забытые русские мореплаватели XVIII–XIX веков

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ

Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации

Военно-художественная студия писателей

Владимир ШИГИН

В морях твои дороги...
Забутые русские мореплаватели
XVIII–XIX веков

*Документальные повести
из истории Российской Армии и Флота*

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе
Москва
2021

УДК 821-311
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш55

Шигин В.В.

Ш55 В морях твои дороги. Забытые русские мореплаватели XVIII–XIX веков : документальные повести / Владимир Шигин. – М. : Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2021 – 185 с. (Будущему воину. История Российской Армии и Флота: книжная серия ЦДРА)

Новая книга известного российского писателя-мариниста капитана 1 ранга Владимира Шигина включает пять документальных исторических повестей, рассказывающих о российских мореплавателях и первооткрывателях.

Первая повесть «Два воина храбрые, два быстрые орла...» посвящена подвигу лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова, дважды совершивших плавание на Аляску, посетивших Калифорнию и отстаивавших в боях с японцами Курильские острова в самом начале XIX века. Именно им отчасти посвящена и знаменитая рок-опера «Юнона» и «Авось», ведь именно Хвостов и Давыдов командовали этими легендарными судами. Жизнь Хвостова и Давыдова была полна приключений и подвигов, тайна смерти не разгадана и по сей день.

Повесть «Штурман Полярного моря» посвящена жертвенному подвигу первооткрывателя Новой Земли Петра Пахтусова. Его жизнь была короткой, но наполненной выполнением патриотического долга и служением Отечеству.

Документальная повесть «Первооткрыватели Антарктиды» рассказывает нам о коллективном подвиге русских моряков шлюпов «Мирный» и «Восток», открывших во время плавания в Южный океан в 1819-1821 годах последний неизвестный континент.

Повесть «Жизнь в служении Отечеству» рассказывает о жизненном пути мореплавателя и флотоводца адмирала Михаила Петровича Лазарева.

Документальная историческая повесть «Этот скромный Анжу» посвящена полярным исследованиям замечательного русского моряка Петра Анжу, открывшего острова Новосибирского архипелага и поставившего окончательную точку в поисках таинственной Земли Санникова.

Читайте книги о героях нашего Отечества, ибо, зная об их подвигах, Вы будете знать и понимать не только его прошлое, но настоящее и будущее.

6+

© Шигин В.В.
© Кабин А.В. – дизайн обложки

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	4
Два воина храбрые, два быстрых орла.....	6
Штурман полярного моря.....	83
Первооткрыватели Антарктиды.....	105
Жизнь в служении Отечеству.....	120
Этот скромный Анжу.....	141

ОБ АВТОРЕ

Владимир Виленович Шигин – современный российский писатель-маринист. Капитан 1 ранга. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Секретарь Союза писателей России.

Родился 12 марта 1958 года в Севастополе, военный моряк в 5-м поколении. В 1975 г. окончил школу в г. Лиепая. Трудовую деятельность начал слесарем механосборочных работ на оборонном заводе. В 1976-1977 гг. служил матросом на Балтийском флоте. В 1977 г. поступил, а в 1981 г. окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище.

С 1981 по 1988 г. служил на Балтийском флоте заместителем командира малого противолодочного корабля и заместителем командира дивизиона тральщиков 118-й бригады кораблей охраны

водного района. Участник маневров «Запад-81» и восьми боевых служб.

В 1991 г. окончил научно-педагогический факультет Военно-политической академии имени В.И. Ленина по специализации политическая история. С 1991 по 1996 год – заместитель начальника пресс-центра Главногокомандующего ВМФ. С 1996 по 2009 год – редактор отдела литературы журнала Министерства обороны Российской Федерации «Морской сборник». С 2013 года – ведущий редактор военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В. Фрунзе.

В Вооружённых силах СССР и России прослужил 33 календарных года.

Капитан 1 ранга. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Секретарь Союза писателей России.

Автор более 80 книг по истории России и ВМФ.

Награждён Орденом Почёта, медалями «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть» 1-й, 2-й степеней, медалями «Адмирал Кузнецов», «Адмирал Горшков», другими ведомственными наградами.

Лауреат литературных премий:

- Международной литературной премии союза писателей-баталистов и маринистов имени Валентина Пикуля 1994 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России имени Александра Невского 2011 г.
- Всероссийской общественно-литературной премии имени святого праведного воина Федора Ушакова 2012 г.
- Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А. В. Суворова 2013 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Имперская культура» 2013 г.
- Литературной премии г. Севастополя имени Л.Н. Толстого 2015 г.
- Всероссийской литературной премии Союза писателей России и ВПК «Щит и меч Отечества» 2015 г.
- Московской областной губернаторской литературной премии имени Михаила Пришвина 2018 г.

ДВА ХРАБРЫХ ВОИНА, ДВА БЫСТРЫХ ОРЛА...

*Хвостов! Давыдов! Будьте
Век славными и вы!*

Г. Державин

Давняя история жизни и дружбы двух героев моего рассказа сегодня почти забыта. А зря! Ведь по обилию невероятных приключений, увлекательнейших путешествий, жестоких сражений она вполне могла бы стать сюжетом десятков романов и кинолент.

Император Александр I

Говорят, что император Александр Первый, слыша их фамилии, сразу же раздраженно спрашивал:

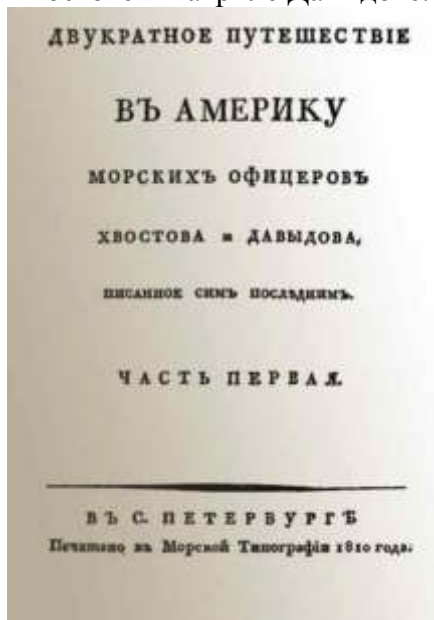
– Ну что опять натворили эти сорвиголовы?

А натворили они за свой недолгий век на самом деле немало.

Где только не разворачивались события: на просторах Балтийского моря и Тихого океана, в боях со шведским флотом и индейцами-колошами в лесах Финляндии и чащах Аляски, на курильских скалах и в сибирской тайге! Дуэли и боевые ордена, схватки с разбойничьими шайками и

тюремные остроги, корсарские набеги и монарший гнев – всего там было с избытком! О героях этого рассказа ходили легенды, поэты слагали им оды, они были кумирами молодежи и сущим бедствием для начальства. А сколько вокруг них было и осталось неразгаданных и по сей день тайн и загадок! И сейчас еще деяния двух друзей отдаются гулким эхом в большой политике России...

Но видимо, уже настала пора поговорить и о самих героях. Итак, мой рассказ пойдет об офицерах российского флота Николае Хвостове и Гавриле Давыдове.

Книга Гавриила Давыдова

Я держу в своих руках старую книгу. Книга с незапамятных времен хранится в нашей редакционной библиотеке журнала «Морской сборник». Это дневник Гавриила Давыдова «Двукратные путешествия в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова писанное сим последним» с «преуведомлением» вице-адмирала Шишкова. Толстая и грубо шероховатая бумага, на такой печатали книги триста лет назад. На титульном листе надпись: «Санкт-Петербург в Морской типографии в 1810 году». Перелистываешь страницы

и окунаешься в события давно минувшей эпохи...

ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

...В мае 1790 года в Кронштадте царил суматоха. По слухам, вот-вот должен был появиться шведский флот, чтобы в решительной атаке на эскадру адмирала Круза, попытаться переломить ход русско-шведской войны и пробиться к Петербургу.

Одеваясь в полотно парусов, русские корабли спешно вытягивались на внешний рейд.

Вице-адмирал Круз лично объезжал шлюпкой эскадру, готовя ее к решительной схватке. На крепостных фортах у заряженных пушек денно и ночью дежурили канониры с зажженными пальниками. На плацу Морского Корпуса в строю под знаменами весь состав до самых младших рот. Офицеры при орденах и шпагах. Директор корпуса Голенищев-Кутузов кричал зычно:

– Враг стоит у стен кронштадтских! Отечество требует пасть, но не отступить! Пришел и ваш черед! А потому кадеты пойдут на крепостные стены, а господа гардемарины производятся высочайшим указом «за мичманы» и направляются по кораблям!

Ответом на речь адмирала было дружное «ура». Тотчас после роспуска строя гардемарина отрядили дворников и сторожей за праздничной выпивкой и закуской. «За мичмана» – это еще и не мичман, но уже и не гардемарин. Предлог «за» выпускников Корпуса не смущал, главное, что они буквально завтра будут в бою. А остальное наверстается!

Среди определенных в виду особых обстоятельств в «за мичмана» был и юный Николенька Хвостов.

Уже через несколько дней пришлось ему с сотоварищами полной мерой хлебнуть лиха в двухдневном яростном Красногорском сражении. Истекая кровью, эскадра вице-адмирала Круза отбила все атаки шведов, а затем, когда с запада подошла Ревельская эскадра Чичагова вообще погнала противника в Выборгские шхеры.

Через месяц новее сражение в Выборгской бухте. Ожесточение было настолько велико, что на кораблях потоки крови напрочь забивали палубные шпигаты.

На войне мужают быстро, вот и Николенька Хвостов уходил на войну мальчиком, а вернулся пытливым огнем и штормами морским волком.

Николай Александрович Хвостов родился в 1776 году в семье статского советника Александра Ивановича Хвостова и Катерины Алексеевны Хвостовой, урожденной Шелтинг.

В семилетнем возрасте Колю определили в Морской кадетский

корпус, а в четырнадцать он уже сражался «за мичмана». За храбрость в Выборгском сражении Хвостов был награжден золотой медалью «За победу на водах Финских» и произведен в долгожданный мичманский чин.

По окончании шведской войны Николай четыре года непрерывно плавает на эскадрах у английских берегов и голландских. Россия уже вступала в полосу наполеоновских войн.

Портреты Николай Хвостова не сохранились. Приводим портрет Симона Боливара, который, по утверждениям современников, был похож на Николая Хвостова, как брат-близнец.

лейтенанта Николая Хвостова с только что окончившим Морской корпус мичманом Гаврилой Давыдовым. Первый к тому времени был уже вахтенным начальником на 74-пушечной «Иануарии», второй состоял при нем, вахтенным офицером. Наверное, именно тогда во время долгих томительных вахт и родилась эта удивительная дружба.

Время было лихое. На шатких корабельных палубах рождалось новое поколение русских моряков, тех. Кому в самом скором времени предстояло явить Андреевский флаг на всех морях и океанах. Лейтенанты Крузенштерн и Головнин, Лисянский и Хвостов – птенцы моря Балтийского, будущие герои великих морских походов...

Хвостов, по описаниям современников, имея средний рост и посредственную силу, "соединял в душе своей кротость агнца и пылкость льва".

Во время многомесячных крейсерств и произошло знакомство

Гавриил Иванович Давыдов

Давыдов был совсем еще молодым восемнадцатилетним мичманом, только в 1798 году окончившим Морской корпус. Вот как описывает его вице-адмирал Шишков в своем «преуведомлении»: «Он (Давыдов – В.Ш.) в самой юности отличался не только особенною остротою, но и чрезвычайным прилежанием, приобрел немалые знания в математике и словестных науках, почему из представленных в том году к производству в офицеры пятидесяти или шестидесяти человек найден по достоинству первым. Он был довольно высокого роста, строен телом, хорош лицом и приятен в обхождении; предприимчив, рассудителен и смел. Нравом вспыльчив и горячее Хвостова, но уступает ему в твердости и мужестве. Он одарен был живостью воображения и здравым рассудком, имел острый и примечательный ум. Много читал и любил увеселения, беседы и общества, однако ж, охотно оставлял их для несения трудов и подвигов; неустранялся от забав и гуляний, однако ж, находил время упражняться и писать дельное и шуточное».

Дневник Хвостова, относящийся к этому времени не только очень интересен, но и поучителен. Хвостов начал вести свои дневники еще с молодых лет, и, в частности, называет его довольно интересный дневник плавания в Англию в 1799 году. Он пишет о вахтенной службе, о круге своего чтения. Читает “Аноиды” Карамзина и “какого-то Евгения” — то ли повесть Измайлова, то ли комедию Бомарше, переведенную на русский в 1770 году. Хвостов делает выписки из сочинений прусского короля Фридриха Второго.

Любопытный нюанс: не отказываясь от горячительных напитков и офицерских застолий, он честно записывает в своем дневнике, что однажды, будучи “недовольный креплением парусов, высек несколько матросов и, сменившись с вахты, с досады, что дурно крепили паруса, выпил два стакана пуншу и сделался пьян... Вот как проводим мы наше время, или, лучше сказать, убиваем. Я, правда, всякий день в мыслях собираюсь учиться по-английски...» Он велел выпороть матросов, будучи нетрезв, а потом мучился своей несправедливостью...

Историк отечественного флота А. Соколов сохранил для нас еще один интересный эпизод из дневника Хвостова. Речь идет об описании Хвостовым морского сражения 11 августа 1799 году у побережья Голландии. К этому времени Хвостов служил уже на линейном корабле «Ретвизан». Этот линейный корабль был в 1790 году захвачен в бою у шведов, а потому служить на «призовом» корабле считалось особо почетно. Да и командный состав на «Ретвизане» был как на подбор! Командиром сын знаменитого адмирала Грейга Алексей Грейг, будущий командующий Черноморским флотом, старшим офицером знаменитый силач и любимец всего флота Дмитрий Лукин. Хвостов пишет в своем дневнике: «В пять часов утра луч солнца, приводя в радость покойного поселянина, живущего на границах, углубленного, вовремя, когда светило поверх горизонту, над плугом для насыщения, разграбляющего его беспрестанно народа; в равной радости находится воин, находящийся под страшнейшими Тексельскими пушками, жаждущий выбрать хороший день, чтоб все препятствующее на берегах Голландии разграбить и предать вечному пеплу, не принося тем ни себе и никому прибыли, кроме разорения... Состояние наше весьма несносно! Все корабли проходят мимо нас, а мы стоим на месте и служим им вместо бакена! Вся надежда наша быть в сражении и участвовать во взятии голландского флота исчезла! В крайнем огорчении своем мы все злились на лоцмана и осыпали его укорижами, но он и так уж был как полумертвый».

Друзьям он говорил, что не может служить на берегу, что только в море

В нем «возгорался некий новый пламень».

Его спрашивали:

– Что сделаешь ты, ежели дело будет по-особому трудным, потребует особых трудов и отважности?

– Чем опаснее, тем для меня будет приятнее! – отвечал Хвостов, и в этом ответе не было ни капли бравады.

«Чрезмерная привязанность к родным и беспредельная любовь к славе были двумя главными свойствами его души», — свидетельствовал адмирал Шишков о Хвостове, приходившегося ему племянником.

Не чурался лейтенант Хвостов и женского общества. Но и здесь он предстает перед нами настоящим романтиком: «В самых величайших опасностях просьба и слезы прекрасных женщин в силах сделать на сердце самого жестокого человека и нечувствительного мужчины такие впечатления, что забудет все окружающие опасности... Я видел пример тут над собой, входя в нежнейшие чувства души милого творения, забывая несчастья и гибель к нам приближающуюся. О, женщины! Чего вы не в состоянии сделать над нами, бедными!»

В те дни его новый друг мичман Давыдов также переживал пору первой юношеской влюбленности. Нам известно лишь имя девушки, которая очаровала молодого моряка – Катерина.

Один из первых биографов наших героев позднее напишет: «Хвостов был уже человек развившийся, возмужалый, страстный и притом довольно искусный моряк, много читавший и многому научившийся, хотя отрывочно; отважный и честолюбивый. Чувствительность и человеколюбие, развитые в нем философию осмнадцатого века, в первые годы сильно боролись с порывами к бранным подвигам, с этими, по его словам, того времени «варварскими чувствами, вперенными в нас с самого младенчества», и уже заметно были преодолеваемы им, как это свидетельствуют его дневники. По временам, следуя всегдашнему тогда обыкновению, он любил выпить и поиграть в карты, но с некоторым ожесточением отзывался о такого рода препровождении времени, как будто вынуждаемый так «убивать» его, нетерпеливо ожидая для себя перемен... Давыдов был еще юноша, красивый

лицом высокий и стройно сложенный, отлично образованный, немножко поэт, пылкий и влюбчивый, столь же отважный как Хвостов, но гораздо менее его твердый... Чудно свела судьба на вечную дружбу этих двух молодых людей, так мало сходных между собой, благословив их на удивительные приключения и отважные подвиги».

После окончания дальнего плавания к Англии и боевых действий в Северном море русские эскадры возвратились в Кронштадт. Наступило временное затишье в войнах, и никто не мог сказать, сколько оно продлится. На смотре флота император Александр остался весьма недоволен выправкой вернувшихся из дальнего плавания моряков.

– Надобно их подтянуть по части фрунтовой! – велел он морскому министру Чичагову.

Нет для настоящего моряка горше жизни, чем на берегу в казарме, а тут еще утром плац и барабан, днем плац и барабан, да и вечером тоже. В Кронштадт – столицу флотскую понаехали чины армейские.

– Вы штучки свои моряцкие бросайте, ходите, что утки кривобокие! – кричали те чины, слюной брызгая. – А кто маршировать, да ружьями экзерцировать по чести не желает, того пинками гнать будем со службы государевой!

И гнали... Гнали боевых капитанов только за то, что те не тянули изящно носок, гнали в пехоту мальчишек мичманов, бредивших морями, гнали в деревню седых адмиралов, пред которыми еще вчера трепетала вся Европа. Многие, не терпя унижений, уходили сами: кто в именья родовые, кто во флот партикулярный, а кто и просто в дома инвалидные да ночлежные...

Лейтенант Хвостов, из-за ненависти к порядкам армейским, стрелялся с каким-то пехотным капитаном и, хотя оба остались, к счастью, живы.

морской министр немедленно упек лейтенанта на гауптвахту. Когда Хвостов вышел, то почесал затылок:

– Так дальше жить, только себя губить!

Историки пишут, что у Хвостова в Петербурге была большая и дружная семья: мать, отец, братья да сестры. Жили весьма бедно.

Для всех них старший сын и брат был не только гордостью, но и главной надеждой и опорой. А заботится о близких приходилось, решаясь, порой, на поступки самые, казалось бы, безрассудные. Так вскоре после вступления на престол императора Александра Первого, отец Хвостова лишился из-за тяжбы своего небольшого родового имения. Тогда наш герой подстерег гулявшего по садовым дорожкам Летнего сада императора и без долгих раздумий бросился перед ним на колени.

На следующий день к Хвостову прибыл адъютант императора с тысячей рублей. Но лейтенант деньги не принял.

– Я не могу их принять, так как получаю жалование и не имею надобности в деньгах! Но прошу передать его величеству, что осмелюсь просить их для моих отца и матери!

Ответ офицера Александру понравился:

– Тысячу рублей лейтенанту, а отцу ежегодно пенсию в тысячу рублей, а лейтенанту от меня в подарок за преданность семье еще тысячу!

Кроме этого император велел разобраться и с судебным делом. Оно было пересмотрено, и именье вернули Хвостовым.

Адмирал Шишков так рассказывает об этом случае: «Обрадованный сын отослал немедленно пожалованную собственно ему тысячу к матери, находившейся тогда в деревне, и вскоре имел еще радость уведомить отца своего о пожалованной ему пенсии».

В 1802 году Хвостов уже начал, было, подумывать об отставке, но именно в это время был неожиданно для себя вызван в министерство торговли и коммерции. Принял лейтенанта сам министр Румянцев (сын знаменитого фельдмаршала). Ничего конкретного министр Хвостову не сказал, лишь пораспрашивал о службе. Из задаваемых вопросов было понятно, что кое-какие справки о нем Румянцев уже навел. Затем министр спросил:

– Ежели откроется какая-либо экспедиция, требующая особых трудов и отважности, согласитесь ли вы принять на себя исполнение оной?

– Чем опаснее, тем для меня будет приятнее! – ответил Хвостов.

На этом визит и окончился.

А спустя несколько дней лейтенант был уже вызван в управление Российско-Американской кампании.

На этот раз с ним беседовал уже действительный статский советник, попечитель и один из директоров русско-американской кампании Резанов.

*Камергер и Императорский посол
Николай Петрович Резанов*

Николай Петрович Резанов был выходцем из бедной дворянской семьи. Протежировал ему никто иной, как поэт Гавриил Державин. В это время Резанов переживал не лучшие времена. Он только что похоронил жену (дочь первопроходца Аляски Шелехова) и остался с двумя маленькими детьми на руках. Встречаясь с Хвостовым, Резанов имел свой интерес. Дело в том, что руководство кампаний весьма волновал вопрос мореплавания между Охотском и Аляской.

Вот так описывал историк тогдашнее тихоокеанское мореходство: «Ходили по морям на судах речных, кое-как построенных, плохо скрепленных и весьма бедно снабжаемых, под управлением людей, едва знавших употребление компаса и часто не имевших никаких карт. Ходили на удачу, выкидываясь в нужде на первый попавшийся берег, погибая на нем, или опять стаскиваясь, и гибли во множестве. Бывали примеры, что из Охотска в Кадьяк приходили только на четвертый год, потому, что плавают самое короткое время, идут с благополучными только ветрами, а при противном, лежат в дрейфе... и не имеют понятия о лавировании. Случается, что суда были носимы по месяцу и по два по морю, не зная с какой стороны

у них берег. Люди тогда доходили до крайности от недостатка пищи, а еще более воды, съедали даже сапоги и кожи, коими обвертывается такелаж...»

В своем дневнике Давыдов приводит следующий пример. Одно судно от Камчатки зашло далеко к югу. Алеутских островов все не было. Не зная, что делать и куда идти, мучаясь жаждой, «решились они положиться на волю Божию. Вынесли на палубу образ Богоматери, помолились ему и сказали, что откуда бы ветер ни задул, пойдут с оным. Через час после полил дождь, принесший им величайшую отраду, и задул южный крепкий ветер, продолжавшийся сряду восемнадцать суток». Не зная, что делать и куда идти, люди предались судьбе. Слава Богу, им повезло. А другие «от невежества гибли».

Именно по этой причине директорат кампании и решил пригласить к себе на службу пару знающих и опытных флотских офицеров.

О чем говорили Резанов с Хвостовым, нам не известно. Впрочем, им было, о чем говорить. Резанов к этому времени уже побывал на Аляске, а Хвостов вдоволь навоевался на морях. Видимо Хвостов произвел самое благоприятно е впечатление на Резанова и тот сразу же Николай Петрович предложил офицеру перейти на службу в Российско-американскую компанию. На Аляске была большая потребность в опытных морских офицерах, умеющих не только плавать «по науке», но, если придется и воевать. Хвостову было предложено капитанство над кампанейскими судами на Аляске.

Вместо лейтенантского оклада Хвостова триста рублей в год, Резанов предложил ему триста рублей ежемесячно. Помимо этого, за ушедшими в кампанию офицерами сохранялся не только чин, но, что особо важно, старшинство в чине. Это значило, что, вернувшись обратно на флот, офицер сразу получал положенный ему по выслугу следующий чин. Но, думается, Хвостова привлекли в данном случае не деньги и чины, а возможность участвовать в дальнем путешествии и невероятных приключениях на самом краю изведенного мира. Разве можно было это сравнивать с бесконечными маршрутовками на кронштадтском плацу!

– Я согласен! – был его ответ без долгих раздумий.

– Однако мы хотели бы взять на службу в кампанию двух офицеров! – сказал Резанов. – Есть ли у вас подходящий кандидатур?

– Есть!

– И кто же?

– Мичман Давыдов!

– Годов то мичману сколько?

– Осьмнадцать стукнуло!

– Мичман осьмнадцати годов! – скривил губы Резанов. – Не молод ли для столь многотрудного дела?

– Самый раз! – весело отвечал Хвостов – И знаюш, и храбр, и в минуту бедственную плечо всегда подставит!

– Хорошо! – кинул головой Резанов. – Я согласен!

В тот же вечер Хвостов навестил Давыдова. Разумеется, тот с радостью согласился с предложением старшего товарища.

«Нельзя не воздать справедливости, — напишет позднее историк, — этим двум офицерам... Они, безусловно, были лучшими моряками во всей «компанейской» флотилии».

К слову сказать, в Морском министерстве решению Хвостова с Давыдовым даже обрадовались:

– Выписать обоих с флота! Ишь, ты Америк им захотелось!

Перед отъездом Хвостов оставил родителям аттестат на две тысячи рублей. Мать брать его поначалу отказывалась и хотела, было, даже порвать, но лейтенант сказал:

– Не отнимайте у меня последнего утешения! Оно будет согревать меня в разлуке и ежечасно напоминать о вас!

Много ли сборов у морских офицеров. Выпили отходную с сослуживцами.

Друзьям Хвостов сказал так:

– Быть может, наконец-то, открылся случай, в котором я могу оказать Отечеству больше, нежели обыкновенную услугу!

– С Богом в путь к берегам океана Восточного и Великого! – напутствовал их при расставании Резанов.

Тут же вручил офицерам подорожные бумаги и увесистый мешок с деньгами.

– Отныне вы капитаны судов Российско-Американской

компании, а сокращенно слово к запоминанию весьма легкое и понятное – РАК!

Затем друзья простились с родными, бросили вещи в обтрепанные рундучки и вперед!

Из дневника Гаврилы Давыдова: «1802 год, апрель. В один день, как я с месяц был уже болен, приходит ко мне лейтенант Хвостов и рассказывает, что он отправляется в Америку. На вопрос мой, каким образом сие случилось, узнал я от него, что он вступил в Российско-Американскую компанию... должен был ехать через Сибирь до Охотска, сесть там на судно компании и отплыть в американские ее заведения. Сей случай возобновил тогдашнюю страсть мою к путешествиям, так что я в ту же минуту решился ехать в Америку и в тот же час пошел объявить мое желание господину Резанову, бывшем главным участником в делах компании. Дело сие нетрудно было сладить. По именному его императорского величества указу, позволено было морским офицерам, кто пожелает, вступать в Российско-Американскую компанию... Желание видеть столь отдаленные края, побывать на морях и в странах малоизвестных и редко посещаемых не позволило нам много размышлять о собственных выгодах.

Подготовив таким образом самые нужные только вещи к путешествию, долженствующему быть столь продолжительным, в 11 часов ночи выехали мы из Петербурга, в провожании всех своих приятелей. За рогаткою простились с ними, сели на перекладную телегу, ударили по лошадям и поскакали... в Америку».

...Был поздний вечер 19 апреля 1802 года, когда друзья «поскакали в Америку». Давыдов плакал... Позднее он сам напишет об этих тяжелых для него минутах: «В самое то время я взглянул на Николая и увидел, что он старается скрыть свои чувства, может быть для того, чтобы меня больше не тревожить. Я пожал у него руку и сказал: «У нас теперь остается одна надежда друг на друга», так поклялись мы в вечной дружбе...»

«Я скрывал грусть, – вспоминал о тех же минутах Хвостов, – чтобы не терзать твое сердце мягкое, потом нечаянно столкнулись наши руки, невольно одна другую сжала крепко, я был не в силах более. Слезы покатили рекой, и мы поклялись быть друзьями,

заменив этим всех и вся...»

Что ждало наших героев впереди? Ведь края, куда они ехали, были еще совершенно дики. Население далекой Аляски было воинственно и жестоко, а поселенцы отличались не только жаждой наживы, но и буйством. Не редкостью был на Аляске и голод, а уж по океану плавали, как придется.

К АМЕРИКАНСКИМ БЕРЕГАМ

Поездку через Сибирь Давыдов подробно описывает в своем дневнике. Один из его биографов пишет по этому поводу: «Любознательный взгляд автора выхватывает десяток интересных деталей: и при описании Барабинской степи, изобилующей озерами и болотами; и купеческого города Томска, где к тому времени было «три каменных дома»; и города Красноярска, местоположение которого прекрасно.

Не ускользает от взгляда путешественника и то, что “крестьяне сибирские, особливо Тобольской губернии, вообще очень зажиточны, честны и гостеприимны; они даже более просвещенны, нежели российские”. В Иркутской губернии наблюдается неурожай, что произвело “неслыханную дороговизну хлеба — пуд ржаной муки от 20 до 30 копеек возвысился до двух с половиной и трех рублей. В иных местах, особливо в городах, нельзя было ничего съестного достать”.

Восторг вызывает Лена, «разнообразные берега ее, острова, рассеянные по берегам деревушки и беспрестанно меняющиеся виды». К тому же при таком передвижении «свобода читать книги или писать». В Киренске Давыдов отмечает «необыкновенное построение церквей». А далее Якутск... И тут уж другой способ передвижения. «От непривычки к верховой езде ноги и спина так у меня болели, что я принужден был часто сходить с лошади и идти пешком...» И, конечно, не забыта казнь египетская — оводы, мошка, комары... Пейзажи, пейзажи — и любование ими: “Какую разнообразную пищу почти на каждом шагу нашел бы для своей кисти или пера искусный живописец или описатель природы”.

Еще одна запись о типичном дне путешественников: “Перешел

Белую (название реки – В.Ш.) другим бродом, поехали весьма частым лесом и претопким болотом. В недалеком расстоянии оставили медведя. Наконец лошади так устали, что многие падали уже и мы принуждены нашлись ночевать посреди болота... Только что легли спать, закутавшись шинелями, как пошел проливной дождь, который промочил нас в четверть часа насквозь... Ночь показалась нам годом... В 10 часов утра пустились мы в путь. Я насилу держался на лошади и завидовал тому, кто сидит в теплой комнате, не помышляя о дожде, льющем рекою. Отдал бы все, что имел, дабы укрыться только в шалаше, сквозь который дождь не проходит. Многим таковая слабость покажется смешною, но пусть они посудят о сем, не прежде, как не спавши 12 суток и пробыв более половины сего времени на дожде, не имея на себе сухой нитки: тогда только заключения их могут быть справедливы”.

Несколько раз в той поездке жизнь друзей была на волоске. В первый раз едва отбились от лихих людей пистолетами. В другой, случилось иначе. Когда из леса внезапно выскочили разбойники, Хвостов, без всяких раздумий, бросился на них с обнаженной саблей.

– Бросить ружья! Иначе порублю всех в капусту! – лейтенант был страшен в ярости.

Семеро здоровенных злодеев разом бросили кремневые фузеи.

– Обознался, ваше высокородие! – согнул спину предводитель.
– Думал, что едут купцы толстосумые, а нарвался на господ офицеров! Будьте моими гостями!

Делать нечего, пришлось, скрепив сердце, разбойничье приглашение принять. Едва спустились в разбойничью землянку, как со всех сторон набежало с два десятка заросших бородами лихоимцев. Видя, что их теперь много, осмелел и предводитель.

– А молоденок ты, брат с сабелькой на меня бросаться! – стал он задирать Хвостова. – Шумишь больно много, язык-то с головой укоротить недолго!

Один из лихоимцев, дыша перегаром, взял лейтенанта за плечо:

– Ну-ка оборотись ко мне ваше высокородие! Глянуть твой страх желаю!

Страшный удар кулаком в скулу тотчас опрокинул его навзничь.

– Ну, кто следующий! Всем хребты поперishiбаю! – перешагнул Хвостов через извивающегося в корчах обидчика.

Ответом было всеобщее молчание. В это время Давыдов выхватил пистолеты, взвел курки:

– Кто нынче храбрый?

Храбрых в тот день среди разбойников так и не нашлось.

Сибирский тракт в начале XIX века

Вскоре была еще одна встреча с разбойниками. Запись Гаврилы Давыдова от 19 июля 1802 года: "Проехали верст пять по дороге, остановились в первом часу пополудни кормить лошадей. Едва успели разбить палатку, как услышали ружейные выстрелы, от которых якуты наши тотчас упали ниц, и в то же время с разных сторон появились семь человек, из коих два шли прямо к нам, имея совсем готовые ружья. Не ожидая ничего доброго от такой встречи, стали мы хвататься за свои намокшие ружья. Хвостов, не могши скоро достать своего, с одной саблей побежал навстречу к ним и, подошедши к атаману, спросил: "Как вы смели подойти к военным

людям? Положи ружье, или я велю стрелять". Сей смелый поступок устроил атамана. Он велел своим положить ружья и сказал: "Мы видим, что вы военные люди, и ничего от вас не требуем". Прочие разбойники также кричали нам: "Не пали! Не пали!" Между тем, однако ж, атаман, посмотрев с некоторым удивлением на Хвостова, предложил ему идти в их палатку, отстоящую, по его словам, не далее ста сажень от сего места. Хвостов, чтоб не показать себя оробевшим от его предложения, отвечал: "Пойдем". Он вошел с ними в палатку, где набралось их более 10 человек. Один из них стал говорить с ним грубо: "Молоденек, брат, ты, а шумишь много". И начал его трепать по плечу. Хвостов, видя, что дерзость сия может также и других ободрить к наглостям, решился в то же мгновение из всей силы ударить его в щеку, так, что разбойник не устоял на ногах. Потом, подняв саблю, сказал: "Ежели вы что-нибудь против меня подумаете, то дешево со мною не разделаетесь, я один справлюсь с вами". Разбойники оцепенели. Атаман закричал на виноватого: "Ты забыл, что ты варнак, а его высокоблагородие – государев офицер". После чего велел ему кланяться в ноги Хвостову и просить прощения. Так заключен был мир с разбойниками, которые потом даже сами предлагали нам все, что имеют, кроме сахара, извиняясь тем, что не нашли оного ни у одного купца".

...На исходе четвертого месяца Хвостов с Давыдовым добрались, наконец, до Охотска. Позади остался тяжелейший и полный опасностей путь. В Охотске их ждало уже компанейское судно "Святой Елисаветы" с пьяной в стельку командой.

– Вылазьте на божий свет, сердешные! – свесился в трюм Хвостов. – Да подымайте парус!

– Опохмелитесь бы нам сперва, господин хороший! – полезли по трапу недовольные мореходцы. – Как же нам, горемычным, на тощак-то плыть!

– Вот в окиян выйдем, там водичкой соленой и опохмелитесь! – заверил их лейтенант, саблей в руках поигрывая. – Отдавай конец швартовый!

– Куда хоть поплывем? – спросили мореходы, опасливо на саблю поглядывая.

– А прямиком до Америки!

– То-то и делов, так бы сразу и сказал! Что мы, Америк не видывали!

Из дневника Давыдова за август 1802 года: “На судне “Елизавета” всего было 49 человек: лейтенант Хвостов, начальник оного, я — штурман, подштурман, боцман, трое матросов, 34 промышленных, два алеута с Лисьих островов, один американец с полуострова Аляксы, приказчик, помощник его и два наших человека.

...Хвостов и я были первые морские офицеры, вступившие в Американскую компанию: посему всяк удобно себе представить может, какие трудности преодолевать, какие недостатки во всем претерпевать, какие закоренелые предрассудки истреблять, каких привычных к буйству людей усмирять и, наконец, с каким невежеством должны были мы беспрестанно бороться”.

Воздев латанный-перелатанный парус "Святая Елисавета" взяла курс в Охотское море, чтобы, миновав его, через Курильскую гряду, выбраться в океан и взять курс к оскаленным аляскинским берегам.

Скрипя изношенным корпусом, судно медленно тащилась по речке к Охотскому морю. Хвостов с Давыдовым, как могли, наводили порядок среди своей команды. Бесед душевспасительных не вели, орудовали больше кулаками. На команду сей воспитательный метод, впрочем, впечатление должное произвел. Пока к морю по речке выбирались, трижды на отмели выскакивали. Хвостов от души лупил рулевого по зубам:

– Смотри зорче, лахудра пьяная! А то враз инвалидом сделаю!

Но вот впереди и беспредельная свинцовая ширь. В парусах заполоскал свежий ветер. Ударила в борт волна, за ней другая, третья. Отчаянно скрипящую "Елисавету", подняло на высоком гребне, а потом с силой ухнуло куда-то вниз.

– Вот он, океан великий, Магелановым подвигом воспетый! – был в восторге Давыдов.

Хвостов отмолчался. Сейчас его более интересовал вопрос, как поведет себя на океанской волне старое судно. Однако старушка "Елисавета", к его радости, держалась и управлялась вполне прилично.

Без малого два месяца длился переход от Охотска до острова Кадьяк, где в бухте Святого Павла располагалось управление американскими колониями.

Первое время мореплавателям не везло. Ветры дули большей частью противные, затем и вовсе пошли непрерывные шторма со снежными метелями. Борясь с обледенением, целыми днями до полнейшего изнеможения рубили топорами лед. Довелось пережить даже пожар. В одну из ночей внезапно вспыхнула балка над камбузом. И хотя огонь быстро потушили, весь дальнейший путь сидели на сухарях и солонине. Матросы рассказывали, что пожар произошел из-за пакости охотского печника, таившего злобу на компанейского комиссара.

– Вернемся живыми, повешу за ноги на первом суку! – ярился Хвостов, давясь прогорклым сухарем с червяками.

Матросы крестились. Этот точно не моргнет, а повесит!

Впрочем, за время перехода случались вещи и похуже сгоревшего камбуза. Так однажды в шторм начала быстро прибывать в трюм вода. Ни помпы, ни ведра не помогали. Когда Хвостов с Давыдовым кинулись в трюм... Мама родная! В местах, где доски должны были крепиться друг к дружке болтами, были лишь дырки, замазанные смолой! Кое-как скрепили, чем было под рукой. В общем,плыли... Но вот, наконец, и заснеженные скалы Аляски. В бурунах прибоя предстала перед мореплавателями бухта Святого Павла, мрачная и величественная.

Из дневника Гавриилы Давыдова за 15 октября 1802 года: «На рассвете увидели мы остров Уналашку, состоящий из множества остроконечных гор, из которых иные покрыты были снегом... К утру ветер крепчал, а после полудни должно было взять другой риф у марсея. Ночью оный превратился в совершенную бурю... Порывы ветра были ужасны, жестокое волнение, с великой силою ударяя в судно, потрясало все его члены, и течь сделалась так велика, что вода в трюме прибывала, невзирая на беспрестанное выливание оной в обе помпы. Можно легко себе представить, какое действие производило сие над людьми, не приобикшими к морским опасностям: страх принуждал их, не щадя своих сил весьма усердно работать. Течь была в камбузе и с правой стороны около грот-люка,

вероятно, от худого законопачения.

...К приумножению опасности груз в трюме тронулся, и балласт на носу двинулся на подветренную сторону. Однако около полуночи вода в трюме начала уменьшаться.

На рассвете буря казалась быть во всей своей ярости; от великой качки не можно было на палубе стоять, держась за что-нибудь. Люди от мокроты и работы у помп измучились, но не было возможности сему пособить; по утру, однако, начали они сменяться на две вахты... К ночи ветер начал стихать, и наконец заштилело”.

Только в ноябре 1802 года наши путешественники прибыли к месту своего назначения. Давыдов пишет по этому поводу: “Итак, мы в Америке! Я ступил уже на сей дикий и почти неизвестный берег, коего только желал достигнуть!”

НА АЛЯСКЕ

На диком берегу Хвостова с Давыдовым встречал хлебом-солью сам правитель американских колоний легендарный Александр Андреевич Баранов. Разорившийся когда-то сибирский купец, а затем приказчик шелеховской промысловой компании, он теперь уже двенадцать лет был единоличным владельцем огромного североамериканского края, в котором без всякого ущерба уместилось бы с полдюжины Англий.

Александр Андреевич Баранов

Лысый и коренастый, свирепый и властный, Баранов был царем и богом Аляски. Историк оставил нам следующую характеристику правителя самого дальнего угла Российской империи: "Человек не образованный и грубый, но весьма умный и честный, горячий и настойчивый, страстью ревностью к славе и пользам Отечества, притом здоровья железного, трудолюбивый и переносливый, он с самыми ничтожными средствами умел

покорить диких, все далее и далее распространяя по этим берегам селения..."

Приходу судна правитель был раз чрезвычайно. Вот уже пять лет из России не было ни единой оказии с грузом. А ведь поселенцам, как воздух нужен был порох и железо. К тому же не так давно индейцы захватили селение в Ситхе и напроць его разорили. Нынче же и вовсе, осмелев, аборигены стали вести себя дерзко даже здесь на Кадьяке. Да и мягкая рухлядь, которой вот уже какой год были доверху завалены все склады, начинала портиться. Поэтому радость поселенцев при виде входящего в бухту судна понять было можно. Едва ошвартовались, Баранов забрал обоих офицеров к себе, усадил за стол и не отпускал из-за него несколько суток кряду. Команда отчаянно гуляла в избах промышленников. Делалось это, как всегда, отчаянно: с драками и последующими объятьями.

Затем занялись разгрузкой "Елисаветы". От немедленного отплытия в обратный путь Хвостов отказался, сказав, что судно надо основательно чинить. Сообща с Барановым было решено, что "Елисавета" перезимует на Аляске, а по весне двинется к сибирским берегам.

Баранов этому обстоятельству был весьма рад. Никогда ранее не имел дела с кадровыми флотскими офицерами, он был просто потрясен их морскими познаниями, эрудицией и деловитостью. Не ограничиваясь своими обязанностями, друзья помогали правителю во всем: укрепляли по всем правилам фортификации крепость, обучали промышленников воинскому делу, строили крепкие лодки со шпангоутами и стрингерами. Не чинясь своего чина, сами часто брались за топор с пилою.

– Эх, Николенька, да Гаврилушка, соколики вы мои золотыя! – обнимал Хвостова с Давыдовым правитель. – В вас теперича вся моя надежа и опора! А потому желаю жаловать вам от кампании и меня в подарок по тыще рублей каждому!

В те времена, когда человек и алтыном сыт бывал, это была сумма почти сказочная. Но друзья на слова такие барановские лишь недоуменно переглянулись. Хвостов обнял старика за плечи:

– Мы, Ляксандр Андрейч, не за деньги твои служим, но за присягу!

И тогда Баранов, тот самый Баранов, перед которым трепетали племена и народы... заплакал.

– Батюшка! Батюшка, Николай Александрыч! – говорил он, глотая слезы. – Могу ли я когда-нибудь заплатить за ваши труды, ведь вы люди без интересу! Что я вам не предлагаю, вы ничего не изволите принимать!

Жители Русской Аляски (алеуты)

Иногда, в свободное от работы время, друзья рассматривали остров, ездили в стойбища к воинственным индейцам – калошам, где под восхищенные взгляды собравшихся, лихо укладывали "боксами" на лопатки первых индейских силачей, а потому курили в вигвамах с вожжами трубку мира. Тогда же индейцы сделали Хвостову на груди татуировку героя – орла, распростершего крылья. Впрочем, не избегали друзья и попоек, которые тогда устраивались в Ситхе с чисто русским размахом. А какие певались там песни! А какие бывали там драки! Не раз и не два схватывался в кулаки и неистовый Хвостов. И хорошо, если рядом оказывался заботливый Давыдов, который был единственным, кто умел остановить своего буйного сотоварища. После драк противники, как правило, уже на второй день пили мировую, а потом ехали сообщая на рыбалку и охоту.

В одной из особенно яростных застольных драк Хвостов в бешенстве проткнул своего соперника кортиком. Затем, потрясенный тем, с каким мужеством и хладнокровием промышленник перенес ранение, он тут же насквозь пронзил тем же кортиком свою ногу:

– Вот гляди, такой – разэтакий, я не хуже тебя умею кровь терпеть!

И пусть читателя не пугают такие истории, просто таковыми были в те времена нравы на окраинах Великой Империи!

За невежество от Хвостова и Давыдова местным мореходам доставалось крепко. Как могли, они наскоро обучали шкиперов обращению с компасом и картой. Пытались они втолковать значимость грамотных мореходов и местным купцам, которые “никакого уважения к мореходам своим, коих они часто бивали или заколачивали в каюту”.

Вечерами, когда была возможность, друзья старались записывать свои впечатления. Хвостов принимался раза три вести дневник, но “все покидал”. Он видел вокруг “много любопытного”. Дневники, по его мысли, кажутся необходимыми не только для фиксирования “любопытного”, но и потому, что вокруг много людей, “напитанных злобой”, “дышащих смрадом, питающихся одними доносами” — и “для памяти не худо поденной запиской поверять себя и их гнусные бумаги для предосторожности”. Давыдов был более собран и скрупулезен, его дневник более подробен и объемён.

Дневник и письма Хвостова дополняют наше представление о его друге Гавриле Давыдове, об их дружбе.

“Любя тебя, я во всю жизнь мою не был так огорчен, как прочел твое письмо”, — пишет Хвостов Давыдову, напоминая, что проехал с ним 16 тысяч верст и — “навек почтет себе законом умереть за тебя”.

Ребята они оба были, что и говорить, рискованные. Из письма Хвостова с Аляски в 1803 году: “Гаврило уехал за 150 верст, отсюда с 4-мя байдарками, оставя меня одного. О, Боже!.. Пустился на такое большое расстояние, можно сказать, в корыте”.

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Весной 1803 года, погрузивши на отремонтированную "Елисавету" пушнину стоимостью более чем на два миллиона рублей, Хвостов с Давыдовым поняли паруса. Снова был изматывающий двухмесячный переход, шторма и цинга. Наконец, впереди Охотск, но зайти в порт «Елизавета» не могла по причине слишком большого наката. Скрипя зубами, Хвостов велел ложиться в дрейф и ждать перемены ветра. Казалось, бы, что с того! По тем временам дело обычное, но Давыдов уже сгорал от нетерпения.

– Не могу более ждать, мучаясь безвестием от родных моих! – заявил он Хвостову. – Ты Николаша, не обессуди, но, покада ты тут ветра дожидаться будешь, я уже все новости разузнаю!

Спрыгнул в байдару, да и рванул прямо в самые буруны.

Хвостов только перекрестить друга и успел:

– Спаси и сохрани!

Из записей Давыдова, сделанных в Охотске на обратном пути из Америки: “Желая узнать, нет ли в Охотске писем, я отправился на байдарке, но как до устья реки было далеко, то надлежало мне пристать прямо противу судна к берегу, где с отменною силой ходил высокий и крутой бурун. Мы должны были выждать самый большой вал, который донес нас один к берегу, когда я с передним гребцом тотчас выскочил и байдарку за собой выдернули на берег, так что другим пришедшим валом только заднего гребца с ног до головы облило... Побыв часа два у господина Полевого и взяв от него ко мне и Хвостову письма, пошел я к своей байдарке. Тогда уже был отлив, ветер довольно свежий дул с моря и престрашный бурун о берег разбивался. Около байдарки собралось много людей, все говорили о невозможности ехать, с чем и гребцы мои были согласны. Некто бывший тут же передовик (начальник над промышленниками) сказал, что уже 33 года как он ездит на байдарке, а потому смело уверяет, что нет возможности отъехать от берегу. Я захотел доказать ему, что это можно; для этого уговорил гребцов пуститься к судну, несмотря на представления окружающего нас собрания. Итак, мы сели в байдарку на сухой

земле, надели камлейки, обтяжки, зашнуровались, дождались, как пришел самый большой бурун: тогда велели себя столкнуть и погребли из всей силы. Первый встретившийся нам вал окатил только переднего гребца, второй закрыл его с головою, меня по шею, и прорвал мою обтяжку. Ворочаться было поздно, исправить обтяжку невозможно, а потому не оставалось нам иного, как всеми силами грести, дабы скорее удалиться от берегу. Еще один вал накрыл нас, но потом мы выбрались из буруна и увидели столько воды в байдарке, что она едва держалась на поверхности моря. С берегу все время, покуда мы были между высокими валами, не видали нашей байдарки и считали нас погибшими, но, увидев, наконец, спасшимися, начали махать шляпами в знак их о том радости... Должно признаться, что упрямство составляет немаловажную часть моего права, и несколько раз оное весьма дорого стоило. Я не оправдываю сего моего поступка: он заслуживает больше имя предосудительной дерзости, нежели похвальной смелости. Таковым я сам его находил, но после, а не в то время, как предпринимал оный. Могу сказать, что в сем случае одно чрезвычайное счастье спасло меня от крайнего моего неблагоприятия”.

В Охотске друзья сдали товары в местную компанейскую контору. Пока сдавали, тоже время даром не теряли. Давыдов занимался устройством порта, а Хвостов ездил на собаках в устье речки Ульи, подыскивал там места для новых причалов.

– Ха-а-а! – кричал каюр, погоняя ездовых собак. На голову лейтенанту щедро сыпался снег с разлапистых сосен.

Переезд через Сибирь от Охотска до Петербурга занял на этот раз у Хвостова с Давыдовым не более трех месяцев. Время по тем временам весьма малое!

Вернулись в столицу друзья в начале февраля 1804 года. Все их путешествие были один год и девять месяцев.

В столице лейтенанта с мичманом встречали как национальных героев. Теперь первыми здороваться с ними не гнушались ни адмиралы, ни министры. Подвигом их восхищались в салонах и кают-компаниях, в кабаках и трактирах. Имя отважных было на устах у всех.

Россия распрямляла плечи, сама удивляясь их широте: только что ушли в кругосветное плавание к берегам Японии и Аляски шлюпы «Надежда» и «Нева» под началом Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского (на «Надежде» отправился в плавание и директор РАКа Резанов), а потому интерес к восточным берегам державы был как никогда огромен.

Давыдов радуется Петербургу, встрече с родными и близкими. Все трудности уже позади и это так здорово. Перо легко скользит по бумаге: “Давно ли, думал я (ибо, что значит протекшие 20 месяцев?), давно ли, когда мы выезжали отселе, сердце наше обременено было страданием разлуки с родными и ближними? Давно ли воображение наше представляло нам неизмеримые расстояния, бесчисленные опасности, иной свет, иное небо? Давно ли отчаянная мысль, что, может быть, мы никогда назад не возвратимся, снедала всю уверенность нашей души? Теперь все прошлые страхи кончились; мы удовлетворили наше любопытство, принесли некоторые заслуги и с приятным воспоминанием о прошедших трудностях летим увидеться с нашими родными, кто бывал в отсутствии, испытал сию радость; но тот больше, в ком меньше было надежды некогда наслаждаться оною”.

Морской министр адмирал Чичагов, заслушав рассказ Хвостова о плавании к аляскинским берегам.

– Что, по мнению вашему, мешает развитию мореплавания на берегах тихоокеанских? Поинтересовался у друзей министр.

– Прежде всего, отдаленность земель, и трудность привлечения искусных в морском знании людей, – ответил ему Давыдов. – Затем дороговизна припасов и снаряжения, корыстолюбие частных правителей и закоренелые привычки, ну а кроме всего наше давнее вредное правило – вместо поправления скрывать худое.

– Однако при всем том, мореходы наши тихоокеанские достойны гораздо более удивления, нежели бывшие под предводительством Язона, ибо при равном невежестве и недостатках в способах должны переплывать несравненно обширнейшие и немало им известные моря”! – дополнил друга Хвостов.

Министр ответом остался доволен:

– Верю, что придет время, и будем мы иметь на берегах восточных столь же мощный флот, как на Балтике и Черном море. Нам надобно только разделаться с делами европейскими.

– Имеется ли для меня и моего друга, какая-нибудь капитанская вакансия? – спросил министра Хвостов.

Что же касается, вас, лейтенант, то готов предоставить вам место старшего офицера на уходящем в кругосветное плавание шлюпе!

– Благодарю покорно, ваше Высокопревосходительство, но я привык уже капитанствовать и в подчинение никому идти не желаю! – вежливо, но твердо ответил Хвостов.

Чичагов нахмурился. Дерзостных он не любил. К тому же министр уже прознал, что за свое плавание на Аляску этот лейтенант получил от кампании такие деньги, которые не получал и он сам. Это тоже симпатий к просителю не увеличило.

Путешественники и приключения двух героев были тогда самой модной темой. А потому Хвостов с Давыдовым были желанными гостями всюду. Рассказы их слушались с открытыми ртами. Когда же, подвыпивши, Хвостов без всякого стеснения расстегивал мундир и демонстрировал дамам свою волосатую грудь, на которой хищно расправлял крылья вытатуированный орел, дамы падали без чувств...

Не обошлось, впрочем, и без неприятностей. Однажды, будучи не слишком трезв, Хвостов сильно обидел своего младшего товарища. Отношения между друзьями на некоторое время стали весьма холодными.

Решили друзья попытать счастья и попроситься к вице-адмиралу Сенявину, готовившую эскадру к походу в Средиземное море. Но Сенявин лейтенанту с мичманом отказал, сослался, что все вакансии заняты. Думается, будучи наслышан о приключениях офицеров в Америке, заработанных ими больших деньгах, он отнесся к ним с определенным предубеждением, предполагая в них не только склонность к непослушанию, но и излишнюю самонадеянность, да и разговоры в ту пору в Кронштаде ходили о друзьях разные. Как бы то ни было, но Балтийский флот уходил воевать в дальние пределы, а Хвостов с Давыдовым оказывались не

у дел. После пережитого ими на Тихом океане и в Америке, сидеть в Кронштадте при береговых должностях: утром плац и барабан, днем плац и барабан, да и вечером все тоже. Ну, уж нет!

И СНОВА ЧЕРЕЗ СИБИРЬ

Меж тем руководство Российско-Американской кампании вновь пригласило обоих офицеров к себе.

– Я предлагаю вам снова поступить к нам на службу! – такими словами встретил Хвостова с Давыдовым вице-канцлер империи граф Румянцев, состоявший одновременно и президентом кампании. – Люди вы в деле уже проверенные, а потому и жалование вам будет положено вдвое, против прежнего!

Хвостов с Давыдовым переглянулись.

– Ну, решайтесь же! – все наседавал на них вице-канцлер. – Что таким молодцам в балтийской луже киснуть! Вы ведь оба рождены для невероятных дел! Решайтесь! К тому же отныне вы будете не просто служащими кампании, а ее полноправными акционерами!

– Мы согласны! – ответили разом оба.

В глазах их уже горел азарт будущих приключений.

Недавние размолвки сразу отошли в прошлое, жажда нового перевесила усталость всех перенесенных лишений.

– Каковы будут конкретные поручения? – уже по-деловому спросил Румянцева Хвостов.

– Подчиненные вы будете отныне правителю Баранову! – сразу посерьезнел и тот. – Заботиться же надлежит вам отныне о многом: строить укрепления и суда, составлять карты и учить штурманскому делу тамошних мореходов, возить пушнину и грузы, отстаивать интересы российского флага в восточных пределах! По прибытию же на Аляску камергера Резанова, поступите в его распоряжение! Впрочем, подробную письменную инструкцию получите от меня завтра.

Отец и мать Хвостова были против новой поездки сына на край света. Они больше желали видеть его на военной службе, но «не смели ничего ему советовать».

А затем снова было прощание: слезное с родными и разгульное с сотоварищами.

– Ждите нас и не забывайте! – кричали друзья, уезжая.

Дорога была уже им знакома: за Казанью Пермь, за Пермью Кунгур, За Кунгуром Барабинская степь, потом Томск, и, наконец, долгая дорога до Охотска.

Снова перед ними расстилалась бесконечной тайгой Сибирь, снова они были вместе, а впереди их ждала манящая неизвестность.

В конце августа 1804 года Хвостов и Давыдов прибыли в Охотск. Там лейтенанта и мичмана встретил новый портовый начальник Бухарин, а, встретив, руки им не подал. Друзья случая этому тогда значения не придали и зря! Придет время, и от этого Бухарина они еще наплачутся. Пока же портовый начальник злословил о прибывший в кругу своих чиновников:

– Этиходимцы деньги, видать, прямо лопатой к себе гребут! Сейчас опять в Америку за тысячами подадутся!

– А вы, ваше родие, тожа в ту самую Америку за тыщами и поезжайте! – полез было с советом пьяненький писарчук.

Ответом дураку был хороший тумак, да сопроводившая его фраза философическая:

– В енту самую Америку пусть самоубивцы плавают! Я ж человек с головой, я и здесь своего не упусти! Что же до господ офицеров, то пусть сейчас себе едут, куды хотят, дознание будем им чинить по возвращению!

Хвостов с Давыдовым, меж тем, осмотрели компанейское судно "Мария". Начальствовавший над ним лейтенант Машин – рубаха-парень, оказавшийся в Сибири за беспробудное пьянство в Кронштадте. Ныне Машин выглядел вполне трезвым, впрочем, возможно, что в Сибири водка его просто не брала. Приехавшим коллегам ссыльный лейтенант обрадовался несказанно. Хвостов же при встрече с Машинным все время как-то мялся. Дело в том, что согласно столичной инструкции, Машин должен был уступить Хвостову командованием своим судном, оставшись на нем до прибытия на Аляску лишь пассажиром. Для флотского офицера – это большое оскорбление. Однако делать нечего и Хвостов, повздыхав, выложил бумаги перед лейтенантом. Прочитавши все,

Машин, разумеется, опечалился:

– Вот какова благодарность за все труды мои каторжные!

– Не печалься, – обнял его за плечи Хвостов. – В начальство над судном я вступать не стану. Мы с Гаврилой будем сами при тебе пассажирами. пусть начальство считает, как ему лучше, а мы делаем как нам виднее!

– Ну, это другое дело! – сразу повеселел Машин. – Тогда поладим!

И тут же отправил денщика за четвертью.

Затем все трое принялись готовить "Марию" к нелегкому плаванию. Но много ли можно сделать из старого латанного-перелатанного судна, когда еще и начальник охотский за каждый гвоздь взятку требует. Историк пишет: "В море судно это претерпело великия бедствия: открылась течь, раскололись скрепления, ослабел рангоут. Команды было множество и много больных, пища недостаточная. И потому вместо Кадыяка, куда назначалось им идти, спустились они в Петропавловскую гавань, где и зазимовали".

В Петропавловске они застали шлюп «Надежда» Ивана Крузенштерна.

КАМЕРГЕР РЕЗАНОВ

Зимовка есть зимовка – дело нудное и долгое. Но на исходе мая в Авачинскую бухту вошел шлюп "Нева" капитан-лейтенанта Лисянского, завершившего первую половину своего кругосветного плавания. Какая была встреча! Все радовались необычайно. Шутка ли, боевые российские корабли впервые достигли столь отдаленных пределов! Среди офицеров, как «Надежды», так и пришедшей «Невы» были бывшие сослуживцы и однокашники Хвостова и Давыдова.

Вместе с офицерами "Невы" на берег сошел и камергер Николай Резанов, посланным императором Александром для установления дипломатических отношений между Россией и Японией.

Появлению Хвостова и Давыдова на Камчатке Резанов был рад несказанно. Камергера более всего поразило то, что со времени их последней встречи в Петербурге друзья успели побывать на Аляске, вернуться в столицу и снова оказаться на берегу Тихого океана. Такие сорви – головы были сейчас для камергера просто находкой!

Дело в том, что главной задачей Резанова было заключение мирного договора с Японией. Именно по этой причине Резанов получил высший придворный чин и был возведен в ранг полномочного посла. Но эта миссия закончилась полным провалом. Японские власти отказали посольству Резанова в каких-либо договорах. Более шести месяцев посольство и экипаж “Надежды” находились в Нагасаки под строгим, почти тюремным надзором, а затем отправили назад, не приняв даже подарков русского императора для микадо. Делать было нечего и Резанов с Крузенштерном ушли в Петропавловск.

Крузенштерн (слева) и Резанов (справа), японская гравюра

Помимо этого, во время плавания камергер подвергся бойкоту со стороны Крузенштерна и его офицеров, за то, что пытался взять

руководство экспедицией на себя. Инструкции были составлены столь двусмысленно, что и Крузенштерн, и Резанов могли претендовать на командование. Конфликт достиг крайних пределов, и Резанов в знак протеста последние несколько месяцев плавания вообще не покидал своей каюты. В Петропавловске Крузенштерн и его офицеры принесли ему свои извинения, отношения между послом и его свитой с одной стороны и Крузенштерном, и его офицерами с другой оставляли желать много лучшего.

С появлением же Хвостова и Давыдова Резанов получал двух лично ему подчиненных опытных морских офицеров и в услугах Крузенштерна больше не нуждался.

«Вот человек, которому нельзя не удивляться, – так писал о Резанове Хвостов в июле 1805 года. – Скажу справедливо, что я и Давыдов, им разобижены: до сих пор мы сами себе удивлялись, как люди, пользующиеся столь лестным знакомством в столице, имея добрую дорогу, решились скитаться по местам диким, бесплодным, пустым или лучше сказать страшным для самых предприимчивых людей. Признаюсь, я не говорил и не думал, и не приписывал одному патриотизму и в душе своей гордился; вот была единственная моя награда! Теперь мы должны лишиться и той, встретившись с человеком, который соревнует всем в трудах... Все наши доказательства, что судно течет и вовсе ненадежно, не в силах были остановить его предприимчивого духа. Мы сами хотели возвратиться на фрегате в Россию, но гордость, особливо, когда сравнили чины, почести, ум, состояние, то в ту же минуту сказали себе: идем, хотя бы то стоило жизни, и ничто в свете не остановит нас... Я не могу надивиться, когда он спит! С первого дня нашей встречи, я и Давыдов всегда при нем, и ни один из нас, не видал его без дела. Но что удивительнее: по большей части, люди в его звании бывают горды; а он совсем напротив, и мы, имея кой-какие поручения, делаем свои суждения, которые по необыкновенным своим милостям принимает...»

Мнения же историков насчет личности Резанова достаточно противоречивы.

Американский адмирал Ван Дерс: "Николай Резанов был прорзорливым политиком. Живи Н. Резанов на 10 лет дольше, то, что

мы называем Калифорнией и Американской Британской Колумбией, были бы русской территорией".

Николай Резанов

Другого мнения был наш соотечественник капитан 1 ранга Д. Афанасьев, писавший в журнале «Морской сборник» № 3 в 1864 году: «...Сей г. Резанов был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову более способную созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предназначения... Рассчитывая, что частные купцы, доставляя свои товары в Охотск и в Камчатку сухим путем через Сибирь не могли продавать их так дешево, как товары,

привезенные от компании морем, он назначил всем вещам в Камчатке очень низкие цены, даже в убыток компании, с тем намерением, чтобы уронив частных купцов, захватить в пользу компании монополию; но компанейский комиссар в Петропавловске, зная, что компания не в силах всякий год присылать суда с товарами из Европы, согласился с некоторыми другими купцами, взял на себя большое количество разных товаров из Компанейской лавки, которою сам управлял, и, оставя службу в компании, стал продавать свои товары по прежним высоким ценам и даже самому новому комиссионеру компании на ее счет... После этого первого опыта своего первого искусства в торговых оборотах и после пробы дипломатической тонкости его в Японии (опять неудачной), г. Резанов составил план для другого великого предприятия: он вздумал основать торговлю в Калифорнии, но, отправившись на компанейском судне в С.Франциско, он получил там ответ, что о торговле этой должно говорить в Испании, а не здесь. Но и сии три неудачные покушения не ослабили изобретательного духа

г. Резанова; он объявил войну Японии и послал два компанейские судна грабить и жечь японские селения, пока правительство их не согласится торговать с нами; а пленных японцев предлагал селить в Америке и употреблять на компанейские работы... Смерть прекратила дальнейшие его планы, которым, вероятно, он не переставал бы служить компании».

Из дневника известного в будущем адмирала, а тогда лейтенанта Макара Ратманову, бывшего в этом плавании "Невы" старшим офицером: "Копенгаген... Посол жил на берегу... и мало нам делал чести, так что я несколько раз должен был напомнить ему о его звании; советовал снять знаки отличия и тогда уже гоняться за известными женщинами в садах и по улице. Тут я мог заметить, что мало будет нам делать чести его превосходительство, и чем более мы были с ним вместе, тем более находили в нем и в свите неблагородного". Вот еще одна запись Ратманова, сделанная уже на острове Святой Екатерины: "...У нашего посла украли 49 талеров и золотую табакерку; но я стороною слышал, что табакерка попалась в те руки, которые доставляли послу белых и черных красавиц. В бытность посла на берегу, он мало делал России чести..."

Ряд историков считает, что, возможно, Резанов и был выдворен на самый край света, подальше от столичных скандалов из-за своего скандального поведения в столице. Помимо этого, еще много пишут, что Резанов был нечист на руку – еще с екатерининских времен.

Весьма своеобразной была и свита посла. Граф Федор Толстой, известный впоследствии все России под прозвищем "американец" – дуэлянт и карточный шулер, барон Фридрихс– мот и аферист, надворный советник Фос – законченный алкоголик. При этом последние два во время плавания отличились еще и тем, что были уличены с поличным в воровстве денег у капитана Лисянского...

После, даже столь краткого знакомства с членами дипломатической миссии, вовсе не трудно понять, почему она потерпела полное фиаско в Японии!

Неудача Резанова в Японии ставила крест на его дальнейшей дипломатической карьере. Но камергер не унывал. После неудачи в

делах посольских, Резанов теперь собирался вплотную заняться делами Российско-Американской кампании и весной после зимовки отправиться на Аляску.

Первым делом, прибыв в Петропавловск, Резанов собрал свои вещи и перебрался с неподчиненной ему "Невы" на подвластную "Марию". Из всей свиты камергер взял с собой лишь естествоиспытателя борона Лангсдорфа.

– В Японии я свои дела уже переделал! – лаконично объявил камергер офицерам "Марии". – Теперь же поплыву с вами на Аляску!

"Не знаю, – провидчески писал в те дни в своем дневнике Хвостов, – Счастливая или несчастливая судьба нас соединила с Н. П. Резановым на самой отдаленной точке Российского государства".

...Стылые дремотные волны качали утлое двухмачтовое суденышко. В промежутках между вахтами сквозь дрему людям казалось, что они слышат не скрип, а стон старого судна. Миновали остров Прибылова, затем Уналашку. Вот, наконец, и Ситха – столица русской Америки.

Мореплавателей Ситха встретила еще дымящимися пепелищами. Совсем недавно она была в очередной раз разорена и разграблена воинственными индейцами-колошами, а затем отбитая капитаном Лисянским только-только начала отстраиваться заново.

Постаревший Баранов встречал Хвостова с Давыдовым, как отец родных сыновей. Целуя, приговаривал:

– Соколики мои родные, и не чаял вас вновь в местах наших диких увидеть!

Резанову же Баранов сказал при встрече так:

– Полагалось бы встретить особу твою высокую хлебом-солью... Да вот беда – нет у нас ни хлебушка, ни соли. Не подвезли сей год из Охотска.

– Что ж вы едите? — спросил Резанов.

– А что придется. Когда рыбку выловим, когда грибок найдем. А супротив болезни скорбута пиво варим – из еловых шишек... И Богу молимся!

Здесь же в Ситхе Хвостов с Давыдовым встретились еще с одним человеком, который невольно сыграет в их жизни роковую

роль, с американским шкипером Вульфом.

Джон Вульф – шкипер и торговец из Бристоля Джон Вулф пришел на Аляску года на своем судне «Жано».

Судно Вульфа была загружено различными товарами, продовольствием, оружием, порохом, пулями – вещами на Аляске необходимыми. Вулф и Баранов вели взаимовыгодную торговлю. Прибытие Вульфа отсрочила голод, но доставленного им продовольствия все равно было мало для того, чтобы перезимовать. Необходимо была еще одна и большая закупка.

Баранов и Вульф подружились, и шкипер принял предложение правителя участвовать в совместной экспедиции к берегам Калифорнии, чтобы купить там хлеба, одновременно взяв на борт несколько десятков индейцев для ловли морской выдры. Но их плану не суждено было осуществиться – в Ново-Архангельск пришла «Святая Мария» и все дела взял в свои руки Резанов.

Из записок Д.Вулфа: «Его командиром был Андрей В. Машин, а в качестве пассажира на борту находился Николай Резанов, дворянин, который после неудавшейся миссии в Японию заехал на Камчатку по пути к факториям на Северо-Западном побережье... Вместе с ним прибыли также два лейтенанта российского флота Николай Хвостов и Иван Давыдов, д-р Лангсдорф и два корабельных плотника Корюкин и Попов, которые должны были построить здесь корабль... Несколько дней после их прибытия прошли в веселье и радости, и дело было полностью приостановлено. Появление столь выдающейся личности, чья власть на короткое время затмила даже власть губернатора, было событием большого значения».

Камергер, тем временем, объявил уже свой план преобразования колонии. Чего там только не было: промышленность и земледелие, рукоделия и ремесла, торговля и мореплавание. Помимо этого, Резанов собирался взять реванш и за японскую неудачу! Хвостову он показал свой план мщения, который наскоро составил во время плавания. Суть его заключалась в том. Чтобы продемонстрировать японцам силу русского оружия и изгнать их промышленников с Сахалина и курильских островов, на которые они не имели никаких прав.

Хвостов, бумаги те бегло просмотревши, только хмыкнул:

– Красиво, заманчиво, но... сказочно!

– Они меня еще вспомнят, косоглазые, а, вспомнив, зальются слезами кровавыми! – грозился Резанов кулаком в сторону океана.

Но Япония Японией, а пока надо было срочно заниматься делами аляскинскими. Дело в том, что после сожжения индейцами-колошами Ситхи, вместе с крепостью были сожжены и продовольственные склады и теперь колонии грозил скорый голод. Единственной возможностью его предотвратить была организация морской экспедиции в богатую хлебом Калифорнию. Но для этого нужны были крепкие суда, так как пускаться в столь большое плавание на строй «Марии» было небезопасно.

Прибывшие с Камчатки плотники под руководством Хвостова и Давыдова уже всюю строили тендер, но суденышко было слишком маленьким, чтобы на нем можно было доставить продовольствие для всех промышленников Аляски.

Что касается Хвостова с Давыдовым, то они к этому времени так же, как и Баранов, подружались со шкипером Вульфом. Осмотрев его судно, друзья нашли, что это именно то, что надо для плавания в Калифорнию. Сообщили Резанову. Тот сказал:

– Покупайте, сколько бы эта «Жано» не стоила!

Джон был моряком опытным, да и человеком вполне порядочным. Как водится, для начала все трое хорошенько выпили, потом добавили еще.

– Джонни! – перешел к делу Давыдов, когда под столом стало тесно от пустых бутылок. – Нам с Николя нужно хорошее судно! Платим сразу и наличными!

– Нет проблем! – пожал плечами мутноглазый Джонни. – Берите мою "Жано"! Девчонка что надо! На ходу легка, а уж на волне удержится даже если все днище вырубить!

– Сколько просишь?

– Сто тридцать тысяч рублей! – прикинув в уме, заявил рыжебородый Вольф.

– Запас солонины и сухарей твой! – сразу же добавил Давыдов.

– О, кей! – ударили по рукам. – За новую покупку наливай по полной!

– Как назовем судно? – спросил друга Давыдов, когда все бумаги были оформлены.

– Называй, как знаешь! – ответил тот.

– Пускай тогда будет "Юноной" – богиней римской! – подумав, сказал мичман.

– Почему именно "Юноной"? – удивился Хвостов.

– Красиво и романтично!

– Тогда строящейся тендер я назову "Авось"! – махнул рукой Хвостов.

– А почему "Авось"? – настала пора уже удивляться Давыдову.

– Авось нам повезет! – усмехнулся в ответ лейтенант. – Авось притом еще и живыми останемся!

После недолгого обсуждения было решено, что капитанство над "Юноной" возьмет Хвостов, а над "Авось" Давыдов. Пока же мичман достраивал свой тендер, Хвостов опробовал свое новокупленное судно. "Юноной" лейтенант остался доволен. Обшитое медью судно легко всходило на волну и неплохо держало курс. Старина Вольф не обманул!

Колонисты заметно повеселели, но уже к Рождеству стало ясно, что припасов до лета едва ли хватит...

«Нужда в колониях, — писал историк П.Тихменев, — во всем необходимом доходила до того, что на 200 человек выдавалось хлеба, не более фунта на неделю на каждого, и то только до 1-го октября. Рыба перестала ловиться. Сушеная юкола, сивучина и изредка нерпы, составляли единственную пищу новоярхангельцев. Нужда заставила не пренебрегать ничем: ели орлов, ворон, каракатиц и вообще всякую всячину. Только больным скорбутом (цингой — В.Ш.), царствовавшим, можно сказать, в заселении, давали пшено с патокою и пиво, сваренное из еловых шишек».

Но дело обстояло не так просто. Дело в том, что Российско-Американской кампании было запрещено торговать с чужими государствами. Однако ситуация диктовала свои правила. Надо было плыть в Калифорнию, и, несмотря на официальный запрет на торговлю с иностранцами, через миссионеров-контрабандистов обменять меха на продукты. И Резанов принимает решение, беря всю ответственность на себя.

Из записей Хвостова: «Я никому так не удивляюсь, как Николаю Петровичу, — однако и его терпение начинает останавливаться. До сих пор он был удивительно терпелив, но нынче, начиная чувствовать припадки цынготной болезни, и боясь последовать образцу наших промышленников, которые ежедневно отправляются в Елисейские поля, (то есть умирают – В.Ш.), намерился, спасая несчастную кучку людей, отправиться в Калифорнию, уповая достать хлеб от испанцев...»

Резанов известил Петербург о своем решении: «Нашелся я принужден... предпринять путешествие в Новую Калифорнию...»

«Мысль хороша, — писал об этом решении идти в Калифорнию командир «Юноны» лейтенант Хвостов, — но не очень приятна. Сегодня вряд ли и не снимемся с якоря, забывая, что равноденствие на дворе, а нам надо идти к тропикам, где около этого времени стоят крепкие ветры».

25 февраля 1806 года «Юнону» снарядили в поход, а колонистам Резанов сказал на прощанье:

– Либо вернемся к весне с продовольствием, либо не вернемся вовсе!

Прибыв на стоящую на рейде «Юнону», камергер поинтересовался у Хвостова, когда тот думает поднять якорь.

– Вот дохлебаю пунш, и можем отчаливать! – невозмутимо отвечал Хвостов с удовольствием потягивая из стакана обжигающий напиток

КАЛИФОРНИЙСКАЯ ЭПОПЕЯ

Итак, «Юнона» взяла курс к берегам испанской Калифорнии. Рядом с Хвостовым на палубе и неразлучный Давыдов. Вместе они и делили между собой капитанские вахты.

Еще в 19 веке историк флота А.Соколов совершенно случайно нашел удивительное стихотворение Гаврилы Давыдова, наскоро начертанное им на странице с объявлением о продаже английских книг. Стихотворение это удивительное! Посвящено он, разумеется, Хвостову, вернее, их отчаянным плаванию на «Юноне» в Калифорнию. В небольшом стихотворении есть все и русская удаль,

и морской профессионализм, и искрометный флотский юмор!

*Хвостов во океанах,
Как будто тройками,
На ухарских Иванах,
Нас на "Юноне" мчит,*

*Через горы водяные,
Туманы, мглы густые,
Грот, фок в корню имея,
В пристяжке лисель не жалея.*

*Дерет — и пыль столбом летит,
Фок-мачту ломит, та трецит,
Грот-стенга отказалась,
«Юнона» рассмеялась,*

*Другую с ростеров тащит.
И ночью ль, днем у ведьмы одне шутки,
Хвостов съякшался с ней,
Морочит всех людей,*

*Поставит в срок, кричит
Нам стенги, мачты — дудки!
Смотри, Хвостов, «Юнонины» бока,
Чтоб не дали нам всем
За смелость тумака!*

В конце марта 1806 года "Юнона" достигла залива Сан-Франциско. Сойдя на берег, Резанов в сопровождении Хвостова и Давыдова отправился с визитом к местному испанскому коменданту дону Аргуэльо.

– Желаю встретиться с губернатором Калифорнии! – заявил он без обиняков. – Говорить же хочу с ним о взаимовыгодной торговле между российской и испанской коронами!

Внезапное появление в столь отдаленном крае важного

русского вельможи вызвало у испанцев настоящий шок. Просьбу Резанова незамедлительно передали в столицу Калифорнии Монтерей. Мгновенно пришел и ответ: губернатор готов прибыть на встречу с камергером российского императора.

«Местные испанские власти, с недоверием встретившие непрошенных пришельцев с севера, — пишет американский писатель русского происхождения В. Петров — очень быстро, однако, переменили свое мнение о них, потеплели, подружились, и все это в основном благодаря дипломатическим способностям, хорошим манерам и такту Резанова».

Калифорния – край благодатный. После аляскинских и сибирских холодов отдыхать здесь было одно удовольствие. Комендант дон Аргуэльо, как гостеприимный хозяин, развлекал гостей зваными ужинами и домашними балами. Здесь и состоялось знаменитая встреча шестнадцатилетней дочери коменданта Консепсии с сорокатрехлетним российским камергером. Каково было отношение к юной испанской красавице Хвостова с Давыдовым, мы, наверное, уже никогда не узнаем. Ни тот, ни другой не оставили на сей счет ни единой строки в своих записках. Вполне может быть, что девушка могла понравиться романтичному и влюбчивому Давыдову, но куда было отставному мичману до столь многоопытного и прожженного сердцеда, как Резанов!

Тем временем из Монтерея прибыл губернатор. Ранг полномочного посла Российского Императора и чин камергера был столь велик, что кроме губернатора никто не имел права вести переговоры со столь значимой фигурой, как Резанов. Испанцы были поражены уровнем уважения к ним со стороны России. Начались долгие и трудные переговоры. Резанов добивался не столько закупки продовольствия для Аляски, сколько установления долгосрочных торговых отношений между русской и испанской колониями. Испанцы с ответом тянули. Дело в том, что им (как и Российско-Американской кампании) было категорически запрещено торговать с кем бы то ни было, кроме собственной метрополии. Вот тут-то на помощь Резанову и пришла Консепсия – Кончита.

*Мария Консепсьон Аргуэльо
(Кончита (исп. Conchita))*

Предоставим слово одному из первых историков русской Америки П. Тихменеву: "Резанов, заметив в Консепсии независимость и честолюбие, старался внушить этой девице мысль об увлекательной жизни в столице России, роскоши императорского двора и прочем. Он довел ее до того, что желание сделаться женою русского камергера стало вскоре любимой ее мечтою. Первый намек со стороны

Резанова о том, что от нее зависит осуществление ее видов, был достаточен для того, чтобы заставить ее действовать согласно его желаниям".

Как было дело на самом деле, мы, наверное, уже никогда в точности не узнаем. Была ли это великая взаимная любовь, о которой столь вдохновенно писал поэт, или же это была всего-навсего красивая легенда? Да так ли уж это сегодня и важно!

Честно говоря, в искренности чувств Резанова к Кончите у меня есть определенные сомнения. Дело в том, что буквально три месяца спустя в одном из своих писем из Сибири, Резанов не без бахвальства пишет, что держит у себя двенадцатилетнюю наложницу-аборигенку. На влюбленного романтика – это не очень похоже.

Так или иначе, но Резанов сделал Консепсии предложение. Узнав об этом, родители калифорнийской красавицы пришли в ужас. Ревностные католики, они и представить себе не могли, что их дочь – католичка выйдет замуж за православного – схизматика. Но что не сделаешь ради любимой дочери! И комендант дон Аргуэльо после долгих сомнений все же дал свое согласие на брак. Тогда же в Рим ушло письмо, где Аргуэльо просил благословление папы на этот брак.

Помолвка состоялась в местном католическом храме. Резанов

покаялся невесте, что непременно добьется в Петербурге разрешения на брак и вернется к ней...

Согласна ли она подождать ещё два года?

В ответ Кончитта рассмеялась:

– О!.. Да хоть и двадцать раз по два года! Хоть всю жизнь!

С этого момента комендант уже сам всюду отстаивал интересы россиян и своего будущего зятя. В итоге всех интриг просимые для Аляски грузы были, в конце концов, доставлены в порт и погружены на "Юнону". Судно без промедления взяло курс на Аляску. Можно только предполагать, о чем думал Резанов, навсегда прощаясь со своей невестой...

И снова впереди океан. Сидя в каюте, Резанов писал совету директоров РАК в Петербург: "Мало-помалу можем пробираться далее к югу, к порту Сан-Франциско. В течение десяти лет до ой степени можно усилиться, что и Калифорнийский берег всегда иметь в таком виде, чтоб при малейшем сечении обстоятельств можно его было б включить в число российских принадлежностей. Гишпанцы весьма слабы в краю сем". Пройдет совсем немного времени и на калифорнийском берегу действительно возникнет русское поселение – форт Росс – самая крайняя южная точка русского продвижения в Америке. Но сам Резанов до этих дней уже не доживет...

До отказа груженная продовольствием «Юнона» (4600 пудов пшеницы, муки, ячменя, гороха, бобов, соли и сушеного мяса) возвратилась на Ситху в первых числах июня 1806 года.

В Ново-Архангельске приход «Юноны» встретили ликованием. За время отсутствия судна болезни и голод унес жизни 17 промышленников и нескольких десятков индейцев.

Резанова промышленники встретили гимном Аляски, сочиненным Барановым:

*Честию, славой сюда завлеченны,
Дружбою братской здесь соединенны,
Станем создавати, дальше занимати,
Русским полезен Америки край.
Здесь хоть дика кажется природа,*

*Кровожадна привычка народа,
Но выгоды важны, Отечеству нужны –
Сносными делают скуку и труд.*

Привезенные из Калифорнии продукты продавали по самой низкой цене: четверть хлеба по 3, бобы и горох по 4, масло по 8, сало говяжье по 6 рублей ассигнациями за пуд, в то время как четверть хлеба (7 пудов 10 фунтов) до прихода «Юноны» стоила 34-35 рублей, а крупа — до 60 рублей. Угроза голода для Аляски миновала.

К этому времени мастера Попов и Корюкин уже закончили постройкой 40-тонный одномачтовый тендер. Капитаном его стал только что вышедший в лейтенанты Гаврила Давыдов.

Пока "Юнона" ходила в Калифорнию, на Аляску обрушилась еще целая череда несчастий. Сильнейший шторм разбил шедший из Кадьяка бриг "Елисавета", тогда же погибло множество находившихся в океане промысловиков, а в довершение ко всему индейцы-колоши целиком вырезали Якутанское поселение. Поэтому едва "Юнона" бросила якорь на рейде Ситхи, как Хвостов и Давыдов оказались в центре скандала, когда местные начальники стали обвинять друг друга во всех случившихся бедах. Предоставим слово современнику этих событий: "Часто возникающие ссоры Хвостова и Давыдова, иногда ссоры их с Барановым и его помощником Кусковым, наконец, ссоры Хвостова с самим Резановым, продолжительны и жарки... Резанов впоследствии рассказывал, что Хвостов приколотил Кускова и угрожал стрелять ядрами по селению Российско-Американской кампании в Ситхе, в котором находился Баранов; Хвостов обвинял Резанова в коварстве и дерзостях. Добрый Давыдов, забывая личные неприятности, вызывался "на коленях" просить примирения. Непрестанная деятельность, труды и огорчения в этой отдаленной и дикой стране, сильно потрясали пылкого Резанова, уже расстроенного неудачей его посольства в Японию и неприятностями первого кругосветного плавания; он начал ослабевать..."

Теперь камергеру было уже не до Калифорнии и затеянной еще ранее того экспедиции на Курилы. Однако Хвостов то и дело

напоминал ему о Курильском походе:

– Лыщусь будущими подвигами и не желаю ждать более! Нам ли, россиянам, пасовать перед трудностями! – говорил он камергеру.

Тот, уже больной, слабо отмахивался:

– Я в сем предприятии уже не участник, но ты, Коленька, поступай, как знаешь. Хотя японцев выдворить и наших пределов все же следует непременно!

Резанов же, тем временем, засобирался в Петербург. Делать в этих краях ему, собственно говоря, более уже было нечего. С Японией дипломатических отношений ему установить не удалось, Аляску он проинспектировал и продовольствием обеспечил.

Покидая Аляску, Резанов оставил секретное предписание Баранову. В нем, в частности, говорилось: «Недостаток хлебных припасов подвергает людей болезням, голоду и самой смерти. Охотск не в силах снабдить Америку нужным количеством хлеба, следовательно, необходимость влечет к обширной торговле, которая из разных мест доставит источники. Произведенный мною опыт торговли в Калифорнии и согласие тамошних жителей поставили уже на вид надежные и неисчерпаемые источники, которые по возвращении моем постараюсь я представлением правительству выгод от торга сего привести в действительное исполнение. Второй опыт, ныне мною к японским берегам предпринимаемый, ежели Бог благословит, принудит, может быть, к торговле державу сию, и тогда одно пшено, коим Япония изобилует, составит безбедное уже здешнему краю прокормление».

Был конец июля, когда маленькая эскадра русских судов покинула берега Аляски. Впереди барахталась в волнах "Юнона" (флагманская). Следом, то появлялся, то исчезал в разводьях пенных валов маленький "Авось". На полпути к Сахалину суда разошлись. Давыдов, теперь уже в одиночестве, продолжил путь к сахалинской бухте Анива. "Юнона" же повернула на Охотск, чтобы доставить туда больного камергера.

Теперь Резанов опять вернулся к мысли отомстить японцам за срыв переговоров.

План Резанова был предельно прост – усиление России на

границе с Японией, чтобы микадо и его ближайшие советники осознали необходимость установления дипломатических, в том числе и торговых, отношений с Россией. Для этого Резанов предполагал создать русскую колонию на Сахалине. Колонию с крепостями, вооруженными артиллерией, прямо напротив Матсмая — Хоккайдо. Кроме того, с помощью компанейских судов Резанов хотел парализовать торговую связь между островами, захватив в плен неповоротливые купеческие суденышки японцев, не способных отдаляться от берегов более чем на 3-4 мили. Все это должно было, по мнению камергера, вызвать ропот в народе и заставить согласиться самых упорных из министров на союз с Россией.

В замыслах камергера был известный резон. Именно в это время японцы, пользуясь отсутствием у России на Дальнем Востоке военной силы, начали наглое завоевание принадлежащих ей Сахалина и Курильских островов. Основывая в укромных бухтах одну факторию за другой, они неуклонно продвигались все дальше на север.

Пригласив в один из дней к себе в каюту Хвостова и Давыдова, Резанов был с ними особенно приветлив:

– Господа! Я знаю вас, как людей решительных и предприимчивых. Плавая же с вами, я убедился и в том, что превыше всего прочего вы ставите общую пользу. А потому решил я на будущий год произвести решительную экспедицию, которая положит процветание этому краю. Готовы ли вы пожертвовать собою, если это потребуется, ради пользы Отечества?

Мало что поняв из туманного Резановского монолога, друзья, тем не менее, не моргнув глазом, ответили:

– Готовы!

Потом, правда, более осторожный Давыдов все же поинтересовался:

– А в чем, собственно говоря, суть дела вами затеваемого?

– Об этом узнаете в свое время, но не сейчас! – заговорщицки взмахнул своими многочисленными перстнями Резанов.

Спустя некоторое время камергер вновь призвал к себе лейтенанта с мичманом. Заговорщицки прикрыв дверь, он усадил их подле себя и вполголоса начал разговор:

– Вам надлежит в самое ближайшее время осмотреть шестнадцатый и восемнадцатый острова гряды Курильской. На первом, как известно, имеется вполне приличная гавань, а на втором поселение американском кампании. Далее направитесь к острову Сахалину, чей берег недавно японцами вероломно захвачен. Там освободите о злодеев местных жителей айнов. Одарите айнов одарите вещами и медалями, а на берегах сахалинских установите знаки границ державы Российской!

– Дело ясное! – кивнул камергеру Хвостов. – Мы флага русского не опозорим! Все исполним, как должно в точности!

Справедливости ради, следует отметить, что еще во время своего шестимесячного «сидения» в Нагасаки, Резанов не постеснялся напомнить личному представителю микадо, что «на север от Матсмая (Хоккайдо) все земли и воды принадлежат российскому императору и чтобы японцы не распространяли далее своих владений». Но сыны божественной Аматерасу были себе на уме. Доходили до Резанова слухи, что на Сахалине в заливе Анива они учредили свою факторию, а на остров Итуруп они переправили воинский гарнизон и срубили там все русские православные кресты...

В написанной Резановым инструкции говорилось: «Войти в губу Анива и, буде найдете японские суда, истребить их, людей, годных в работу и здоровых, взять с собою, а неспособных отобрать, позволить им отправиться на северную оконечность Матмая (Хоккайдо). В числе пленных стараться брать мастеровых и ремесленников. Что найдете в магазинах, как-то: пшено, соль, товары и рыбу, взять все с собою; буде же которыя будут ею наполненными и одаль строения, таковых сжечь... Обязать на судне вашем всех подписать, чтобы никто не разглашал о намерении экспедиции сей и чтоб исполнение ея в совершенной тайне было...»

Едва ошвартовались в охотской гавани, как Резанов вручил Хвостову еще одну инструкцию, написанную столь витиевато и двусмысленно, что понять ее суть было просто невозможно: «...Оказавшийся перелом в фок мачте, противные ветра плаванию вашему препятствовавшие и самое позднее осеннее время обязывают вас теперь поспешить в Америку. Время, назначенное к соединению вашему с тендером в губе «Анива» пропущено.

Желаемых успехов, по окончании уже там рыбной ловли, ныне быть не может, и притом, сообразуясь со всеми обстоятельствами, нахожу лучше всего прежде предписанное оставя, следовать вам в Америку, к подкреплению людьми порта Новоархангельска. Тендер «Авось» по предписанию и без того возвратиться должен. Но ежели ветры без потери времени допустят вас зайти еще в губу Анива, то старайтесь обласкать сахалинцев подарками и медалями и взглянете, в каком состоянии водворение на нем японцев находится. Довольно исполнение сего сделает вам чести, а более всего возвращение ваше в Америку, существенную пользу приносящее, должно быть главным и первым предметом вашего усердия. И так, подобным наставлением снабдите вы и тендер, буде с ним встретитесь. Впрочем, в плавании вашем могущие быть непредвиденные обстоятельства соглашать вы будете с пользами компании искусство ваше и опытность, конечно, извлекут лучшее к достижению исполнением сего предписания. Я с моей стороны крайне жалею, что здешний порт не способен к перемене вам мачты и что стечение обстоятельств обязало меня к перемене плана».

– Как может сугубо сухопутный человек судить о безнадежности мачты? Я докажу, что и без мачты могу все выполнить! – обиделся Хвостов, прочитав новую инструкцию. – И как поступать с японцами?

Специально ли составил Резанов так инструкцию или по недомыслию, так и осталось тайной. На словах же он требовал от Хвостова и Давыдова атаковать японские поселения на Сахалине и Курилах. Друзья таким приказом были несколько ошарашены.

Из дневника Хвостова: «Пойдем, – говорил он (Резанов – В.Ш.), – пощипать этих дураков (японцев – В.Ш.), в отмщение за худой прием нашего посла в Японии. Вы верно захохочите, да нельзя и не смеяться, что два маленькие суденка с пятьюдесятью человеками, идут наказывать такой народ, которого боятся пошевелить как муравейную кучу? Но это все не удивительно. Вы спросите, каким образом (Николай Петрович), получивши ключ (знак камергера – В.Ш.), ленту, все почести, век живши в Петербурге, сидевши за пером, вдруг пожелал обнажить шпагу, и где еще, на море! Сделался из юрисконсультанта морским адмиралом!

Вот прямо удивительная вещь! Но будьте уверены, все кончится хорошо...»

Историк пишет: «Призвав Хвостова и Давыдова на “великий подвиг”, “великое дело”, Резанов дал инструкции побывать на Курильских островах, открытых русскими еще раньше, а затем идти к острову Сахалин, пока действуют японские законы Токуганы, запрещающие японцам поселяться за пределами Японии. Названные земли к тому времени уже были открыты россиянами.

Когда же Хвостов с Давыдовым на следующий день пришли в дом, где остановился камергер, за разъяснениями, то оказалось, что Резанова в Охотске уже нет. Ночью, тайком от всех, камергер попросту ... сбежал. Почему, "заварив всю кашу" с японской экспедицией, Резанов перед самым ее проведением так сильно перетрусил, навсегда осталось тайной. Об этой тайне, по-видимому, что-то знал тогдашний начальник Охотского порта Бухарин, но пока помалкивал. Его время еще не пришло...

Отныне вся тяжесть ответственности за проведение карательного рейда была возложена на лейтенанта Хвостова. А он, как известно, отступать не привык!

ОСВОБОДИТЕЛИ ОСТРОВОВ

Вскоре верный офицерскому долгу лейтенант Хвостов уже вывел из Охотска свою "Юнону" в открытое море, чтобы исполнить пожелание покойного камергера и нанести удар по посягнувшим на российские границы японцам. Экспедиция, согласно оставленным Резановым указаниям, была объявлена секретной, а потому команда клялась хранить тайну, целуя крест.

В первых числах октября 1806 года бриг подошел к Сахалину и вошел в Анивскую бухту, где согласно уговору, его должен был дожидаться тендер "Авось" мичмана Давыдова. Но Хвостова ждало разочарование: тендера в бухте не оказалось.

– Что ж, – пожал плечами Хвостов, – Мы остались в одиночестве, но это совершенно ничего не меняет! Мы исполним все, что нам было предназначено!

На следующий день часть экипажа высадилась на берег и

посетила айнское селение, 8 октября Хвостов провозгласил Сахалин владением России. Вот как описывает эту церемонию сам командир "Юноны": "В 8-мь часов пополудни отправились на двух судах я, лейтенант Карпинский и корабельный подмастерье Корекин к тому же селению.

Айны – коренные жители Сахалина и Курильских островов

Подъезжая к берегу, подняли на шлюпке военный, а на баркасе купецкий флаги; добрые айны встретили суда уже в большем числе и присели на колени, когда мы вышли на берег, старались объяснить кое-какими словами, что мы русские и друзья их; я приказал на берегу поставить флагшток, на котором подняли оба флага, как военный, так и коммерческий. Показывая на судно, одарил всех платками и разными безделицами, на тоена или старшину селения надел лучший капот и медаль на владимирской ленте при троекратном из шести ружей выстреле, с судна на каждый залп ответственно из одной пушки.

Здесь должно заметить, что ружейная стрельба не произвела на айнов ни малейшего страха, но когда увидели огонь и звук пушек, то ужаснулись и приклонили головы.

Старшине при медали дал лист, на котором написано "1806 года октября _ дня". Российский фрегат "Юнона" под начальством флота лейтенанта Хвостова, в знак принятия острова Сахалина и жителей оного под все милостивейшее покровительство Российского Императора Александра I, старшине селения, лежащего на восточной стороне губы Анива, пожалована серебряная медаль на владимирской ленте (на медали значилось: «Союзные России» – В.Ш.). Всякое другое приходящее судно, как российское, так и

иностранные, просим старшину сего признавать за российского подданного".

После этого российские моряки разорили все найденные ими на берегу залива Анива японские магазины и фактории, захватили в плен четверых японцев. Находившиеся на японских складах товары были частично захвачены (всего на "Юнону" было погружено до 1000 пудов риса, до 100 пудов соли, а также невода, посуда, другие предметы), частично, по предложению Хвостова, разграблены винами. Затем все японские постройки и запасы строевого леса были сожжены. 16 октября "Юнона" покинула залив Анива.

Следующей целью была выбрана крепость Кусюнокотан в княжестве Мацумаэ (столица которого располагалась на острове Хаккайдо). Десант с "Юноны" был стремителен. Японцы почти не сопротивлялись, а сразу разбежались. Победители сожгли магазины, да захватили в плен и четырех самураев, у которых предусмотрительно отняли кривые ножики, чтоб не повспарывали себе животы. К дому местного владельца Хвостов самолично прибил доску с надписью, закрепляющей российскую принадлежность селения.

«Юнона» и «Авось» на Сахалине

Надпись гласила: «1806 года октября 12 дня, фрегат «Юнона». Поставлено в знак принятия острова Сахалина и жителей онаго под Всемиловейшее покровительство российского императора Александра I. Российского флота лейтенант Хвостов».

Отошел, посмотрел ладно ли получилось. Работой своей остался вполне доволен:

– Знай наших!

Пшено и другие припасы матросы раздали местным жителям айнам. Айны встречали россиян на коленях.

– Если б не ваш приход, нас бы всех убили! – плакали они горько.

– Никого отныне не бойтесь! – объявил им лейтенант, заставив с колен подняться. – Отныне вы все под защитой Российской державы!

А затем был труднейший штормовой переход до Петропавловска. И как высшая награда за перенесенные испытания – стоящий в бухте тендер "Авось" и братские объятья Давыдова.

Как оказалось, мичман ждал "Юнону" в условленном месте, но ветром переломило фок-мачту, и пришлось идти чиниться в Петропавловск – Камчатский. Друзья в порту долго не задержались. Пополнили припасы провизии, воды и в путь! На тот раз, посоветовавшись, Хвостов с Давыдовым решили вновь идти к Сахалину, чтобы демонстрацией морской силы и решимости навсегда отбить у японцев охоту к захвату чужих территорий. Однако "великость открывшихся повреждений", да повальные болезни заставили мореплавателей отложить свой поход до следующей весны. Морскому министру Чичагову Хвостов доносил о своих ближайших планах так: "Вторичный поход на Сахалин принесет те пользы, что получим богатый приз и освободим островитян от тиранства Японии, к чему призывает нас долг, приняв единожды Сахалин под покровительство российского монарха".

За зиму Хвостов составил первое научное описание языка и быта айнов, которое до сих пор ценится учеными!

Едва же в начале мая 1807 года Авачинская губа очистилась ото льда, "Юнона" и "Авось" снова вышли в океан. Перед выходом отслужили молебен и оба капитана просили Господа даровать им

удачу и добрую погоду. Во время самого перехода, Хвостов и Давыдов, как всегда, не теряли времени даром, а вели тщательную опись Курильской гряды. Штормов, к счастью, на этот раз не было. Зато крайне замедляли плавание непрерывные туманы. Но вот подошли к острову Итурупу. Для начала дали несколько залпов по крепостице Айбо. Потом высадили десант. Японцы разбегались столь стремительно, что поймать успели лишь несколько самых не прытких. Найденные припасы рыбы и соли раздали айнам. Захваченную бухту романтичный Давыдов нанес на карту, как бухта Доброе Начало.

Затем оба судна обошли остров с другой стороны, а там уже не фактория выстроена, а целая крепость. Теперь уже пушечным огнем наших встретили японцы.

– Кажется, дело обещает быть жарким! – спрыгнул в шлюпку, довольный возможностью подраться, Хвостов. – Отваливай!

Вскоре на берегу, во всю, кипел рукопашный бой. Японцы пытались контратаковать, но матросы дружно приняли их в штыки, часть перебили, а остальных рассеяли.

Коренастый рулевой с "Авось", еще не остыв от схватки, делился своими впечатлениями с дружками:

– Бегу, значитца, а передо мною ипона раскосый прыгает. И до чего чудно прыгает: руками крендели выделывает, ногами вверх дрыгает, а сам шипит, будто кошка драная! Уж как на его фортели поглазеть не хотелось, да недосуг был. Приложил я его кулаком в грудину, убил, конешное дело и дале побег. И чего прыгал, чего шипел, может чего сказать хотел, бес его знает!

Разогнав японцев, Хвостов с матросами сожгли все стоявшие на берегу магазины. Крепость, однако, захватить не удалось – кончился порох. Пришлось возвращаться на суда.

На следующее утро десант был свезен снова. На это раз впереди всех шли с обнаженными шпагами оба друга. Лейтенант и мичман словно соревновались друг с другом в храбрости. Не выдержав напора, японцы бежали вновь. В распахнутые настезь крепостные ворота моряки вступили, гордо печатая шаг. Трофеи им достались не малые: единороги и пищали, мортиры и ружья. Склады ломились от продуктов и товаров.

– Надолго видать обосноваться хотели! – мрачно констатировал Хвостов, меж рисовых завалов вышагивая.

Вечером загрузили припасы на суда. Не обошлось без неприятностей. В захваченной крепости матросы нашли несколько бочек с водкой – sake и тут же изрядно перепились, празднуя легкую победу. На радостях несколько человек отправились в гости к айнам, но вместо айнов напоролись на сидевших в засаде японцев. Обратно вернулись лишь двое...

Предав огню крепость и факторию, суда вышли в океан.

Отметим, что трофейные пушки (две португальского литья, одна японского) были впоследствии доставлены в Петербург, и до сего дня сохраняются в Артиллерийском музее...

Так, обследуя остров за островом и разоряя разбойничьи японские гнезда, Хвостов и Давыдов продвигались все дальше и дальше к югу. Известия же о их победоносном походе распространялись по островам столь стремительно, что при виде на горизонте парусов, японцы уже сами запаливали свои укрепления и разбегались.

Время от времени удавалось перехватить и японские суда. Первым в одной из укромных бухт попался большой японский транспорт доверху груженный пшеном и солью. Отпустив на берег насмерть перепуганную команду, судно сожгли. Вскоре та же участь постигла еще три судна сторон восходящего солнца, что безнаказанно плавали у российских берегов, грабя местное население.

– Теперь уж раскосые надолго запомнят наш стяг Андреевский, за которым не только сила, но и справедливость! – с гордостью объявил своей команде Давыдов, когда оба судна повернули свои форштевни на Охотск.

Вот как описывает этот подвиг Андрей Вознесенский в поэме «Авось»:

*В бой, Довыдов и Хвастов!
Улетели. Рапорт:
«Пять восточных островов
Ваши, Император!»*

Как стало известно позднее, блистательный рейд Хвостова с

Давыдовым произвел на японцев огромное впечатление. Японская экспансия на север была надолго приостановлена. И как знать, кому бы принадлежали ныне Сахалин с Курильской грядой, если б не Хвостов с Давыдовым! Увы, все это стало понятным лишь спустя века. А пока героев ждали новые непростые испытания.

Лейтенант с мичманом рассчитывали в Охотске на торжественную встречу, как– никак, а победители, но вышло все совсем иначе.

...В те дни посреди великого сибирского тракта где-то под Красноярском умирал камергер Резанов. Уже в агонии, он внезапно приподнялся на локтях и закричал из последних сил:

– Слон! Слон! Слон!

Это были его последние слова. Что они значили, не понял никто. Быть может, слон почудился камергеру перед смертью, быть может, как считали некоторые, он пытался сказать "сон", но костенеющий язык уже не слушался своего хозяина. О противоречивой личности Резанова спустя полторы сотни лет скажет поэт:

*Он мечтал, закусив удила,
Свесть Америку и Россию,
Но затея не удалась!
За попытку – спасибо!*

Уже после смерти Резанова Императору Александру будет доставлено его неотправленное письмо: «Усилия американские заведения и выстроя суда можем и японцев принудить к открытию торгового дела, которого народ весьма сильно желает у них. Я не думаю, чтоб Ваше Величество вменили мне в преступление, когда, имея теперь достойных сотрудников, каковы Хвостов и Давыдов, с помощью которых выстрою суда, пущусь на будущий год к берегам японским разорить на Матсмае селение их, вытеснить их из Сахалина и разнести по берегам страх, дабы, отняв между тем рыбные промыслы, и лиша до 20000 человек пропитания, тем скорее принудить их к открытию с нами торгового дела, к которому они обязаны будут. А между тем услышал я, что они и на Урупте осмелились уже учредить факторию. Воля Ваша, Всемилостивейший Государь, со

мною, накажите меня как преступника, что не сождав повеления приступаю я к делу; но меня еще совесть более упрекать будет ежели пропущу я понапрасну время и не пожертвую славе Твоей, а особливо, когда вижу, что могу споспешествовать исполнению великих Вашего Императорского Величества намерений».

Могила Н.П. Резанова в Красноярске

Памятник Н.П. Резанову в Красноярске

...Через много лет, в 1847 году, Калифорнию посетил директор Гудзон-Бейской компании Джордж Симсон, он-то и сообщил дочери коменданта форта Сан-Франциско Кончита де Аргуелью достоверные сведения о Резанове. Симсон рассказал, что на пути в Америку побывал в Красноярске и посетил могилу Резанова. После этого Кончита примет монашеский постриг.

АРЕСТ И ПОБЕГ

Дело в том, что к моменту возвращения "Юноны" и "Авос" слухи об успехах прошлогоднего похода Хвостова уже разнеслись по всей Сибири. Особенно взволновали они охотского начальника капитана 2 ранга Бухарина, известного своим гнусным характером, и чудовищной жадностью.

– Иш, как в воде низко сидят! Небось, все трюма полны золотом да серебром в Иапонии награбленным! – завистливо шипел он, оглядывая входящие в бухту суда.

Едва же завели швартовы, как Хвостов с Давыдовым были вызваны в комендантский дом. Едва вошли, как навались на них дюжие молодцы, разом скрутили руки, ноги. Пытались, было, офицеры отбиться, куда там! Намяли бока и в подвал кинули. А назавтра поволокли на допрос к Бухарину. Кавторанг встретил их отборной матерщиной, в лицо слюной брызгая:

– Почему сия диверсия исполнена без моего ведома! Я тут государем главнейшим поставлен повелевать!

– А что ты за гусь такой, чтоб я тебе докладные чинил? – разлепил Хвостов разбитые в кровь губы. – Над нами один воевода в краях здешних был поставлен его высокопревосходительство камергер Резанов. Он и приказы нам давал!

– А, кроме того, велено было Резановым все чинить нам в полнейшей тайне, – дополнил друга Давыдов, – На то и бумага у нас гербовая имеется!

– Плевать я хотел на бумагу вашу, да и на камергера, коего след давным-давно простыл! – вновь возвысил голос Бухарин. – Скажите мне лучше, куда золото, награбленное подевали?

Несмотря на всю трагичность ситуации, пленники рассмеялись:

– Ну, ты и даешь, Бухарин! Так вот, что тебе от нас надо! Однако запомни, что мы не какие-нибудь разбойники барбантские, а офицеры российские, а потому на золото всякое нам наплевать с самой высокой мачты!

– В холодную обоих! – взревел Бухарин, ботфортами топая. –

Я вас выведу на чистую воду, а богатства ваши сыщу и отниму!

Из воспоминаний мичмана Давыдова: "18 октября 1807 года. Когда я взошел к Капитану Бухарину, он, призвав караульного унтер-офицера, велел арестовать меня. Ни мне, ни лейтенанту Хвостову не позволялось выходить из дому и даже видеть лицо какого-нибудь смертного... Лейтенант Хвостов впал в опасную горячку. Вот картина моего состояния! Вот награда, если не услуг, то, по крайней мере, желания оказать оные. При сравнении прошедшей моей жизни и настоящей сердце обливается кровью и оскорбленная столь жестоким образом честь заставляет проклинать виновника и самую жизнь».

Затем учинено было следствие, начались допросы с побоями. "Юнону" с "Авосем" разоружили. Матросов тоже всех под арест посадили. Звеня кандалами, они ругались промеж себя:

– Мы на море – окияне за дела державные живота своего не жалели, а здесь острог с дыбой! Ах, жизнь наша клятая!

Бухарин меж тем твердил, как одержимый, одно и то же:

– Коль богатства на судах нет, значит, золото, награбленное они на островах, в кладях закопали, да знаком особым для памяти поместили! Всех допрашивать с усердием!

– Дыбу, аль огонь? – подобострастно испрашивал топтавшийся подл мастер дел пытошных, бывший душегуб, забранный Бухариным в свое время с работ каторжных.

– И то и другое! – ярился Бухарин. – Языки только не рви, тогда уж точно ничего не вызнаем!

– Дозволено ли мне будет офицеров – то пытять? Дворяне, чай! – вопросительно глянул на своего благодетеля палач.

– Что я велю, все дозволено! – кивнул ему Бухарин. – Начинай тотчас же!

И пошли кости трещать! Однако, как ни старался палач из душегубов, как ни злился Бухарин, Хвостов с Давыдовым молчали, как каменные. Так же стойко держались и остальные. Под огнем начали говорить лишь штурмана Ильин с Федоровым, но и их показания полностью совпадали со шканечными записями.

Состряпанное Бухариным дело рассыпалось на глазах, но тот все продолжал упорствовать. Когда ж его спрашивали, почему он

считает, что золото закопано на острове, то капитан 2 ранга на полном серьезе отвечал:

– Так всегда разбойники поступают, я про то в книжке читал!

Выпускать Хвостова с Давыдовым Бухарин уже боялся. Штурмана с матросами – эти не в счет, а от лейтенанта с мичманом, которые в столице всех известны, уже ничего не скроешь. За клевету и утеснения, им учиненные можно не только должностью поплатиться. А потому решил Бухарин офицеров из острога живыми не выпускать. Мертвые молчат крепко!

Два месяца отсидели в охотском остроге Хвостов с Давыдовым, обросли бородами и завшивели вконец. Наконец Хвостов объявил другу:

– Вот что, Гаврюша, сдается мне, что живыми нас отсюда Бухарин не выпустит, а потому пока еще есть силы, надо в побег кидаться!

Сказано – сделано! Офицеров в Охотске уважали. Удадь и храбрость всегда привлекают к себе. В условленное ночное время засовы темницы отворились. Чтобы отвести подозрение от помогавшим им стражникам, Хвостов тут же накороту написал на клочке бумаги записку, что последние были усыплены опиум. Верные матросы снабдили беглецов сухарями, одеждой, ружьями. А потом не теряя ни минуты в тайгу.

Историк пишет: «Горожане снабдили беглецов одеждой, обувью, сухарями и двумя ружьями. С такой убогой экипировкой им, истощенным длительным бесчеловечным заточением, предстояло пройти до Якутска – ближайшего населенного пункта – около 700 километров. Поразительно, но они проделали этот путь – зимой, по горным кряжам, нехоженым лесам и болотам (надо было запутать следы), то впадая в отчаяние, то вновь обретая волю к жизни. Последняя оказалась сильней».

Если бы в своей жизни наши герои ничего более не совершили кроме этого небывалого в истории Охотска побега, то и тогда их имена были бы достойны памяти! Ведь от Охотска до Якутска почти семьсот верст. И это по зимней тайге, по бездорожью, преследуемые погоней! Можно только представить, чего стоил друзьям этот отчаянный бросок навстречу свободе. Не раз они были на волосок

от смерти, но воля к жизни все же всяких раз оказывалась сильней. Вот и Якутск. Но избавления беглецы здесь не нашли. Уже извещенный Бухариным местный начальник, тотчас арестовал изможденных офицеров. Бить их здесь, правда, уже не били, а, бросив в арестантскую кибитку, повезли дальше в Иркутск к сибирскому губернатору Пестелю (отцу декабриста) для окончательного разбирательства. В Иркутске начались новые допросы, что да как, заставили писать и бумаги объяснительные. Неизвестно чем бы все кончилось, но неожиданно пришло письмо от морского министра Чичагова следовать обоим в столицу и препятствии в том никому не чинить. Наконец-то, смогли Хвостов с Давыдовым отдышаться и отправиться в новый не близкий путь. Чем-то встретит их Санкт-Петербург, что ждет их там? Об этом они могли пока только гадать.

ПОД СВИСТ ЯДЕР

Лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова привезли в Санкт-Петербург в мае 1808 года. Позади остались почти четыре года странствий и плаваний. Нынешняя встреча разительно отличалась от той, какая была оказана покорителям Великого океана в первый раз. Тогда офицеров буквально носили на руках, теперь до них никому не было никакого дела. Россия только что пережила шок и позор Тильзита, и дела восточные никого ныне в столице не волновали.

Впрочем, через некоторое время после приезда Хвостова с Давыдовым все же вызвал к себе министр коммерции Румянцев. Выслушав рассказ, все деяния оправдал, заметив, однако, что все недоразумения проистекли в их деле от того, что "Они находились в невозможности объяснить противоречий в данных им предписаниях".

После возвращения с Дальнего Востока моряки оказались между Сциллой и Харибдой, между двумя государственными ведомствами. Министром коммерции графом Румянцевым Хвостов и Давыдов были оправданы в их действиях, которые произошли

“более от того, что они находились в невозможности объяснить противоречия в данных им предписаниях”. И, согласно такому представлению, Морской министр думал иначе.

Император Александр отнесся к Хвостову с Давыдовым вполне благосклонно и, бумаги их мельком глянув, сказал:

– Дела японского сим бравым офицерам в вину не ставить!

Казалось бы, теперь-то все должно было быть в полном порядке, да не тут-то было! Жалобы Хвостова с Давыдовым на жестокое обращение с ними начальника Охотского порта капитана 2 ранга Бухарина легли на стол к адмиралу Фондезину. Известный казнокрад и трус, снятый с должности за позорное поведение во время знаменитого Гогландского сражения (в котором отличился Хвостов!), он ныне прекрасно чувствовал себя в высоком кабинете. Почему Фондезин столь яростно обрушился на наших героев непонятно. Вполне возможно, что, будучи большим взяточником (за что в свое время даже привлекался к суду!), он имел какие-то подарки от Бухарина, благо пушнины в тех краях всегда хватало. А может, чем-то не понравились адмиралу и сами офицеры, уж слишком гордые на вид и дерзкие на язык. Как бы то ни было, но Фондезин их жалобе хода не дал, а заявил, что сами офицеры и виноваты в своем аресте.

– Как я понимаю бедного Бухарина! – восклицал адмирал, тряся толстыми брылями своих щек. – О, как я его понимаю! Этим проходимцам палец в рот не клади, откусят вместе со всей рукой!

По его приказу кинулись искать жалобщиков, то ли для ареста, то ли для дорасследования, а их уже в столице и след простыл.

– Сбежали, такие – разэтакие! – разозлился Фондезин. – Подать их в сыск!

13 ноября 1808 года Фондезин внес предложение “предать лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова военному суду”. Но адмирала быстро поправили:

– Ежели есть высочайшее повеление дела в вину не ставить, какой может быть суд?

Впрочем, Хвостову с Давыдовым тут же намекнули, что в столице их нахождении не слишком желательно.

Пока друзья обретались на краю мира, в Европе снова

началась череда войн. В очередной раз принялись выяснять отношения Россия со Швецией. Решали кому обладать Финляндией. В августе 1808 года одиннадцатитысячный корпус генерала Каменского перешел в наступление и в целой серии сражений (при Куортане, при Салми и при Оровайсе) нанес поражение главным силам шведов. Попытки шведского флота высадить десанты в районе Або были отражены отрядом генерала Петра Багратиона.

О присутствии двух знаменитостей в столице узнал командующий Финляндской армией граф Буксгевден, который вел тогда тяжелые бои со шведами в заснеженных лесах Карелии, и попросил отдать храбрецов ему:

– Мне такие сорвиголовы сейчас, вот как нужны!

В министерстве дейтенанту с мичманом сказали так:

– Ну, а коли вы такие храбрецы, то самое вам время показать себя в драке со шведом!

– Да и покажем! – пожали плечами Хвостов с Давыдовым. – Экая невидаль, снова подраться!

– Тогда вот вам предписания и отправляйтесь на озерную флотилию к капитану 1 ранга Селиванову!

Оба начальствовали канонерскими лодками, да дрались так, что шведы издали, увидев их выпела, тут же поворачивали восвояси. Канонерки свои звали по старинке "Юнона" да "Авось", в память о делах своих тихоокеанских. В одной из схваток Хвостов был серьезно ранен, но не покинул палубы своей канонерки, пока враг не был повержен. В другой раз отряд из полутора десятка лодок под началом Хвостова случайно наткнулась на троекратно превосходившие шведские силы.

– Что делать будем? – спросил друга верный Давыдов.

– Известно, что! – усмехнулся тот. – Только вперед!

Друзья участвовали в сражении 6 сентября при Пальво и 19 сентября в не менее яростном сражении у острова Тавсало. В обоих случаях Хвостов командовал авангардами, оказывая редкую расторопность, искусство в распоряжениях и неустрашимость, поражал он превосходного числом неприятеля» и в обоих случаях рядом с ним неизменно находился Давыдов.

О Давыдове в представлении на награждение значится:

«проявлял отличное мужество и был весьма похвальною».

Услышав начавшуюся перестрелку между нашей и шведской флотилиями у острова Тавсало и, зная о многократном перевесе шведов, Буксгевден расстроился:

– Шведы превосходят нас по всем статьям, вряд ли кто спасется!

Когда же к нему примчался с донесением об одержанной победе Хвостов, то генерал даже потерял дар речи. Радость его была так велика, что он, проходя мимо гауптвахты, отдавшей ему честь, сказал: “Не мне, не мне, а победителю!” – и указал на Хвостова.

Из хроники сражения: «...Гребная флотилия под командованием капитана 1 ранга Селиванова, состоящая из 24 судов, направила путь свой к острову Вартсалана на защиту правого фланга. В 11 часов утра (17 числа) авангард наш, состоящий из 6 лодок под командою Давыдова и Кременчугского мушкетерского полка майора Винклера, приближаясь к южной оконечности острова Судсало, обложенного множеством шхер, получил через крейсеров своих, извещение, что неприятель более нежели с 46 канонерскими лодками и 6 галерами, пользуясь попутным довольно сильным ветром, идет на всех парусах прямо против направления нашей флотилии.

Дабы удержать стремление неприятеля и не дать ему выйти из-за мыса на плес, могущий доставить ему наилучший ордер для баталии, авангард наш расположился около небольшого острова и в проливе оного. Шведы немедленно открыли огонь ядрами.

Лейтенант Хвостов и полковник Пшеницкой, командовавшие отделением флотилии, долженствующим по диспозиции подкреплять авангард, тотчас построив линию, пошли вперед и, примкнув к левому флангу авангарда, решились не выпускать неприятеля из узкого прохода, дабы сим не дать ему обойти наши фланги. В сем намерении суда наши пошли вперед и, выдержав неприятельский огонь, сблизились на картечную дистанцию, не делая ни одного выстрела. Спокойное и мужественное сие движение остановило быстроту неприятеля. Произведенная потом канонада, несмотря, что суда его шли под ветром и что весь дым обращался против наших судов, расстроила его намерение, принудя стать в позицию оборонительную.

В 3 часа все наши суда были уже в деле под картечными выстрелами. Безумолкная канонада превосходила возможность описать. Невероятная твердость духа войск наших и героическое стремление к победе начальников отделений поставили неприятелю, при всем его превосходстве, повсюду непреодолимость, и каждое усилие расстроить нашу линию было мгновенно изпровергаемо.

В 4 часа две неприятельские лодки на правом и левом фланге взорваны посредством брансугелей на воздух. Ободренные сим храбрые войска наши, закричав “ура”, всею линией пошли вперед, причем в глазах всей флотилии еще 6 неприятельских судов были потоплены.

Неприятель в замену оных выдвинул 6 галер. В 7 часов капитан 1 ранга Селиванов, объезжая все отделение, узнал, что остается немного зарядов и что некоторые лодки, имея пробоины, не могут уже держаться. Он приказал лейтенанту Хвостову отойти и соединиться со вторым отделением, дабы сформировать одну линию.

Неприятель, пользуясь сим случаем, пустился на всех веслах в атаку... суда наши, выждав неприятельское нападение, подвинулись также вперед и, сделав удар, затопили еще две лодки... Наступившая темнота ночи прервала сражение... Потеря наша состоит убитыми нижних чинов 45 человек, ранеными Кременчугского полка капитан Чедаев и нижних чинов 68.

...Капитан 1 ранга Селиванов, отзываясь Главнокомандующему с особенной признательностью о мужестве всего отряда, превосходно свидетельствует о лейтенанте Хвостове, который оказал пример невероятной неустрашимости. Пренебрегая сыплящимся градом картечи и не взирая, что четыре шлюпки под ним были потоплены и из 6 гребцов остался только один, он шел вперед и поражал неприятеля, а равным образом и сухопутные начальники отзывались Главнокомандующему о его мужестве. Все нижние чины его превозносят и вообще, где он только появлялся, храбрость оживотворялась. Лейтенант Мякинин, заслуживший предпочтение и оказавший превосходную храбрость в первых сражениях, оправдывает сие о нем мнение при всяком случае. Полковники Горбунов и Пшеницкой распоряжение и примером своим заслужили по всей справедливости имя неустрашимых, а равно заслужили внимание

лейтенанты Давыдов, Тутыгин и мичман Трубников».

После сражения при Тавсало Буксгевден отправился на берег, осмотрел поврежденные лодки. Подойдя к матросам, спросил:

– Кто главный герой победы?

– Лейтенант Хвостов! – в один голос ответили матросы.

– Это не моряки, а сущие черти! – восторгался подвигами друзей генерал Буксгевден. – Их надо сдерживать, а то они мне всех шведов в раз перетопят! С кем же я тогда воевать стану!

Особенно же был доволен "алюскинскими" офицерами командующий морскими силами на военном театре контр-адмирал Мясоедов.

– Этим ребятам только прикажи, так они и полмира перевернут! – расхваливал он их. – Одно слово – орлы!

Биограф наших героев пишет: «Четыре раза ядра и картечь топили лодки, каждый раз погружая его (Хвостова – В.Ш.) в воду и четыре раза возникал он из глубины моря, не теряя немало присутствия духа, повсюду разъезжая впереди, распорядился, ободряя людей и повелевая следовать за собою. Когда одна лодка была под ним разбита и он, вытщенный из воды. Сел на другую, тогда первое его слово было «вперед» и когда, ударившее в нос второй лодки ядро, сделало пробоину и убило несколько человек, команда пришла в смятение. Видя, что лодку заливают, он снял мундир и заткнул пробоину, крича: «Ребята, гребите вперед!» Не правда ли, более чем красноречивое признание заслуг!

В последнем бою Давыдов был ранен в ногу. Состояние Хвостова было весьма тяжелым. Хотя он и не был ранен, но сказались все перенесенные за долгие годы лишения. Видя это, Буксгевден забрал Хвостова к себе на яхту для восстановления здоровья и поручил его своему врачу.

Из письма командующего корпусом генерала Буксгевдена: «Все нижние чины его (Хвостова – В.Ш.) превозносят и вообще, где он только появлялся, храбрость ожитворялась».

Очень высоко о профессионализме и храбрости Хвостова и Давыдова отзывался и вице-адмиралом Мясоедовым, под командой которого они потом находились.

После окончания войны в следующую зиму командующий

граф Буксгевден причислил их, в виде награды, к своей свите и возвратил в Петербург. Оба были представлены к наградам: Хвостов – к ордену святого Георгия 4-й степени, а Давыдов – Святого Владимира 4-й степени.

Казалось бы, что здесь наконец-то должны была восторжествовать справедливость, но вновь вмешалось провидение! К императору Александру бумагу о награждении принесли одновременно с прошением Фондезина об аресте офицеров. Подумав немного над обеими бумагами, император начертал: "Неполучение награждения в Финляндии послужит сим офицерам в наказание за своевольства противу японцев". Так наказание за одну победу во славу Отечества было компенсировано другой победой.

– За что же мы несем крест свой тяжкий, когда ни в чем не виноваты? – обиделся, было, Давыдов, когда узнал о царском решении.

– Ладно, Гаврила, – обнял его Хвостов, – Чего тут правду искать! И на что они нам эти ордена!

ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ И РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Осенью финляндские озера замерзли, и боевые действия на них прекратились. Пользуясь передышкой, друзья выправили себе небольшой отпуск и отправились в Петербург отдохнуть и навестить родных. Но праздное время друзья не проводили. Давыдов, по настоянию адмирала Шишкова, берется за описание путешествия. Очевидно, свою лепту должен был внести и племянник Шишкова Николай Хвостов, но пока дело обстоит именно так. Тем временем Шишков готовит к печати первую книгу «Двукратного путешествия в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанного сим последним». Разумеется, ему деятельно помогает Хвостов.

Сам же Давыдов спешно дописывает второй том с описанием острова Кадьяк и жителей онога, языка айнов, их нравов, обычаев и готовит материалы для описания второго путешествия в Америку

4 октября 1809 года Хвостов и Давыдов были в гостях у старого

своего друга – личного врача Резанова натуралиста и естествоиспытателя Григория Ивановича Лангсдорфа (будущего академика) на Васильевском острове. Доктор, он же известный ученый, натуралист, а позже и российский дипломат, принимал еще одного дорогого гостя из Америки — бывшего хозяина «Юноны» и давнего приятеля Хвостова и Давыдова Джона Вульфа. На следующий день тот уезжал в Кронштадт, где стояло его судно, которое должно было уйти в Америку. Что касается Лангсдорфа, то он в это время заканчивал работу над своим трудом о кругосветном путешествии «Замечания о путешествии вокруг света в 1803-1807 гг.» (книга была издана в 1812 году на немецком языке), так что Давыдову и Хвостову было, о чем переговорить и с хозяином, и с его гостем. За разговорами и воспоминаниями подзадержались. Думается, не обошлось и без хорошей выпивки. Возвращались поздно...

В два часа ночи, возвращаясь с пирушки, друзья подошли к разведенному Исаакиевскому мосту. Разве это преграда для отважных морских офицеров? Под мостом как раз проходила барка. Хмель ли, всегдашняя ли удаля явились тому виной, но им показалось, что не составит труда соскочить на судно, а с него – на другую половину моста... Больше Хвостова и Давыдова никто не видел.

Николаю Хвостову шел тогда 33 год, а Гавриилу Давыдову всего 26! Сколько они могли бы еще сделать для Отчества, увы, не пришлось...

Из воспоминаний Ф.В. Булгарина: «Вдруг оба они пропали без вести, а как в это же время американский купеческий бриг прошел без осмотра, при сильном ветре, мимо брандвахты, за Кронштадтом, и не заявил бумаг, то многие, зная беспокойный дух Хвостова и Давыдова, полагали, что они, по страсти к приключениям, ушли в Америку. Это казалось тем более вероятным, что шкипер американского брига был приятель Хвостова и Давыдова, оказавших ему услугу в Ситхе. Наряжена была комиссия для исследования дела, но она ничего не открыла.

Два года прошли в неизвестности о судьбе наших храбрых моряков, а на третий год прибыл в Петербург тот же самый американский шкипер. Он объяснил дело. За день до отъезда его из

Петербурга в Кронштадт, Хвостов и Давыдов обедали у него, на Васильевском острове. Они пропировали долго за полночь, и возвращались, когда уже начали разводить Исаакиевский мост. Только один плашкоут был выдвинуть наполовину. — «Воротимся!» сказал американский шкипер, провожавший их. — «Русские не отступают!» возразил Хвостов: «Вперед! Ура!» Хвостов и Давыдов хотели перепрыгнуть через пространство, казавшееся небольшим в темноте, упали в воду — и поминай, как звали! Опасаясь задержки, шкипер тогда промолчал, а люди, разводившие мост, также боялись ответственности, и несчастный случай остался тайной. Замечательно, что тел не выброшено нигде на берег».

В одном из исторических изысканий я встретил намек, что, якобы, в воду упал с моста Давыдов, а Хвостов бросился вслед за ним, чтобы попытаться спасти друга. Это вполне реально, так как у Давыдова имелась легкое ранение ноги и, прыгая с моста на барку, или с барки на мост он вполне мог недопрыгнуть. Впрочем, никаких доказательств этому нет.

Многие, зная беспокойный дух Хвостова и Давыдова, долго считали, что герои не погибли столь нелепо, а, учитывая их страсть к приключениям, вместе с Вульфом отправились в Америку. Насколько далеко может зайти фантазия, свидетельствует и такое предположение: «Ходил один любопытный слух, конечно, ни начем не основанный, и потому более забавный, чем заслуживающий внимания, именно будто знаменитый Боливар был никто иной, как считавшийся погибшим Хвостов».

К версии бегства в Америку наиболее был причастен Фаддей Булгарин, названные выше воспоминания, которого полны домислов и непроверенных фактов. В своих бойких воспоминаниях он представил Хвостова и Давыдова как лихих героев молодечества и удалства, видевших все наслаждения в жизни в том, чтобы “играть жизнью”. Однако на самом деле фактически обвинив наших героев в дезертирстве, ведь они состояли в рядах действующей армии и находились всего лишь в зимнем отпуске! Позиция Буларина вызвала гневную отповедь флотских офицеров, хорошо знавших Хвостова и Давыдова.

Адмирал Петр Иванович Рикорд написал в газету “Северная

пчела” свое возражение Булгарину, заметив, что рассказ Булгарина “об упомянутых лицах не вполне верен”. Рикорд закончил письмо словами: «Покорнейше прошу вас, милостивый государь, в вашем прении впредь для защиты вашей не употреблять моего имени». Булгарин издавал “Северную пчелу” и полемизировал с издателем “Литературной газеты” Полевым, критически оценивая его “Воспоминания”. Словом, Рикорд защищал честь морских офицеров достойно.

Необыкновенная судьба морских офицеров Хвостова и Давыдова привлекла внимание и великого Державина. Гаврила Романович пишет свое стихотворение «В память Давыдова и Хвостова». В 1832 году Николай Полевой в своем журнале “Московский телеграф” напечатал статью “Сочинения Державина”, в которой не обошел и это стихотворение. “Все великое и прекрасное увлекало Державина. Так, например, он почтил стихами память Хвостова и Давыдова, юных героев, погибших несчастно, и, как юный певец, оживляется всякою славою отечества до самой своей кончины».

В своей оде Державин просит Музу склонить свою память и воспеть память героев, вдыхавших российский дух, героев, от которых ждали новых громких подвигов в будущем. Все основные этапы жизни были схвачены в едином сюжете “колесницы счастья”, и завершалось стихотворение философскими размышлениями о смысле человеческого бытия:

*Вдыхавшая героям
Российским к славе дух,
Склони днесь к струнам томным,
О Муза! их твоим
И юных двух отважных
Сподвижников оплачь,
Что сквозь стихиев грозных
И океанских бездн
Свирепых и бездонных,
Колумбу подражая,
Два раз Титана вслед*

Пошли к противуножным.
Меж гор лазурных, льдистых,
Носящихся в волнах,
И в ночь, под влагой звездной,
По рейнам, парусам
Блестящей, — солнца тропы
Преплыв сквозь мраз и жар,
Они, как воскрыленны
Два орля птенца,
Пущенные Зевесом,
Чтоб, облетев вселенну,
Узнать ея среду, —
Три удивили света.
Там, на летучих Этнах,
Иль в чолнах морь средь недр,
Там в нарах, на оленях,
В степях на конях, псах,
То всадников, то пеших,
Зимой средь дебрь и тундр
Одних между злодеев,
Уж их погибших чтут.
Без пищи, без одежды
В темницах уморенных:
Но вдруг воскресших зрят,
Везде как бы бессмертных.
И Финн, и Галл был зритель
Бесстрашья их в боях,
Когда они сражались
За веру, за царя;
За отчество любезно;
Но благовенью в них
Всяк к родшим удивлялся,
Кариоланов зрев.
Всяк ждал: нас вновь прославят
Грейг, Чичагов, Сенявин,
Круз, Сакен, Ушаков

*В морях великим духом.
Но мудрых рассужденье
Коль справедливо то,
Что блеск столиц и прелесть
Достоинствам прямым
Опасней, чем пучины
И камни под водой:
Так, красны струи невски!
Средь тихих наших недр,
В насмешку бурям грозным
И страшным океанам,
Пожрать не моглим их,
Вы, вы их проглотили!
Увы! в сем мире чудном
Один небрежный шаг
И твердые колоссы
Преображает в перст —
Родители! ах, вы,
Внуша глас скучной лиры,
Не рвитесь без мер;
Но будьте как прохожий,
Что на цветах блеск рос
Погасшим зрел, — и их
Вслед запах обоняйте.
Жизнь наша жизни вечной
Есть искра, иль струя;
Но тем она ввек длится,
Коль благовонье льет
За добрыми делами
О, так! исполним долг,
И похвалы за гробом
Услышим коль своим, —
Чего желать нам больше?
В пыли и на престоле
Прославленный герой
Глав злых, венчанных выше.*

*Хвостов! Давыдов! Будьте
Век славными и вы.
Меж нами ваша память,
Как гул, не пройдет вмиг.
Хоть роком своенравным
Вы сесть и не могли
На колесницу счастья;
Но ваших походов звук,
Дух Куков и Нельсонов
И ум Невтона звезда,
Как Александров век,
Не позабудут Россы.*

Вот так, на уровне героев морских плаваний и сражений, на уровне звездных открытий Ньютона и всего “Александрова века” ценит простых русских лейтенантов-мореходов наш Державин! Вот это ода так ода — не царям, не владыкам, а отважным и грешным мореходам!

После гибели Хвостова и Давыдова в “Русском вестнике” в 1809 году были опубликованы стихи Анны Волковой:

*Уж ночь осенняя спустила
На землю мрачный свой покров,
И тихая луна сокрыла
Свой бледный свет средь облаков.*

*Лишь ветер печально завывая,
Глубокой тишине мешал,
И черны тучи надвигая,
Ночные мраки умножал...*

*Сбирался гром над головами
России верных двух сынов.
Идут поспешными стопами
К реке Давыдов и Хвостов.*

Тут рок мгновенно разделяет

*Мост Невский надвое для них:
Отважный дух препятств не знает:
Могло ли утрашить то их?*

*Моря, пучины проплывая,
Ни пуль, ни ядер не боясь,
Опасность, бедства презирая,
Неустранимостью гордясь,*

*Идут... И обрета препону
Нечаянну в своем пути,
Внимая храбрости закону,
Стремятся далее идти.*

*А вы! судьбы завистной жертвы!
Герои храбрые в боях!
Хотя бесчувственны и мертвы,
Но живы в мыслях и сердцах;*

*Утехи, бедствия делили,
Вы меж собой по всякий час,
В сей жизни неразлучны были,
И смерть не разлучила вас.*

Особенно тяжело переживал трагедию известный знаток российской словесности адмирал Шишков. Хвостов приходился ему племянником, а Давыдов по возвращении из Финляндии, работая над книгой, жил у него дома. Именно адмирал благословил его на литературный труд. «Жизнь их была цепь несчастий, не могших однако же никогда поколебать твердости их духа... Умолчим о сожалении друзей, – писал Шишков, – о горести бедных родителей их: никакое перо изобразить того не может».

Адмирал тоже откликнулся стихотворением на смерть друзей. На мой взгляд, это лучшее из стихотворений о Хвостове и Давыдове:

Два храбрых воина, два быстрые орла,

*Которых в юности созрели уж дела,
Которыми враги средь Финских вод поправны,
Которых мужеству дивились Океаны,*

*Переходя чрез мост в Неве кончают век...
О странная судьба! о бранный человек!
Чего не отняли ни степи, ни пучины,
Ни гор крутых верхи, ни страшные стремнины,*

*Ни звери лютые, ни сам свирепый враг,
То отнял все один... неосторожный шаг!*

С тех пор минула не одна эпоха. За это время в России появилось немало новых героев, но Хвостов с Давыдовым не были забыты.

Время от времени о наших героях пишутся книги, статьи. Их образ увековечен в популярной рок-опере «Юнона» и «Авось».

Инна Пиварс (Кончита) и Николай Караченцов (граф Резанов) в рок-опере "Юнона и Авось" на сцене Московского театра имени Ленинского комсомола

Именем Давыдова названы – бухта и мыс на Сахалин и остров в гряде Алеутских островов.

Действия лейтенанта Хвостова и Давыдова, к сожалению, не были поддержаны правительством Российской Империи. В итоге японцы вскоре вновь вернулись на Сахалин и восстановили свои укрепления на Итурупе. А в июле 1811 года на Кунашире японцы арестовали в знак мести, командира шлюпа «Диана» Василия Головнина. Командир «Дианы» провел в японском плену более двух лет и был освобожден только после получения японцами от российской администрации заверений в том, что набеги на Сахалин и Итуруп носили самочинный характер, а сами Хвостов и Давыдов уже «были судимы, найдены виновными, наказаны и уже не находятся в живых».

В итоге всех этих дел Санкт-Петербург был вынужден четко обозначить южную границу своих владений на Курильских островах. В новых привилегиях, дарованных 13 сентября 1821 года Российско-Американской компании императором Александром I, крайним владением империи на Курилах был назван южный мыс острова Урупа.

Японцы со времени экспедиций по выдворению японских захватчиков с Сахалина и Курил, именуют наших героев не иначе как пиратами и при каждом удобном случае стараются вспомнить их, как пример русской жестокости и вероломства, хотя, как мы теперь знаем, ни того, ни другого Хвостов с Давыдовым не проявили.

Что касается брига «Юнона» и тендера «Авось», то они ненадолго пережили своих капитанов. Через несколько лет оба судна погибли во время сильного шторма берегов Камчатки со своими командами.

Из записок Кирилла Хлебникова («Сын Отечества», 1838 год): «Живучи в Камчатской Петропавловской Гавани, я имел привычку спать после обеда. Так было и 5 ноября 1811 года. Вдруг во сне я стал спрашивать у бывших тут: пришли ли люди от судна, которое недалеко отсюда разбилось? Над этим засмеялись, и когда я проснулся, пересказали мне о вопросе. Тут я вспомнил, что видел во сне нечто ужасное, но не мог привести виденного в соображение.

К вечеру того же дня входит ко мне незнакомый человек. Увидев его, я узнал одно из лиц, виденных во сне, и вздрогнул от удивления. Тут он уведомил меня, что корабль «Юнона» потерпел

крушение при устье реки Вилюя во время сильного шторма, и при этом погибли командир судна и весь экипаж, кроме его и еще двух матросов, спасшихся неожиданно, и что они нашли бывших там за ловлею рыбы наших людей, и ими сюда доставлены».

Что касается главного гонителя наших героев Бухарина, то в 1808 году он был арестован, так как еще с представления своем от 31 марта 1807 года даже генерал-губернатор Сибири Пестель (сам, тот еще держиморда!) писал из Иркутска министру морских сил Чичагову, «что для спасения жителей Охотского края от зверства и истязаний Бухарина необходимо сменить немедленно». Новым начальником Охотского порта был назначен однокашник Хвостова по морскому корпусу капитан-лейтенант Михаил Миницкий.

Это о таких героях-первопроходцах, как Хвостов и Давыдов сказал в свое время великий Михайло Ломоносов:

*Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша достигнет в Америку держава...*

И как не вспомнить напоследок слова самого Николая Хвостова: «Идем, хотя бы то и стоило жизни: и ничто в свете не остановит нас...»

ШТУРМАН ПОЛЯРНОГО МОРЯ

Ах, как он мечтал о море! О том море, что плескало волной у самых его ног, о том море, в котором белели паруса кораблей, таких загадочных и таких недостижимых...

Осенью 1833 года в Гидрографическом департаменте на стол делопроизводителей лег толстый засургученный конверт с письмом от некоего подпоручика Петра Пахтусова. В нем никому не ведомый архангелогородский штурман предлагал план полярной экспедиции к северным берегам Ледовитого океана. По рассмотрению проект сей нашли дерзким, но оригинальным, и подпоручик был вызван в Санкт-Петербург для личного доклада. Допрашивали его с пристрастием. Как бы между делом, адмиралы выведывали, сколь сей штурман знающ в науках да на что способен.

Петр Кузьмич Пахтусов

– На чем основываете свои утверждения, что море к востоку от Новой Земли ото льда весьма свободно бывает? – допытывались одни. На рассказах, что долгие годы собирал от поморов да людей промышленных!

– А что будете предпринимать, ежели погода будет вам благоприятной? — интересовались другие.

– Обязуюсь нанести на карты весь остовый берег!

– А ежель не повезет?

– Вынужден буду ограничить

себя южной половиной полуночных земель до пролива Маточкин Шар, а затем поверну на вост!

– На чем мыслите плыть и когда?

– Хотел бы снарядить малое судно, коее можно и на лед втащить, и в укромном месте на зиму припрятать. Плыть же следует не ранее июля, а возвращаться не позже сентября.

Посоветовавшись, адмиралы объявили:

– Прожект одобрен, но... надлежит под него искать деньги, ибо в нашей казне пусто!

– Да мне и надобно-то несколько тыщ рублей! — пытался возразить Пахтусов.

– Сказано — нет! — отводили взгляд адмиралы. — К тому ж и прожект ваш весьма несбыточен, ибо никому еще не удавалось проникнуть в столь гибельные места! Ступайте с Богом!

Домой в Архангельск Пахтусов возвращался удрученный. Где-то за Череповцом на почтовой станции в ожидании экипажа разговорился с пожилым смешливым толстяком. Вначале болтали о пустяках, затем подпоручик рассказал о своих столичных злоключениях. Толстяк внезапно замолчал и задумался, затем грустно вздохнул:

– И я в молодости мечтал о морях дальних, а судьба вот занесла лесами строительными заведовать! Но задумка у меня и ныне есть, как бы путь нам возобновить морской на восток, чтобы торговлю с губерниями сибирскими иметь и суда водить аккурат до Енисея!

– Так и я о том мечтаю! — буквально подскочил с места Пахтусов. — А остров мой и есть станция промежуточная по пути к морям восточным!

Ладно, штурман! — что-то надумав, прищурил глаз толстяк. — Авось что-нибудь и придумаем!

Далее они ехали уже вместе. Пахтусов прямо на коленях рисовал планы воображаемой экспедиции, а толстяк (им оказался советник Северного округа корабельных лесов Павел Клоков) тут же прикидывал, во что это выйдет в деньгах. А едва прибыли в город, повел Клоков Пахтусова к своему приятелю купцу Брандту. Поставили кварту вина, придвинули стулья к столу и начали долгий разговор.

В начале следующего, 1832 года была образована торгово-промышленная компания купца Брандта и советника Клокова. Она то и взяла на себя заботу о снаряжении и снабжении будущей экспедиции. За содействие делам исследовательским компания выторговала себе право на привилегию промысла морского зверя в Ледовитом океане в течение четверти века. Купец Брандт исходом переговоров с правительством был доволен:

— Чем бы ни закончилось это плавание, я не внакладе, потому как свободный промысел мне уже даден!

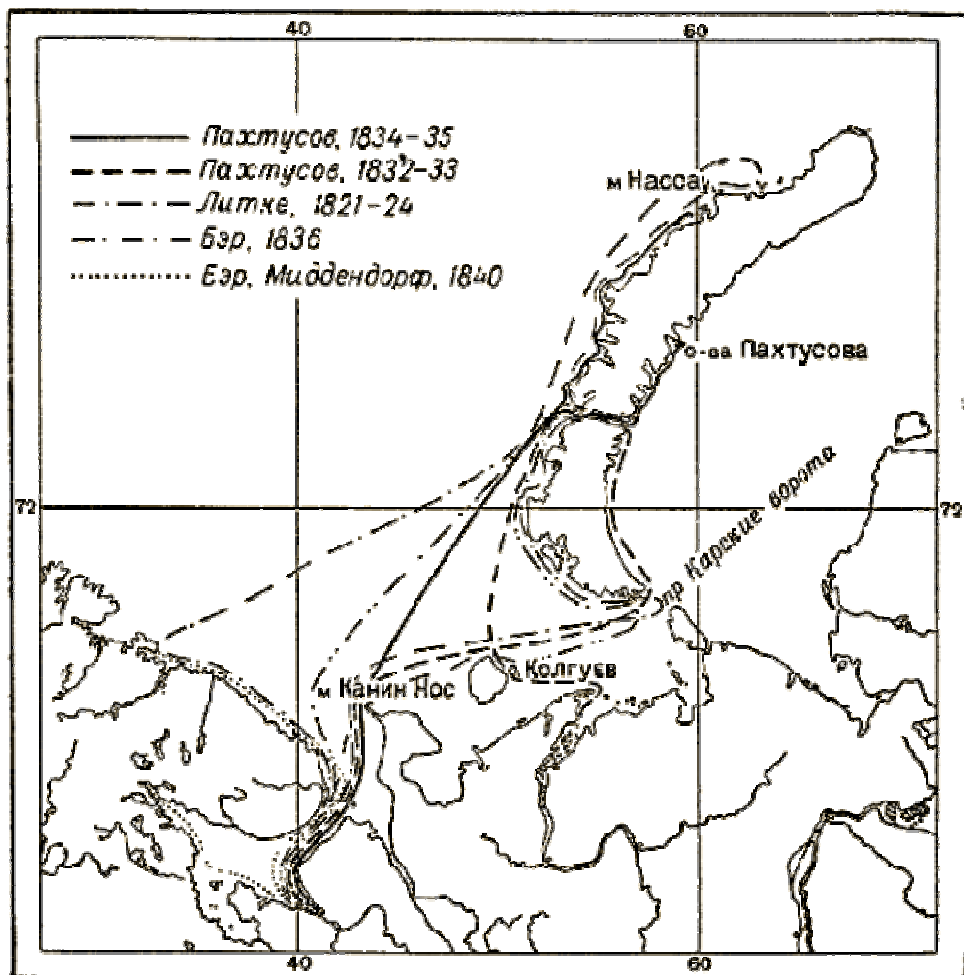
А тем временем в избе, где квартировал беспокойный подпоручик, по ночам не тушили свечей. Там работали напряженно и кропотливо. У Пахтусова собирались самые знающие и нетерпеливые: капитан-лейтенант Миша Рейнеке, лейтенант Кротов, штурманские кондуктора Крапивин, Циволька да Моисеев. Последним прибежал обычно запыхавшийся поручик Казаков:

— Опять в экипаже задержался, матросов учил лот-линем пользоваться!

Усаживались друзья-моряки за карты и начинали плавать. Учитывали все: и ветер, и течения, и мощь ледяных полей. Прорабатывали маршрут предстоящей экспедиции. Наконец сошлись на том, что Кротову с Казаковым следует идти к Маточкину Шару западным берегом, а пройдя его, держать курс к устью Енисея. Пахтусову ж с Крапивиним надлежало произвести опись берега восточного. Денег на все про все купец Брандт отпустил в обрез, потому Кротов решил идти в плавание на старой, но еще крепкой шхуне «Енисей». Пахтусов же заявил, что в отпущенную сумму уложится и построит себе судно сам.

Первым вышел в море Кротов. На прощанье друзья обнялись. Они еще не знали, что больше никогда не встретятся. Петра Пахтусова задержала достройка карбаса да погрузка припасов. Наконец в полдень 5 августа карбас «Новая Земля» оставил за кормой город Архангельский. Впереди был Ледовитый океан.

Море встретило мореплавателей шквальным ветром. В тумане прошли остров Колгуев. Там Пахтусов записал первую фразу в своем дневнике: «Я расскажу, как было, а вы судите как угодно».

Карта плаваний П.К. Пахтусова

Что знали тогда люди о затерянном среди льдов архипелаге Новая Земля? Увы, немного. Вот как описывает его один из современников Пахтусова: «В продолжение девяти месяцев к этому острову нет доступа, с сентября до конца мая, а иногда до половины июня месяца, он окружен сплошной массой льда; кроме того, в продолжение трех месяцев непрерывная ночь объемлет эту землю, потому что солнце совсем не показывается из-за горизонта; после того оно явится на несколько минут, потом на полчаса, на час

и наконец более месяца совсем не заходит, короче сказать, там зимою ночь, а летом день. Там не увидишь ни цветка, ни деревца, но кой-какая травка, дикий лук да тощие кустарники, недостойные назваться даже деревцом. И неужели там живут люди? Нет... А живут белые медведи, моржи, тюлени...»

ШКИПЕРСКИЙ СЫН ПАХТУСОВ

В 1800 году в семье кронштадтского шкипера Кузьмы Пахтусова родился сын, нареченный Петром. Вскоре шкипер занемог и помер, оставив вдову с малыми детьми. Бедствуя, семья перебралась в Архангельск, где жизнь была подешевле. Едва Петр встал твердо на ноги, его ждала военно-сиротская школа. Ученикам науками там не досаждали, зато лупили часто да кормили так, что животы у мальчишек пухли... Но именно тогда родилась у маленького Петруши страсть, заглушавшая вечное чувство голода и унижения. Страстью этой были книги. Читал сиротский воспитанник днем на уроках, читал вечерами, читал ночами, запершись в ротной кладовке.

Он родился в Кронштадте в 1800 году. Отец Пахтусова весь свой век прослужил во флоте и, выйдя в преклонных годах в отставку, получил самый, что ни на есть низший чин шкипера 13-го класса. Старик с семьей переехал в Сольвычегодск, где жить было дешевле. Там Пахтусовы, перебиваясь на маленькой пенсии, едва сводили концы с концами.

Отец Петра Пахтусова родом из Сольвычегодска, в свое время был "отдан в солдаты" и назначен служить в Кронштадт, где, проявив немалые старания, выслужился до чина шкипера 12-го класса. После выхода в отставку, уже будучи семейным человеком, Кузьма Пахтусов вернулся на родину.

Петр Пахтусов родился в Кронштадте. Когда мальчику еще не было 8 лет, он лишился отца, семья практически осталась без средств к существованию.

Пахтусовы переехали в Архангельск, где мальчик стал обучаться грамоте. Как описывают биографы Петра Пахтусова, он

"собирал щепу на верфях Соломбальского Адмиралтейства, которая шла для домашнего обихода, а частью писарям, у которых на нее выменивались учебные принадлежности".

По просьбе матери Петр был принят в сиротскую школу, переименованную впоследствии в школу кантонистов, то есть солдатских детей, которые с момента своего рождения как бы числились за военным ведомством.

Способности подростка, как и его тяга к морю, были замечены, и вскоре, в 1816-м, на одном из военных судов, уходивших из Архангельска в Кронштадт, его отправили учиться, на сей раз – в штурманское училище. Его юный Пахтусов окончил через четыре года, получив чин унтер-офицера.

В пятнадцать лет он стал хозяином старой, залатанной лодки, на которой совершал свои первые плавания по Белому морю, забираясь миль за тридцать от берега. Затем — учеба в Кронштадтском штурманском училище. Незадолго до окончания курса, будучи на летней практике, попал Петруша в кораблекрушение. Транспорт «Кармин», на котором он следовал из Испании, наскочил на риф у мыса Скаген. Погибли капитан и многие офицеры. Тогда, спасая пассажиров, проявил 18-летний штурманский ученик решительность и должную смекалку.

Год 1820-й. Штурманский помощник унтер-офицерского класса Петр Пахтусов, сдав выпускные экзамены, возвращается попутным транспортом в Архангельск. Впереди у него новое поприще — гидрографическое. И дни, месяцы, годы тяжелого, кропотливого труда. Вот далеко не полный перечень сделанных им работ: топографическая съемка дельты Печоры и берега Ледовитого океана от мыса Канин Нос до острова Вайгач, острова Колгуев и беломорского побережья. Первые системные замеры глубин в Белом море тоже на его счету.

За этим событием последовал обратный путь – из Кронштадта в Архангельск, и на этот раз морем – на военном корабле. В Архангельске новоиспеченный штурман поступил в экспедицию под командованием штурмана 12-го класса Иванова, которая занималась исследованиями восточного побережья Баренцева моря и устья реки Печоры. После этого офицер Пахтусов перешел в

другую экспедицию – штурмана Бережных. Его люди исследовали уже западную часть того же побережья.

К тому же времени относится и первое знакомство Пахтусова с практическими знаниями местных поморов, которые вели активный промысел рыбы и зверя на Новой Земле. Ее острова к началу XIX века были еще крайне мало изучены, и сама идея Пахтусова исследовать их побережье совпала по времени с устремлениями русского Морского ведомства обратить внимание на восточное побережье Новой Земли.

В 1929-м Петр Кузьмич предложил свой проект экспедиции. И хотя он был утвержден, по разным причинам экспедиция не состоялась. Одной из причин была нехватка финансовых средств.

Идею удалось осуществить лишь в 1832-м, когда один из самых известных и удачливых архангельских предпринимателей Вильгельм Брандт поддержал исследователей. В Арктику были снаряжены сразу две группы: лейтенанту Кротову поручалась разведка морского пути к устью Енисея, а подпоручику Пахтусову – опись восточного берега Новой земли.

Интересна в связи с этим запись, которую делает Петр Пахтусов в дневнике: "Исполнение таким образом давнишнего моего желания привело меня в восторг. Заботы и физические труды, неизбежные в сборах в такую дальнюю дорогу, казались для меня легкими. Я чувствовал себя здоровее и веселее, чем когда-либо..."

Толкового, работающего штурмана отличало начальство. За усердие дали ему чин прапорщический, а затем и подпоручицкий. Для штурманов тех лет это не так уж и мало, казалось, можно и о должности спокойной портовой подумать. Тогда-то Пахтусов и взял в руки перо, чтобы изложить столичному начальству свой дерзновенный проект.

НАВСТРЕЧУ НЕВЕДОМОМУ

Весь переход до Новой Земли карбас терзали штормовые ветра, природа будто решила испытать мореходов на выносливость. «Казалось, что каждый находящийся на нас вал старался покрыть

судно наше седым своим гребнем,— вспоминал впоследствии Пахтусов.— Но бот наш гордо рассекал валы и несся на хребтах их, не страшась ярости бури».

Судно П.К. Пахтусова у берегов Новой Земли

И вот на горизонте Новая Земля: черно-ледяные скалы, ревущий у берега прибой. Лавируя между льдинами, подошли к берегу.

— С почином, друзья! — поднял чарку командир. — Сегодня начинаем!

Вполголоса все десять прокричали «ура». На обед по случаю праздника были подстреленные гагары, которых варили в «братском» котле.

С каждым днем суденышко уходило все дальше и дальше на север. Пахтусов с Крапивиным непрерывно зарисовывали берег, мерили глубины, определяли свое место. Работа тяжелая и кропотливая. На входе в пролив Никольский Шар едва уцелели.

Внезапно пришел в движение лед и двинулся всей массой на судно, но Господь сжалился, и торосы остановились буквально в аршине от борта карбаса. А короткое северное лето было уже на исходе. Каждая новая миля давалась с огромным усилием. Команда приуныла, стало меньше шуток и смеха. Пахтусова это беспокоило, и он как мог ободрял своих молодцов.

— Ну, ребята! — обращался к ним. — Чего носы повесили? Нам ли, поморам, привыкать! А ну давай песню!

Бородатый кряжистый рулевой Акимыч, не выпуская из рук тяжелого румпеля, начинал глухим низким басом:

*Уж как по морю, по морю синему,
По синему было морю да по бурному,
Тут плывет Сокол-корабль.
За ним дружно подхватывали остальные:
Тридцать лет корабль на якоре стаивал,
Ко крутому бережку да не причаливал.
А бока-то сведены да по-туриному,
Ну а нос да и корма по-змеиному.*

Атаманом был на нем Илья Муромец.

«Частые неудачи в описи от туманов, дождей и большей частью от льдов, — писал Петр Пахтусов в те дни в своем дневнике, — делали положение наше для меня невыносимым... Только примеры предшествовавших экспедиций в полярные страны несколько ободряли меня».

Вскоре стало ясно, что обратно в Архангельск уже не успеть и придется зимовать на Новой Земле. Карбас стал на якорь в губе Каменка. Ждали судно промышленника Гвоздарева, который должен был доставить сруб для избы и продукты. Но Гвоздарев так и не появился. Как стало известно впоследствии, его судно было затерто льдами, и он не смог пробиться к условленному месту. Теперь мореплавателям приходилось рассчитывать только на себя.

На счастье, недалеко от берега обнаружили ветхую избушку, забили щели мхом, на крышу накидали песка, натащили бревен-плавника, пристроили баньку. А вскоре ударили морозы. К середине

сентября стужа была уже лютая. Бухту покрыл лед. Теперь больше всего Пахтусов заботился о том, чтобы уберечь людей от цинги.

— У зимовщика должно быть три правила: чистота, движение и бодрость духа! — повторял он своим подчиненным. — Иначе смерть!

Новая Земля

Ежедневно экспедиция отправлялась в длительные прогулки, ставили ловушки-кулемы на песцов, шили одежду. Да мало ли было дел! Не забывали полярники и об основной работе: каждые два часа Пахтусов с Крапивиным записывали сведения о направлении ветра, замеряли давление, температуру.

В самом начале зимовки удалось подстрелить трех оленей из проходившего мимо большого стада. Это позволило надолго запастись хорошим мясом. Захаживали на зимовье и медведи. По воскресеньям, сев в кружок, читали общую молитву, пели песни. Питались так: утром горячий сбитень, в обед мясо с кашей, вечером чай.

Как-то днем с берега прибежал взволнованный Крапивин:

— Петр Кузьмич! — закричал он с порога. — Беда! Вода с моря пошла!

Все выскочили из избы. В бухте нагоняемая ветром волна

ломала лед и уже заливала прибрежные камни. Через несколько минут она достигла карбаса и стала с силой бить его о скалы, ломая днище.

— За мной! — крикнул Пахтусов. — Погибнет бот, погибнем все!

С неимоверным трудом в конце концов удалось спустить судно на воду, а затем перетянуть в более безопасное место.

Над Новой Землей еще бушевали яростные весенние метели, а Пахтусов уже повел своих людей пешком на топографическую съемку берега. В марте положили на карту Никольский Шар. Тогда же едва не погибли. Когда группа была в пути, разразилась страшная пурга, которая погребла Пахтусова с двумя матросами под толщей снега. Жуткий холод сковывал тесно прижавшиеся друг к дружке тела, мучила жажда. Так прошли сутки, за ними вторые... «Мы потеряли всю надежду на спасение...— вспоминал позже об этих страшных часах отважный подпоручик. — Тщетно мы держали по свинцовой пуле во рту; сначала, казалось, жажда несколько утихла, но через несколько минут возродилась она с еще большей силой. Наконец мне пришла мысль, что снег можно растопить в кружке за пазухой. И не более как через полчаса достал я таким образом чарки полторы воды, которая в то время была для меня столь драгоценна, что, казалось, не отдал бы ее ни за какие миллионы». Лишь на исходе третьих суток, когда наконец стих ветер, люди смогли вернуться в зимовье. Отогрелись, отлежались и через несколько дней снова в путь.

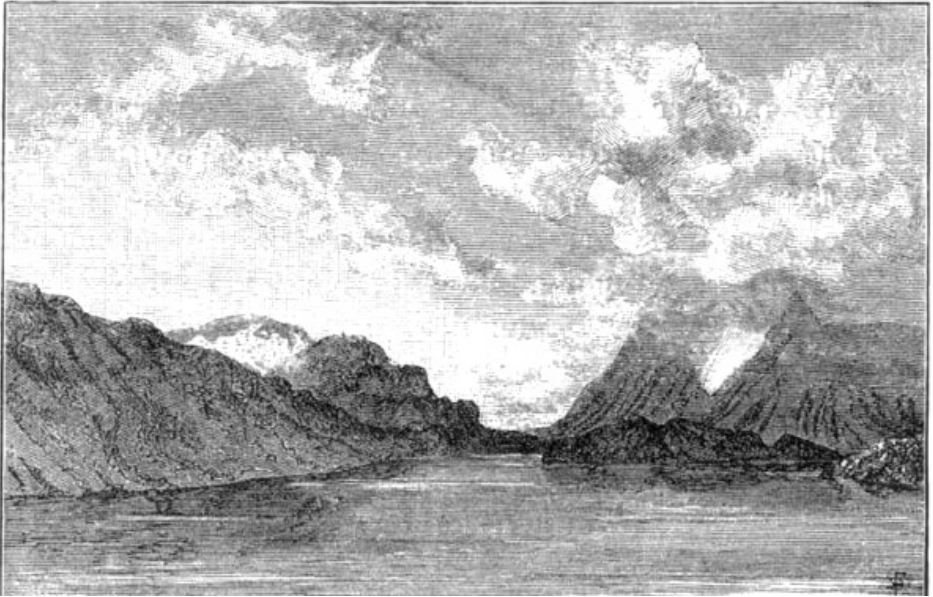
В один из таких походов, где-то в сотне миль от зимовья, обнаружили они старую избу, а подле – сломанный деревянный крест. Стерев с него снег, Пахтусов прочитал:

— Кормщик Савва Феофанов!

Ниже была дата: «1742 году июля 9 дня». Бухту, в которой была найдена изба, он так и назвал — Саввина губа. Таким это название осталось и до наших дней.

В июле продолжили плавание на карбасе. А затем началась цинга, унесшая жизни двух матросов. Снова попали в сжатие льда, едва не раздавившее судно. Но вопреки всем испытаниям на карте появлялись все новые и новые бухты и острова, заливы и реки.

- Наконец в один из дней впередсмотрящий матрос закричал:
- Залив! Вижу огромный залив!
  - Это не залив! — констатировал Пахтусов, сделав расчеты.
- Это Маточкин Шар! Мы обошли Южный остров!
- Ура! — кричали матросы. — Половина дела сделана!

Пролив Маточкин Шар

Но радоваться долго не пришлось. Погода резко испортилась, и карбас, тяжело зарываясь в воду, едва продвигался вперед. А с севера уже налетали первые снежные заряды — предвестники новой зимы. Пахтусов собрал команду. Решали, что делать дальше. Вначале высказывались матросы, затем — кто чином постарше. Последним взял слово командир.

– Вот что, ребята! — сказал он с грустью, оглядев своих товарищей. — Идти далее — значит снова зимовать. Но на вторую зимовку у нас ни припасов, ни сил нет. До следующего лета нам не дотянуть. Будем поворачивать домой.

Но и обратный путь был нелегок. Не вынеся тягот и лишений, умер еще один матрос. В Баренцевом море карбас снова

попал в жестокий шторм. «Представьте себе, — писал в те дни в своем путевом дневнике подпоручик. — Среди необозримого океана под небом, покрытым черными облаками, маленький наш бот, осыпaeмый брызгами волн, то сильно бросаеый на хребет вала, то поглощаеый бездною...»

Пытались пристать в устье Печоры, но были выброшены на мель. Кое-как снялись, однако вскоре снова оказались на камнях. На пределе сил спасли судно — и опять камни... В трюме ходили волны, пробоины не успевали заделывать, но и на этот раз Пахтусов с товарищами снял судно с мели. Но вот впереди показалась река Печора, домишки промышленников, маленькая бревенчатая пристань. Все, плавание завершено! Когда мореплаватели сошли на землю, то сил идти уже не было. Они отдали всех себя, до доньшка!

А едва подпоручик пришел в себя, собрал он карты, журналы, засунул их в мешок дорожный, попрощался с командой, которую оставлял на попечение кондуктора Крапивина, и отправился в долгий путь. Более полутора месяцев кочевал по стойбищам самоедов, от семьи к семье, от чума к чуму. День и ночь верхом на оленях. Так добрался до Мезени, а оттуда уже напрямиком в Архангельск.

Появление Пахтусова вызвало в городе восторг небывалый. Там уже давно потеряли всякую надежду дожидаться мореплавателей живыми. Радость же самого подпоручика была омрачена: известий об отряде Клокова все еще не было...

Не успел подпоручик отдышаться, как следует, снова дорога. На этот раз в Петербург. В Морском министерстве покорителя полярных морей встречали радушно. Седые адмиралы снисходительно похлопывали штурмана по плечу, вот, дескать, и мы такими же героями когда-то были. Пахтусов не возражал: довольны старики — и ладно. Особо приятна была встреча с капитаном 1 ранга Федором Литке, начальником только что завершившейся кругосветной экспедиции, а ныне воспитателем великого князя Константина. В свое время Литке четыре года отдал новоземельским экспедициям. О, им было о чем поговорить, двум колумбам российского флота!

В Гидрографическом департаменте бумаги его разве что не нюхали. И так глядели и этак.

– Будто не на зыбком боте, а на доске графической все ладно выведено! — удивлялись.

О плавании Пахтусова заговорили сразу и все. Еще вчера никому не известный штурманский подпоручик мгновенно стал столичной знаменитостью. Начали, как в таких случаях бывает, зазывать его на обеды да балы в салоны модные. Но подпоручик свободное время проводил в книжных лавках, где на последние деньги скупал книжки по астрономии и минералогии, зоологии и ботанике. Усиленно посещал кунсткамеру. Времени было у Пахтусова до обидного мало, и он очень торопился.

Докладывая на ученом совете об итогах своей экспедиции, Пахтусов поставил вопрос о ее продолжении.

– Пока не завершена опись побережья новоземельского до крайнего северного мыса Желания, нельзя говорить об окончании нашего дела! — горячо убеждал он седовласых ученых мужей. — К тому же надобно торопиться весьма. Возможно, что живы еще где-то на зимовье люди отряда лейтенанта Кротова, и в нынешнее лето их надо непременно сыскать!

Последний аргумент заставил согласиться всех. Тревога за пропавших без вести не могла оставить равнодушным никого. Наверное, еще ни одна российская экспедиция не снаряжалась так быстро. Весной 1834 года подпоручику корпуса флотских штурманов Петру Пахтусову вручили инструкцию. В ней значилось: «Главная цель делаемого вам поручения состоит в том, чтобы описать восточный берег северного острова Новой Земли, доселе никем еще не осмотренный». Тогда же высочайшим указом удостоен он был и ордена Анны 3-й степени.

В Архангельске Пахтусова ждала прибывшая от Печоры санным путем команда. Кондуктора Крапивина подпоручик нашел тяжело больным.

Новую экспедицию снаряжали быстро и основательно, денег не жалели. В распоряжение Пахтусова архангельский губернатор Галл выделил два судна: шхуну и карбас. Подпоручик назвал их в честь пропавших без вести друзей — «Кротов» и «Казаков». Там же, в Архангельске, произошло в это время и еще одно весьма важное для Пахтусова событие — он влюбился в племянницу купца

Брандта Лизавету, первойшую архангелогородскую красавицу. Лизавета отвечала подпоручику полной взаимностью: может, настоящие чувства имела, а может, льстила ей громкая слава храброго морехода, кто теперь знает? Как бы то ни было, договорились с возвращением из плавания засылать сватов.

Утром 24 июля Петр Кузьмич Пахтусов взошел на борт шхуны «Кротов». В руках он держал толстую связку купленных в столице книг. Выбрали якоря и в путь! Карбас на этот раз вел кондуктор Август Циволька. Наводя на удаляющийся берег трубу зрительную, долго еще видел Пахтусов, как махала платком стоявшая в отдалении от остальной толпы девушка — его невеста Лизанька. И от того сердце его переполнялось печалью расставания и гордостью за дело, им совершаемое.

Через месяц плавания суда вошли в пролив Маточкин Шар. Именно здесь должны были отыскаться следы отряда лейтенанта Кротова. Ведя топографическую съемку побережья, борясь со льдом и ветрами, мореплаватели искали следы своих друзей и нашли их. На камнях одной из бесчисленных бухточек обнаружили обломки шхуны «Енисей» — и все... Что случилось с ее экипажем, так и осталось загадкой. Север умеет хранить свои тайны.

Остаток короткого полярного лета пролетел быстро. Не успели оглянуться, на носу уже сентябрь, а значит, и новая зимовка. Готовились к ней основательно: выстроили просторную избу, суда во избежание всяких случайностей вытащили на берег. Эта зимовка была на редкость удачной. В течение ее не был потерян ни один человек. За всем этим стоял труд Пахтусова. Подпоручик остался верен себе. Прежде всего, чистота: еженедельно топилась жаркая баня, а через каждые три дня менялось белье. Затем бодрый дух: зимовщики поднимали, соревнуясь, тяжести, ходили на лыжах, когда позволяла погода. Душой зимовки был кондуктор Циволька. Образованнейший и начитанный (он прекрасно владел шестью языками), Циволька был непревзойденным мастером веселых рассказов, знал бесчисленное множество анекдотов. Вокруг него всегда слышались смех, шутки, дружеские подначки.

Пахтусов меж тем каждую свободную минуту уделял книгам научным.

— Еще два раза позимую, и можно в академики записываться!
— шутил он.

Ранней весной Пахтусов с двумя матросами двинулся по льду вдоль южного берега Маточкина Шара, определил точные координаты устьев пролива. Циволька тем временем пошел вдоль побережья на север. А в июле у пахтусовского зимовья неожиданно появился со своими людьми промышленник Афанасий Еремин, судно которого прихватило льдом у западного берега Маточкина Шара.

— Нынче, почитай, все наши двинулись в здешние воды зверя бить, когда прознали про ваше плавание да про карты берегов здешних!— говорил он подпоручику, руку крепко пожимая.— За то вам, Петр Кузьмич, низкий поклон и вечная благодарность от всего люда поморского!

И было за что: если в 1831 году у Новой Земли промышляло лишь одно поморское судно, то в 1835 году — 118, цифра по тем временам огромная.

Затем перешли к делам насущным. Еремин поинтересовался:

— Куда лучше путь держать, чтоб на хорошие моржовые лежбища выйти?

— Пахтусов развернул карту. Сощурился, прикидывая, что и как.

— Думаю, вот сюда, сюда и сюда! Желаю удачи!

На том и расстались.

И снова, так и не дождавшись, когда вскроется лед, подпоручик устремился вперед. Решился он на этот раз на вещь рискованную, почти погибельную: с запада обогнуть северную часть Новой Земли, а затем описать ее восточный берег, спускаясь к югу. Пахтусов пошел на карбасе. В лагере за старшего остался Циволька.

Бросок на север был стремителен, но мореплавателей поджидала беда. При подвижке льда в один из дней как ножом срезало якорный канат. Затем ледяные глыбы с треском раздавили маленькое суденышко. Люди едва успели сгрузить на лед лодки, покидать в них ружья да муку. Пока сгружались на лед, льдину тащило в океан. Насилу добрались до ближайшего острова Берха.

В своих дневниковых записках Пахтусов оставил следующую запись: «Мы же до крайности перемокли и устали. Разведя огонь и, устроив палатку из парусов, мы обратились к перетаскиванию оставленной на прибрежном льду провизии и бочки со смолой. Последняя нам была нужна для исправления лодок, потерпевших от перетаски по ледяным торосам; но льдина, на которой все это стояло, уже ушла в море. Таким образом, мы лишились значительной части наших вещей».

Люди оказались на краю гибели, но духом не пали: чинили лодки и ждали попутного ветра. Между делом на острове Верха обнаружили остатки двух старинных лодий и несколько покосившихся крестов поодаль. Мыс, близ которого погиб карбас «Казаков», Пахтусов так и назвал — мыс Крушения.

Помощь пришла неожиданно. Сразу два промышленных судна причалили к берегу. Кормщики даже спорили, кому выпадет честь доставить столь известных на Севере мореплавателей к зимовью. Чтобы не было обид, разделились поровну.

Вскоре Петр Кузьмич с сотоварищами был уже на зимовье. Небольшая передышка — и снова в путь! На этот раз подпоручик стремился достичь северной оконечности Новой Земли с востока. Но и это плавание было на редкость тяжелым. Дождь и шквальный ветер, лед и туман — природа, казалось, делала все, чтобы остановить смельчаков. Предоставим слово биографу первопроходца: «Ценою невероятных усилий Пахтусов к 23 августа достиг островов, расположенных на 74° 24' северной широты. Пройти сквозь узкие проливы между островами, несмотря на многократные попытки, не удалось. Льды плотно прижимались к берегу. Пахтусов нанес на карту очертания части островов, обозначил мысы, вдававшиеся в море; самому отдаленному высокому мысу он дал имя Дальний. Позже этот маленький архипелаг в честь бесстрашного полярного исследователя получил название островов Пахтусова.

Путь на север был закрыт льдами. Пришлось возвращаться назад, чтобы успеть пройти через Маточкин Шар до того, как его скуют льды».

В первых числах сентября, вернувшись на зимовье и погрузив остававшихся там людей, Пахтусов взял курс на Архангельск. Начальник экспедиции уже был тяжело болен «грудной лихорадкой», как тогда говорили. В тесной каморке-каютке, мерцающей, качалась лампада под образом святого Николы.

Когда подпоручику становилось лучше, доставал он из-под подушки писанный маслом портрет своей избранницы, что был подарен ему перед расставаньем. Скоро, скоро уже их встреча, осталось совсем немного!

На берег Пахтусова сводили уже под руки...

ОТ ДОМАШНИХ ОГОРЧЕНИЙ...

Еще вчера полный новых планов, мечтавший на будущий год вновь идти штурмовать новоземельские берега, он как-то сразу утратил интерес к жизни. Отчет об экспедиции так и остался недописанным, а коллекции минералов и каменного угля не разобранными.

Изнуренный лишениями двойного девятисуточного похода и преданный любимым человеком, подпоручик корпуса флотских штурманов Петр Пахтусов умер 7 ноября 1835 года.

Проводить в последний путь героя полярных морей вышел весь Архангельск. Положили его в землю на солонбальском кладбище, где исстари хоронили мореходов. На могильной плите выбили надпись: На каменном надгробии высечены изображение парусного корабля и слова: "Новая Земля, Берег Пахтусова, Карское море". А чуть ниже сделана надпись: "Корпуса флотских штурманов подпоручик и кавалер Петр Кузьмич Пахтусов умер в 1835 году седьмого дня, отроду 36 лет, от понесенных в походах трудов и д... о..."

Могила П.К. Пахтусова в Архангельске

Историк Г. Захаров так пишет о возможной тайне букв на могильном камне Пахтусова: «Известно, что после смерти Петра Кузьмича осталось его семейство – жена, сын и две дочери. К слову, в конце 80-х годов XIX века они еще были живы. Сын Николай, подпоручик в отставке, доживал свой век в Петергофе, где имел дом. Дочь Александра, вдова губернского секретаря Погорелова, жила в

Кронштадте, а вторая дочь – Клавдия – в Петербурге. Обе дочери проживали в бедности, получая за отца годовую пенсию в 33 рубля и пособие от Морского министерства в 150 рублей. Загадочные буквы "д" и "о", по объяснению большинства исследователей, могут означать... "домашние огорчения". Петра Кузьмича Пахтусова, который уже больным человеком вернулся с Новой Земли, "добило" семейное обстоятельство. Перед отъездом в экспедицию он вручил жене конверт с деньгами, которые были накоплены им с огромным трудом. При этом Петр Кузьмич якобы настоятельно просил жену не вскрывать конверта до его возвращения или же получения известия о его гибели. Однако супруга Пахтусова по своей ветрености в отсутствие мужа растратила все деньги...

Есть и те, кто считают, что Пахтусова сгубило известие о неверности жены. Однако и в этом случае можно сказать – "от домашних огорчений".

В пользу этой версии говорит и обстоятельство, подмеченное современниками, хорошо знавшими Петра Кузьмича. Всем им он был известен не только своими трудолюбием, смелостью, решительностью, даже горячностью, но и веселым нравом и любезностью... А сразу же после возвращения из экспедиции Пахтусов резко изменился характером и сделался до крайности раздражительным.

Что же повлекло скоропостижную смерть сравнительно молодого человека или что именно приблизило ее, мы, верно, никогда не узнаем».

Каким же запомнился современникам наш герой, каким он остался в их памяти? Сохранились воспоминания одного из современников Пахтусова. Он пишет: «...Был решителен, смел и иногда горяч, но всегда соединял это с благоразумием. По настойчивости же и твердой решимости характера его... можно сравнивать с Куком... Пахтусов вообще был человеком необыкновенной доброты и всеми любимый; смолоду отличался веселостью и даже любезностью в своем кругу... И, что особенно странно при его уме, он слепо верил снам. Но кто же без слабостей или странностей?»

Спустя девять лет в Петербурге были изданы «Дневные записки» Пахтусова, посвященные его второй экспедиции. В 1875 году в

Кронштадте, на родине полярного штурмана, ему был открыт памятник. Деньги на него собрали по подписке штурмана со всех уголков России.

Памятник П.К. Пахтусову в Кронштадте

На постаменте серого гранита, гордо вскинув голову, стоит Петр Кузьмич Пахтусов. На плечи небрежно накинута шинель, в руке свернутая карта Новой Земли. Внизу на бронзовых барельефах слова: «Польза», «Отвага», «Труд» — девиз всей его короткой, но славной жизни!

Тогда же в одной из газет появились строчки: "Память и честь подобным деятелям более почтенна и плодотворна, чем даже великим воителям и государственным мужам".

Ах, как он любил море! Море, над которым переливались сполохи полярных сияний, где трещал под напором волн вековой лед, где за пургой и штормами ждало его еще столько неоткрытых земель!

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ АНТАРКТИДЫ

АДМИРАЛ БЕЛЛИНГСГАУЗЕН

Будущий мореплаватель и адмирал Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен (при рождении Фабиан Готтлиб Таддеус фон Беллинсгаузен (нем. Fabian Gottlieb Thaddeus von Bellingshausen) родился 18 августа 1779 года на острове Эзель, в отцовском имении Пилгузе. По происхождению Ф.Ф. Беллинсгаузен являлся балтийским немцем из остзейского дворянского рода Беллинсгаузенов.

Впоследствии Фаддей Беллинсгаузен напишет: «Я родился среди моря; как рыба не может жить без воды, так и я не могу жить без моря».

Поэтому не случайно в 1789 году в 11-летнем возрасте Фабиан Готтлиб Таддеус, взявший русское имя Фаддей, поступил в Морской корпус. Науки давались ему легко, в особенности навигация и мореходная астрономия, но в числе первых учеников Ф.Ф. Беллинсгаузен никогда не был.

В 1795 и в 1796 годах Ф.Ф. Беллинсгаузен, будучи гардемаринном, совершил два плавания в Англию. В возрасте 18 лет в 1797 году Ф.Ф. Беллинсгаузен выпущен из Морского корпуса мичманом и получил назначение в Ревельскую эскадру, где прослужил до 1803 года.

В 1803 году мичман Ф.Ф. Беллинсгаузен был рекомендован Главным директором штурманского училища Балтийского флота вице-адмиралом П.И. Ханьковым, под командованием которого он ранее участвовал в нескольких плаваниях, на должность вахтенного начальника на назначенный в первое кругосветное плавание шлюп «Надежда». Начальник экспедиции И.Ф. Крузенштерн, проверив знания и навыки молодого офицера, остался им доволен и утвердил назначение.

***

Экспедиция в составе шлюпов «Надежда» и «Нева» вышла из Кронштадта 26 июля (7 августа) 1803 года. 5 октября экспедиция пошла дальше к югу, зашла на остров Тенерифе; 14 (26) ноября, на 24° 20' западной долготы, она пересекла экватор. Русский флаг впервые развевался в Южном полушарии.

Дойдя до 20° южной широты, Крузенштерн тщетно искал остров Вознесения, о положении которого были очень сбивчивые указания. 20 февраля они обогнули мыс Горн; но вскоре их встретили крепкие ветры с градом, снегом и туманами. Корабли разлучились, и 24 апреля И.Ф.Крузенштерн один достиг Маркизских островов. На острове Нукагива Крузенштерн открыл и описал удобную гавань, которую назвал портом Чичагова. 4 мая экспедиция покинула Вашингтоновы острова и вновь перешла экватор по направлению на север. 26 мая показались Сандвичевы острова, где корабли разделились: «Надежда» взяла курс на Камчатку и далее в Японию. 26 сентября 1804 года «Нева» прибыла с послом Н.П. Резановым в японский порт Дэдзима. В гавань японцы запретили входить, и Крузенштерн бросил якорь в заливе. Посольство продлилось полгода. Оставив берега Японии, «Надежда» пошла на север почти совсем не известным европейцам

Японским морем. По дороге И.Ф. Крузенштерн определил положение ряда островов. Он прошёл Лаперузовым проливом между Иессо и Сахалином, описал залив Анива, находящийся на южной стороне Сахалина, восточный берег и бухту Терпения. Огромное количество льда, встреченное «Надеждой» на 48° широты, препятствовало продолжать плавание на север, и «Надежда» спустилась к Курильским островам. Здесь были открыты четыре каменных острова. После этого «Надежда» прибыла в Петропавловский порт. Затем шлюп направился к Сахалину, чтобы закончить описание его берегов. Исследуя берега Сахалина, «Надежда» обошла северную оконечность острова, спустилась между ним и берегом материка до широты 53° 30'.

В Кронштадт «Нева» и «Надежда» возвращались разными маршрутами. На пути к Китаю он тщетно искал острова, показанные на старых испанских картах, выдержал несколько штормов. Выходя из Зондского пролива, корабль «Надежда» опять только благодаря поднявшемуся ветру справился с течением, в которое попал, и которое несло его на рифы. 22 апреля «Надежда» прибыла на остров Святой Елены, пройдя путь от Макао в 79 дней. На острове было получено известие о войне России с Францией, а потому И.Ф. Крузенштерн решил идти вокруг Шотландии. 5 (17) августа 1806 года шлюп «Надежда» прибыл в Кронштадт, совершив кругосветное плавание за три года и двенадцать дней.

Все офицеры экспедиции, в том числе и Ф.Ф. Беллинсгаузен получили следующие чины и по тысяче рублей пожизненного пенсионера. Были награждены и матросы. По высочайшему повелению была выбита и особая медаль для всех участников первого кругосветного путешествия.

Кругосветное плавание под началом И.Ф. Крузенштерна стало замечательной школой для Ф.Ф. Беллинсгаузена. «Наш флот, конечно, богат предприимчивыми и искусными офицерами, однако из всех оных, коих я знаю, не может никто, кроме Головнина, сравняться с Беллинсгаузенем» – так охарактеризовал его И.Ф. Крузенштерн. Кстати, большинство карт, вошедших в «Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна», были выполнены рукой именно Ф.Ф. Беллинсгаузена.

По окончании плавания Ф.Ф. Беллинсгаузен был произведён в чин капитан-лейтенанта. В кампанию 1809 года он командовал корветом «Мельпомена». В 1812 году Ф.Ф. Беллинсгаузен был переведен на Черноморский флот и назначен командиром фрегата «Минерва». Плавая на этом фрегате три года у Кавказских берегов, Ф.Ф. Беллинсгаузен обратил внимание на неверное изображение этих берегов на наших морских картах и, произведя ряд астрономических наблюдений, определил широты и долготы главных пунктов восточного берега Черного моря. В последующие годы им была проведена большая работа по составлению и исправлению карт, были определены главные координаты восточного побережья.

***

К 1819 году капитан 2 ранга Беллинсгаузен имел репутацию опытного и талантливое мореплавателя, не только сведущего в астрономии, географии и физике, но и смелого, решительного, исключительно добросовестного. Это позволило И.Ф. Крузенштерну рекомендовать капитана руководителем экспедиции для открытий и исследований в области полярных Южных морей.

Дело в том, что знаменитый британский мореплаватель Д. Кук, еще в 1770-х годах первым достигнув южно-полярных морей, но, встретив в нескольких местах сплошной лёд, объявил, что далее его невозможно проникнуть на юг. Д. Куку поверили, и в течение последующих сорока пяти лет больше никаких южно-полярных экспедиций не было. И вот теперь русские моряки решили проверить справедливость вывод английского мореплавателя.

Вообще история назначения Ф.Ф. Беллинсгаузена в Антарктическую экспедицию была весьма любопытна. Вначале начальником экспедиции планировался еще один участник первого кругосветного плавания М.И. Ратманов, но он, сославшись на плохое здоровье, от этой должности отказался. Именно Ратманов и предложил Ф.Ф. Беллинсгаузена вместо себя. Там же Фаддей Фаддеевич от поступившего предложения был не в восторге. Сохранилось его письмо, в котором он сетует на то, что не слишком

рад поступившему предложению. И вот почему. Дело в том, что одновременно с посылкой двух шлюпов в Южные моря намечалась посылка еще двух судов (т.н. северный отряд) в Берингов пролив для поиска с Северо-Западного прохода вдоль северного побережья Америки. Среди моряков считалось, что у Северного отряда намного больше шансов на успех, чем у их коллег из Южного отряда. Что касается Ф.Ф. Беллинсгаузена, то он также мечтал стать во главе именно Северного отряда.

Увы, история распорядилась так, что великое географическое открытие совершили именно шлюпы Южного отряда, а плавание шлюпов в поисках северного пути вокруг Америки завершилось ничем. Как бы то ни было, но Ф.Ф. Беллинсгаузен был назначен начальником Южного отряда. Ф.Ф. Беллинсгаузен был срочно вызван в Петербург, где 4 июня 1819 года принял командование шлюпом «Восток», которому предстояло идти в Антарктику. Вторым судном экспедиции шлюпом «Мирный» был назначен командовать опытный моряк и будущий адмирал М.П. Лазарев.

Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев

«Восток» и «Мирный», построенные для кругосветных плаваний, были специально приспособлены для полярных условий. Подводная

часть «Востока» по требованию Беллинсгаузена была скреплена и обшита медью. На «Мирном» была добавлена вторая обшивка, добавочные крепления корпуса, судну заменили сосновый руль на дубовый. Вместе команды кораблей насчитывали 183 человека.

Перед антарктической экспедицией ставились чисто научные цели: достичь «возможной близости Антарктического полюса» с целью «приобретения полнейших знаний о нашем земном шаре». При этом от участников дальнего плавания требовалось «всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколь можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли». В инструкции Морского министра значилось: «Вы пройдете обширные моря, множество островов, различные земли; разнообразность природы в различных местах, натурально, обратит на себя любопытство ваше. Старайтесь записывать все, дабы сообщить будущим читателям путешествия вашего».

Любопытную запись о некой конспирологической задаче экспедиции оставил известный историк отечественного флота Н.Д. Каллистов: ««Беллинсгаузену сильными лицами масонства было вменено в обязанность отыскать у Южного полюса остров Гранде, где в пещере, посреди неугасаемого огня, находится Книга Бытия, охраняемая духами тьмы»...

В данном случае надо иметь в виду, что два столетия назад представления о южном полушарии были настолько туманными, что в сознании даже просвещённых людей научные знания легко уживались с мистикой и разного рода нелепицами. В реальности, разумеется, никакой остров Гранде с таинственной пещерой, Ф.Ф. Беллинсгаузен не искал.

Экспедиция была подготовлена за очень короткий срок – чуть более месяца, но снабжена она была, в первую очередь благодаря стараниям Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, прекрасно. В распоряжении мореплавателей были лучшие по тем временам мореходные и астрономические инструменты.

Особенное внимание руководителями экспедиции было уделено различным противочинготным средствам, среди которых были хвойная эссенция, лимоны, кислая капуста, сушеные и консервированные овощи. С учетом климатических условий на суда

загрузили запасы рома и красного вина. Как результат – никаких серьезных заболеваний в ходе плавания среди моряков ни разу не наблюдалось.

Карта плавания шлюпов «Восток» и «Мирный»

16 июля 1819 года шлюпы вышли из Кронштадта, зашли в Копенгаген, после на Канарские острова, а к середине ноября были уже в Рио-де-Жанейро. Там в течение трех недель команда отдыхала и готовила суда к плаванию в сложных антарктических условиях. Дальше, следуя инструкции, суда отправились к островам Южная Георгия и к «Земле Сандвича» – открытой Джеймсом Куком группе островов, которые он принял за единый остров. Мореплаватели установили ошибку и назвали архипелаг Южными Сандвичевыми островами.

Далее продвигаться на юг было невозможно – путь был прегражден сплошными льдами. Потому Беллинсгаузенем было принято решение обогнуть Сандвичевы острова и искать путь вдоль северной кромки льдов. 1820 год, 16 января – в судовом журнале

появились записи о предполагаемой близости суши. Земли не было видно, так как она находилась под сплошным ледяным покровом, но над шлюпами кружились буревестники, а подходя ближе ко льдам, морякам были слышны крики пингвинов. Позднее станет известно, что экспедиция находилась всего в 20 милях от материка, потому именно этот день принято считать официальной датой открытия Антарктиды. Будь ледяной покров в то время не таким мощным, моряки, наверняка, смогли бы увидеть землю. Продвигаясь дальше, 6 февраля снова близко подошли к материка, однако погодные условия вновь не позволили с уверенностью утверждать, что белое пространство на горизонте – это суша.

Берега Антарктиды

Снова и снова, уходя от кромки льдов и приближаясь к ней дальше по курсу, старались мореплаватели пробиться сквозь льды. Четыре раза они пересекли Южный полярный круг, порой приближаясь на 3–4 км к берегу Антарктиды, однако результат оставался прежним. В конце концов, попытки подойти поближе к предполагаемой земле довелось прекратить. Сильные штормы могли погубить изрядно потрепанные суда, было необходимо пополнить запасы пищи и дров, дать отдохнуть измученной команде. Решили идти в Порт-Джексон (Сидней).

Инструкцией предписывалось во время зимы в Южном полушарии провести исследования в юго-восточной части Тихого океана. Лишь один месяц провели мореплаватели в Австралии, а 22 мая 1820 года отправилась на Туамоту и к островам Общества. В этом плавании были открыты острова, которым дали русские имена русских военачальников: Кутузова, Раевского, Ермолова, Барклая де Толли и др. Несколько островов обнаружили также недалеко от архипелага Фиджи и к северу от Таити. Так же проводились и исследования островов, которые уже посещались другими путешественниками.

В начале сентября 1820 года экспедиция возвратилась в Порт-Джексон. Там была проведена тщательная подготовка шлюпов, и уже 11 ноября они снова отправилась в Антарктику. **18 января 1821 года участники экспедиции отчетливо увидела берег, который был назван Землей Александра I. Больше сомнений не было: новый материк открыт!**

Открытие Антарктиды

При дальнейшем плавании были исследованы Южные Шетландские острова, многие из которых впервые были нанесены на карту, о. Петра I и др.

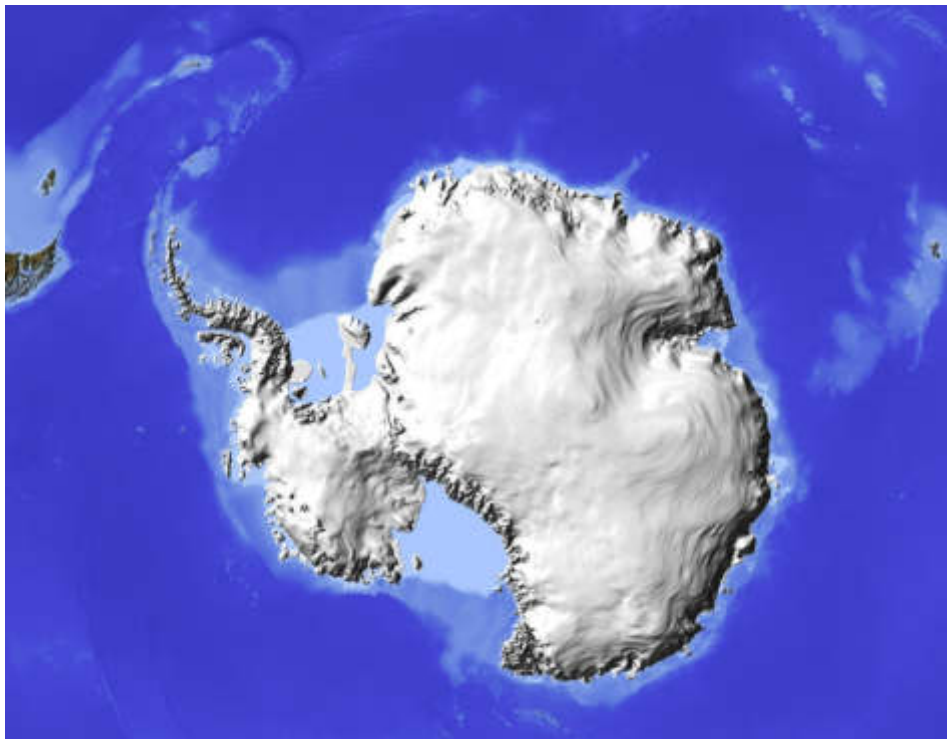
Шлюпы «Восток» и «Мирный» у берегов Антарктиды

Но работу по описанию открываемых земель пришлось прервать: серьезное повреждение «Востока» вынудило Беллинсгаузена принять решение о прекращении экспедиции. В Кронштадт мореплаватели добирались через Рио-де-Жанейро, где отремонтировали судно, после побывали в Лиссабоне, а в июле 1821 года вернулись на родину.

Антарктическая экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена справедливо считается одним из самых важных и трудных, когда-либо совершённых мореплавателями.

Ф.Ф. Беллинсгаузен доказал неверность выводов Д. Кука и сделал чрезвычайно много для исследования южно-полярных стран «посреди постоянных трудов и опасностей», на двух небольших

парусных судах, не приспособленных для плавания во льдах. Экспедиция продолжалась 751 день. За это время мореплаватели прошли 92.200 км. Во все время плавания на судах царствовал порядок и дисциплина, несмотря на то, что телесных наказаний вовсе не существовало. В ходе экспедиции были открыты материк Антарктида и 29 островов, собраны уникальные естественнонаучные и этнографические коллекции, сделаны превосходные зарисовки видов Антарктики и обитающих там животных. Впервые были произведены точные съёмки архипелага Туамоту. Русскими мореплавателями были обследованы большие акватории, прилегающие к материку, в общих чертах дали характеристику его климата, впервые описали и классифицировали антарктические льды. В этом сложнейшем плавании Ф.Ф. Беллинсгаузен проявил себя как выдающийся командир.

Так выглядит Антарктида из космоса

Именно Ф.Ф. Беллинсгаузен первым, задолго до Ч. Дарвина, смог догадаться о механизме образования коралловых островов. Он же дал правильное объяснение причин возникновения массы водорослей в Саргассовом море, не побоявшись оспорить мнение самого А. Гумбольдта. После посещения Австралии Ф.Ф. Беллинсгаузен решительно выступил против расовой теории, по которой коренных австралийцев считали, чуть ли не животными, не способными к обучению. Указав своими открытиями присутствие суши в антарктическом океане, Ф.Ф. Беллинсгаузен положил начало целому ряду исследований американских, английских и французских, открывших много земель в широтах, считавшихся до того недоступными человеку.

По возвращении из плавания Ф.Ф. Беллинсгаузен был произведён в чин капитана 1 ранга, через два месяца в чин капитан-командора, орденом Святого Владимира 3-й степени, пенсией в 1200 рублей и арендой в Курляндии. Кроме этого «за беспорочную выслугу, в офицерских чинах, 18-ти шестимесячных морских кампаний» его наградили орденом Святого Георгия 4-й степени.

Ф.Ф. Беллинсгаузен составил описание своего плавания, напечатанного в 1831 году под заглавием: «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах Восток и Мирный под начальством капитана Беллинсгаузена». Кроме этого, по результатам экспедиции, Ф.Ф. Беллинсгаузен подготовил «Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена».

***

В 1822-1825 годах Ф.Ф. Беллинсгаузен командовал 15-м флотским экипажем, а затем был назначен генерал-цейхмейстером морской артиллерии и дежурным генералом Морского министерства. В 1825 году он был награждён орденом Святого Владимира 2-й степени. После восшествия на престол императора Николая I занявшегося реформированием флота, Ф.Ф. Беллинсгаузен был назначен членом комитета для образования флота.

В 1826 году, командуя отрядом судов гвардейского экипажа, он провел девять месяцев в Средиземном море. Там Ф.Ф. Беллинсгаузен произведен в чин контр-адмирала, а по возвращении из плавания, назначен командиром гвардейского экипажа, с которым совершил в 1828 году сухопутный поход в Турцию и участвовал в осаде и штурме крепости Варны, взятии крепостей Мессеврии и Инады. Свой флаг он держал на линейном корабле «Пармен». За участие в русско-турецкой войне 1828-1829 годов Ф.Ф. Беллинсгаузен был награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

В декабре 1830 года Ф.Ф. Беллинсгаузен был произведён в чин вице-адмирала и назначен начальником 2-й дивизии Балтийского флота. В 1834 году был пожалован орденом Белого орла. В эти годы Ф.Ф. Беллинсгаузена пишет и издает книгу «О прицеливании артиллерийских орудий на море».

В 1839 году заслуженный моряк был назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным генерал-губернатором Кронштадта. Ежегодно на время морской кампании Ф.Ф. Беллинсгаузен назначался командующим Балтийским флотом, выводя в море корабли флота.

За свои заслуги в 1840 году вице-адмирал был награждён орденом Святого Александра Невского с пожалованием через два года алмазных знаков к нему. В 1843 году Ф.Ф. Беллинсгаузен был произведён в чин полного адмирала и в 1846 году награждён орденом Святого Владимира 1-й степени.

Несмотря на преклонный возраст, адмирал каждое лето выводил в море большие флотилии для маневров и доводил согласованность их действий до совершенства. В 1846 году на маневрах Балтийского флота под началом Ф.Ф. Беллинсгаузена присутствовал шведский адмирал Э. Норденшельд, который сделал заключение, что такой эволюции не сделает ни один флот в Европе. В 1847 году, в честь 50-летия службы в офицерских чинах, Ф.Ф. Беллинсгаузен был назначен состоять при императоре, с пожалованием на эполеты вензеля Николая Первого.

В памяти современников он остался доброжелательным и одновременно хладнокровным человеком. Фаддей Фаддеевич в любой ситуации, какой бы сложной она ни была, умел сохранять присутствие

духа: и под огнем вражеских орудий, и в борьбе со стихийными бедствиями. Ф.Ф. Беллинсгаузен имел четырех дочерей. За годы руководства Ф.Ф. Беллинсгаузеном Кронштадтом, там были выстроены вновь или перестроены многие портовые здания и сооружения, как, например, форты, доки, госпиталь, пароходный завод. Сам город украсился скверами, были устроены фонтаны и пароходная пристань, расширен Летний сад. Заботливость Ф.Ф. Беллинсгаузена о нижних чинах выразилась в устройстве им госпитальных барачков в Ораниенбауме и разведением за городом экипажных огородов, составлявших большое подспорье в матросском хозяйстве.

Ф.Ф. Беллинсгаузен умер 25 января 1852 года в возрасте 74 лет в Кронштадте и был похоронен на Лютеранском кладбище Кронштадта. На рабочем столе Ф.Ф. Беллинсгаузена, после его смерти, нашли последнюю записку. В ней значилось: «Кронштадт надо обсадить такими деревьями, которые цвели бы прежде, чем флот пройдет в море, дабы на долю матроса досталась частица летнего древесного запаха».

Сегодня точное место захоронения Ф.Ф. Беллинсгаузена неизвестно, так как в советские годы оно было утрачено и до настоящего времени не найдено.

В сентябре 1870 года в Екатерининском сквере Кронштадта был открыт памятник Ф.Ф. Беллинсгаузену. Деньги на памятник собирали по подписке сослуживцы и почитатели знаменитого мореплавателя и флотоводца. Авторство памятника принадлежит скульптору, профессору И.Н. Шредеру. Памятник был торжественно освящен в присутствии вдовы адмирала А.Д. Беллинсгаузен и его дочери. При этом войска дали салют из пятнадцати орудий.

Память о Фаддее Фаддеевиче Беллинсгаузене сохраняется, как в России, так и за рубежом. Именем Ф.Ф. Беллинсгаузена названы: море Беллинсгаузена в Тихом океане, мыс на Сахалине, остров в архипелаге Туамоту, острова Фаддея и залив Фаддея в море Лаптевых, ледник Беллинсгаузена, кратер на Луне, астероид главного пояса (3659) Беллинсгаузен, научная полярная станция в Антарктике, океанографическое исследовательское судно Черноморского флота. В 1994 году Банком России выпущена серия памятных монет «Первая русская антарктическая экспедиция».

Барельеф Ф.Ф. Беллинсгаузена помещен на станции метро Адмиралтейская в городе Санкт-Петербург. Ф.Ф. Беллинсгаузен был изображен на почтовых марках СССР, Венгрии, Фолклендских островов, Британской Антарктической территории, Южной Георгии и Южных Сандвичевых островов.

*Памятник адмиралу Ф.Ф. Беллинсгаузену в Кронштадте.
Скульптор И.Н. Шредер.*

ЖИЗНЬ В СЛУЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВУ

Около двух десятилетий Черноморским флотом командовал выдающийся мореплаватель и флотоводец адмирал Михаил Петрович Лазарев, чья деятельность занимает особое место в истории отечественного флота. Этот период современники по праву назвали «Лазаревской эпохой» флота. Около двух десятилетий деятельность Лазарева была связана с Севастополем.

Адмирал М.П. Лазарев

Будущий адмирал родился 3 ноября 1788 года во Владимире в дворянской семье. То был год первых блестящих побед новорожденного Черноморского флота. Вскоре после смерти отца, сенатора, три его сына Андрей, Михаил и Алексей по Высочайшему соизволению императора Павла были зачислены кадетами в Морской корпус.

Известно, что за «отличные успехи» во время обучения в Морском корпусе Михаил Лазарев был премирован секстаном, а в 1803 году произведен в гардемарины и по распоряжению правительства в числе 30 лучших выпускников корпуса был отправлен в Англию для службы волонтером. Проведя 5 лет в непрерывных плаваниях в Атлантическом океане, Средиземном море, а на судах Ост-Индской компании – и в Тихом океане, неоднократно участвуя в боях с французскими кораблями, Лазарев вернулся в Россию уже опытным офицером.

Служба в британском флоте оставила неизгладимый след в характере «юноши острого ума и благородного поведения», как аттестовали его английские капитаны. Именно здесь молодой Лазарев проникся тем чувством долга к службе, любовью к морю, духом спорта, стремлением достигнуть в каждом деле наилучшего результата, которые сразу выделили его в дальнейшей службе. Однако пребывание на английском флоте приучило Лазарева и к иному. Отныне до конца своих дней он будет предельно жесток в обращении с матросами.

Во время начавшейся вскоре войны с Англией и Швецией мичман Лазарев служит под командой капитан-командора Ф.Т. Быченского на линейном корабле «Благодать» в эскадре адмирала П.И. Ханькова. Именно тогда он вызвался в числе других охотников идти на помощь атакованному при Рогервике английскими кораблями и пленному линкору «Всеволоду». Вскоре после этого Лазарев вернулся в эскадру Ханькова, на которой служил до конца сентября 1808 года.

В 1809–1811 годах на люгере «Ганимед» и бриге «Меркурий» он крейсирует в Финском заливе. В феврале 1811 года Лазарев уже лейтенант. В Отечественной войне 1812 года, служа на бриге «Феникс», он участвует в высадке десантов в районе Данцига, предпринятых с целью отвлечения от Риги французов.

Получив боевое крещение в сражениях с французскими корсарами, побывав в плену, поучаствовав в двух войнах и испытав на себе все тяготы морской службы, Лазарев с первых шагов ее проникся глубоким убеждением, что «всякое положение человека, прежде всего, возлагает на него обязанности» и что «с точным, безукоризненным их выполнением связана не только служебная, но и личная честь».

Этот принцип и стал основой созданного им впоследствии Черноморского флота, давшего России ряд блестящих морских деятелей – П.С. Нахимова, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, Е.В. Путятин, Г.И. Бутакова, И.С. Унковского и многих других. Характеристика, данная им Нахимову – «чист душой и любит море», – лучший показатель собственных идеалов Лазарева. По отзывам его учеников, «честность, безукоризненность в выполнении долга и фанатичная заботливость о казенном интересе в хозяйстве

составляли необходимые условия для таких избранных в кружок, близкий к Лазареву».

Значительно превосходя своими организаторским способностям окружавших его офицеров, Лазарев был всегда ценен начальством и, когда в 1813 году Российско-Американская компания обратилась с просьбой к морскому министру назначить офицера для командования новым компанейским кораблем «Суворов» в предстоящем ему кругосветном плавании, был выбран именно он. Факт сам по себе поразительный, ведь опытных капитанов для столь трудного, но почетного мероприятия было предостаточно.

1 сентября 1813 года молодой офицер принял в командование свой первый корабль, который должен был доставить груз на остров Ситху через Северное море, Атлантический и Тихий океаны. Это первое кругосветное плавание Лазарева на Аляску, во время которого им были открыты необитаемые коралловые острова, названные островами Суворова, продолжалось без малого 3 года.

Шлюп «Суворов» в кругосветном плавании

Здесь заслуживает внимания и судебный процесс, выигранный лейтенантом против тогдашнего начальника колоний Российско-Американской компании коллежского советника А.А. Баранова. Самовластие Баранова заставило Лазарева самовольно оставить Ситху под выстрелами батареи. Дирекция компании вначале протестовала против такого поступка, но потом, удостоверившись в крайнем положении командира и офицеров «Суворова», окончила спор отставкой Баранова с поста правителя Аляски.

Трудности этого возвращения – без медика и суперкарга – показали решительный и твердый характер Лазарева и его глубокие познания в морском деле, что во многом способствовало его последующей карьере.

1 сентября 1816 года «Суворов» благополучно бросил якорь в Кронштадте и Лазарев, сдав его компании, снова возвратился в разряд флотских офицеров. В 1817 году за выслугу на море 18-ти шестимесячных компаний он был в соответствии со статутом награжден орденом Святого Георгия 4-го класса.

Лето 1818 года лейтенант Лазарев провел на корабле «Память Евстафия» в плавании по Финскому заливу, а в 1819–1821 годах, командуя шлюпом «Мирный», участвовал в своем втором кругосветном плавании в экспедиции под командованием капитана 2-го ранга Ф.Ф. Беллингаузена, направленной для исследования Южного Ледовитого океана.

Шлюп «Мирный», на котором М.П. Лазарев открыл Антарктиду

Плавание это длилось 751 сутки, за время которых было пройдено 49 тысяч миль. Во время экспедиции, как известно, была открыта Антарктида, обойден вокруг антарктический материк и нанесено на карту около 30 новых островов.

В связи с успешным завершением Антарктической экспедиции, принесшей блестящие научные результаты, лейтенант Лазарев 5 августа 1821 года был произведен через чин в капитаны 2-го ранга «за отличие» и пожалован пенсией по чину лейтенанта, а спустя год награжден еще и орденом Св. Владимира 4-й степени.

Назначенный 24 июля 1822 года командиром 36-пушечного фрегата «Крейсер», Лазарев почти сразу отправился на нем в свое третье кругосветное плавание – на остров Ситху, из которого возвратился спустя 3 года – 24 августа 1825 года. Вместе с «Крейсером» туда был направлен 20-пушечный шлюп «Ладога» под командованием капитан-лейтенанта Андрея Петровича Лазарева – старшего брата Михаила Петровича. Русские корабли у берегов Аляски вели отчаянную борьбу с американскими и английскими браконьерами, хищнически бившими в наших водах пушного зверя и ведшими контрабандную торговлю оружием с туземными племенами. Во время этого плавания экипажем фрегата была также проведена и серия широтных научных исследований по океанографии и метеорологии.

Следует отметить, что уже в дальних плаваниях Лазарев формировался как создатель той особой школы обучения и воспитания, которая впоследствии, в период командования им Черноморским флотом, получила полное развитие, заслужив название «лазаревской». Вокруг него объединялись наиболее способные и инициативные молодые офицеры: на «Крейсере» – Нахимов, Путятин, Завалишин, а позднее на «Азове» – Нахимов, Корнилов, Зовойко, Истомин.

Блестящий вид фрегата «Крейсер» при возвращении в Кронштадт после трудного и длительного похода, образцовый порядок на корабле, вызывал всеобщее изумление. За успешное выполнение задач этого плавания Лазарев сразу же получил чин капитана 1-го ранга, орден Святого Владимира 3-й степени и был пожалован пенсией по чину капитана 2-го ранга.

***

А 27 февраля 1826 года он назначается командиром 12-го флотского экипажа и строившегося в Архангельске 74-пушечного линейного корабля «Азов». Изготовив его к плаванию, Лазарев приводит 5 октября того же года корабль в Кронштадт, 10 июня 1827 года в составе эскадры адмирала Д. Н. Сенявина Лазарев отправился на нем в Средиземное море.

В должности флаг-капитана эскадры контр-адмирала Л.П. Гейдена капитан 1-го ранга Лазарев 8 октября 1827 года участвует в Наваринском сражении, где блестящим подвигом увековечил имя своего корабля, уничтожив 80-пушечный линкор, 3 фрегата и корвет противника.

Линейный корабль «Азов» в Наваринском сражении, 8 октября 1827 г.

Отмечая в своем донесении об этом бое сокрушительную стрельбу артиллерии «Азова», стойкость и храбрость его экипажа, граф Л.П. Гейден писал: «...Дрались, как львы, против многочисленного, сильного и упорного неприятеля... К чести капитана Лазарева я должен... присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневные учения по пушкам и порядок, в коем служители всегда содержались, были причиной, и чему я совершенно обязан, что корабль «Азов» действовал с толикой успеха в поражении и истреблении неприятеля».

«Храбрый и опытный капитан Лазарев, – записал очевидец этого боя в историческом журнале эскадры, – находясь попеременно в разных местах корабля своего, управлял оным с хладнокровием, отличным искусством и примерным мужеством, личным присутствием ободря мужественный экипаж свой, искусно направляя действия артиллерии, ускоряя тем разрушение сил оттоманов».

Наваринское сражение

За Наваринскую победу Лазарев был произведен в контр-адмиралы и пожалован английским орденом Бани и французским Святого Людовика. Находившийся же на «Азове» 12-й флотский экипаж был награжден Георгиевским флагом. Таким образом, лазаревский «Азов» стал первым русским кораблем, удостоившимся гвардейского отличия.

Русско-турецкую войну 1828–1829 годов контр-адмирал Лазарев провел в должности начальника штаба эскадры, крейсируя с ней в греческом архипелаге и осуществляя блокаду Дарданелл. С окончанием боевых действий он привел в 1830 году из

Средиземного моря в Кронштадт отряд из 10 судов, не сделав ни одного захода в порты.

В 1831–1832 годах Лазарев принял активное участие в работе Комитета образования флота по выработке новых штатов вооружения и запасов военных судов, а также по созданию нового положения об управлении Черноморским флотом. При этом работа в Комитете не снимала с адмирала командования отдельным отрядом судов, с которым он совершал плавания в Балтийском море и Ботаническом заливе.

17 февраля 1832 года контр-адмирал Лазарев назначается начальником штаба Черноморского флота. Его деятельность в этой должности началась с командования объединенной эскадрой Черного моря, в ходе которой он проявил незаурядные качества дипломата при оказании помощи турецкому султану в борьбе с восставшим против Порты египетским пашой Мухаммедом Али. Последний, разгромив главные силы турецкой армии, приближался к Стамбулу и был остановлен благодаря высадке с Лазаревской эскадры в Скутари русского десантного корпуса. Фактически Черноморский флот под командованием М.П. Лазарев с десантным корпусом Н.Н. Муравьева явились в 1833 году спасителями грозившей рухнуть Оттоманской империи. Адмирал принял участие и в подготовке заключенного тогда же Ункяр-Искелесийского договора, согласно которому Турция предоставила России право свободного прохода проливов, запретив кораблям всех других стран входить в Черное море.

***

2 апреля 1833 года Лазарев производится в вице-адмиралы, через 3 месяца становится генерал-адъютантом, а еще через месяц Высочайшим указом назначается «исправляющим должность» главного командира Черноморского флота и портов, Николаевского и Севастопольского губернатора. В том же году Лазарев награждается орденом Святого Владимира 2-й степени, а 31 декабря 1834 года утверждается в занимаемых им должностях. Взлет карьеры адмирала стремителен!

Из письма Лазарева тех лет: «Я попался в сети, крайне для меня неприятные, тем более, что должность береговая, и черт знает, что еще. Вот третий уже год, что флот здесь не ходил в море, и Бог знает от каких причин. А сегодня Севастополь вообще так пуст, что хоть шаром покати – ни одной сажени веревки, ни одного дерева, чтобы сделать стеньгу или марс-рей. Предвижу много преград, но бесполезным быть не хочу».

Из высказываний Истомина: «Для всех носивших морской мундир, Лазарев казался божеством».

Из высказываний Нахимова: «За год пребывания Лазарева в Черноморском флоте команды кораблей научились выполнять сложные операции с парусами менее чем за 3 минуты вместе прежних 17-ти минут. Матрос – есть главный двигатель на корабле, а мы – только пружины, которые на него действуют, – говорил он».

Интересно, почему наши историки всегда с завидным упорством приписывают последнюю фразу Нахимову, в то время как он сам указал ее истинного автора?

Дальнейшая эпоха в истории Черноморского флота, включая Севастопольскую оборону 1854–1855 годов, по справедливости называется Лазаревской.

Неутомимый работник, настойчивый в достижении цели, преданный морскому делу, Лазарев и в своих офицерах умел вызвать те же чувства и стремления. Сам в душе спортсмен, прекрасно управлявшийся под парусами, он обратил внимание на развитие в личном составе здорового духа соревнования в работе, учениях и в особенности управлении судами. Пользуясь каждым выходом флота в море на эволюции, Лазарев обыкновенно заканчивал их гонкой судов, не взирая на ранги. Эта система постоянных состязаний во многом способствовала развитию любви и гордости за свой корабль.

Черноморский флот в 30–40-е годы нес крейсерскую службу у берегов Кавказа, срывал контрабандные перевозки англичан и турок для горцев, перебрасывал свои войска, доставлял им различные грузы, поддерживал огнем корабельной артиллерии, высаживал морские десанты.

Постепенное занятие Кавказской береговой линии дало Черноморскому флоту богатый опыт в производстве совместных

действий с армией. В экспедициях по занятию береговых пунктов Кавказа, руководимых лично командующим, проверялась боевая готовность флота, посадка войск на суда, организация высадки, результатом чего и явился план десантной операции Лазарева на Босфор в декабре 1852 года, уже после смерти адмирала принятый Николаем Первым за основу плана военных действий против Турции. Насколько подготовленным к десантным операциям был в то время Черноморский флот, наглядно показала перевозка 13-й пехотной дивизии осенью 1853 года. Доживи Лазарев до Крымской войны, он обязательно настоял бы на Босфорской операции. Авторитета бы и настойчивости у него хватило. Вне сомнений, что этим он смог бы изменить весь ход войны и спасти Севастополь и изменить весь ход Крымской войны.

10 октября 1843 года Лазарев за отличие был произведен в полные адмиралы. Он был награжден всеми существовавшими орденами Российской империи, в том числе и высшей степенью отличия – орденом Святого Андрея Первозванного.

В период командования Лазаревым Черноморский флот, как в технике судостроения, так и в организации службы шел впереди Балтийского, лишенного единой власти. Все штаты, положения, судовые расписания, всякое новое слово в подготовке и обучении флота шло из Севастополя.

За 18 лет, в течение которых Лазарев командовал Черноморским флотом, было построено 16 линейных кораблей и свыше 150 других судов, в том числе первые пароходо-фрегаты и корабли с железным корпусом, часть судов вооружена бомбическими орудиями. В Севастополе в возведенных мощных фортах он установил береговые батареи, доки и мастерские, учредил адмиралтейство, построил казармы для флотских экипажей, Морскую библиотеку. Именно при нем Севастополь стал настоящим городом, поражающим современников своей красотой.

Адмирал был избран почетным членом Русского Географического общества, Морского ученого комитета и Казанского университета, а также членом Одесского общества истории и древностей. Одни ценили его за флотоводческий талант, другие – за административный, третьи – за ученый...

Севастополь при адмирале М.П. Лазареве

Адмирал Шестаков в своих воспоминаниях так описывает «секрет» Лазарева: «...Помимо собственной его личности, вызывающей невольное уважение, состоял главнейше в оправданной опытом аксиоме: окружил человека порядочностью – и он станет порядочным человеком».

***

Уже будучи командующим флотом, Лазарев женился на Екатерине Фандерфлит – молоденькой дочери своего бывшего сослуживца, капитана 2-го ранга в отставке Тимофея Ефремовича Фандерфлита, и двоюродной сестре Владимира Корнилова. Несмотря на весьма значительную разницу в возрасте супругов, их брак оказался счастливым. У Лазаревых было два сына (оба умерли в детстве) и три дочери: Татьяна, Анна и Александра. После смерти отца Татьяна Михайловна передала всю его личную библиотеку (более тысячи томов) в Севастопольскую Морскую библиотеку.

Оба брата Михаила Петровича также достойно служили русскому флоту, воевали против французов и турок, совершали океанские плавания. Андрей Петрович Лазарев закончил службу вице-адмиралом, начальником 1-й флотской дивизии Балтийского флота, а младший брат, контр-адмирал Алексей Петрович Лазарев, являлся командующим Каспийской флотилией и Керчь-Еникальским градоначальником.

К глубокому сожалению, в отечественной истории стало традицией избегать полутонов при описании тех или иных деятелей. Если какой-либо царский министр или генерал был плох в чем-то одном, то на него добросовестные историки сразу же вешали «кучу собак». Те же, кто удостоился быть произведенным в ранг национального героя, становились непогрешимыми. На их недостатки и просчеты накладывалось негласное молчаливое табу.

Это более чем странно. Для чего нам снова и снова придумывать себе святых, чтоб затем в них разочаровываться. К тому же, зная не только о достоинствах кумиров, но и об их недостатках, мы лучше понимаем их как нормальных живых людей, а не механических истуканов!

Были ли недостатки у Лазарева? Разумеется, были! Воспитанник британской морской школы он был до жестокости требователен к матросам, не прощая им ни малейшей оплошности. Недаром во время третьего кругосветного плавания два раза (!) команда была на грани бунта, доведенная до такого состояния Лазаревым и его старшим офицером. Случай исключительный для русского флота начала XIX века!

Зная отношение к матросам Лазарева, становится понятным и поступок его лучшего из воспитанников лейтенанта Павла Нахимова, избившего матроса на «Азове». Кем бы стал впоследствии лейтенант, если бы разбором этого дела не занялся старик адмирал Сенявин? Но это произошло, и Нахимов, покаявшись в содеянном, отныне никогда уже не поднимал руку на матроса.

Отдавая должное Лазареву, как моряку, надо признать, что, будучи в небольших чинах, он никогда не чурался лести в отношении сильных мира сего. Что поделать, иначе карьеру во все времена сделать невозможно!

Император Николай Первый и адмирал М.П. Лазарев принимают парад Черноморского флота в 1849 г. в Севастополе

Вот весьма характерный пример. Перед отправкой эскадры кораблей в Средиземное море корабли разыгрывали перед императором Николаем I учебный бой. «Азов», которым тогда командовал Лазарев, сманеврировал столь неудачно, что подставил свою корму одному из линкоров противной стороны. По условиям учений это было равносильно уничтожению. Репутация Лазарева перед императором, как опытного из моряков, была сильно подмочена. А потому уже на следующий день при посещении его корабля, Лазарев готовит Николаю приятный сюрприз. Когда царь со свитой спустились посмотреть кюйт-камеру, то увидели, что из орудийных замков на палубе выложена фраза: «Гангут, Чесма и...»

– Что же означает многоточие? – спросил император у командира.

– Первая из побед флота Вашего Величества! – четко доложил Лазарев, заготовленный заранее ответ.

Николай I остался доволен. К слову сказать, зная и понимая, не в пример своему старшему брату, флот, он любил и всегда особо покровительствовал Лазареву, считая его лучшим из своих адмиралов.

Став адмиралом, Лазарев стал и самим собой, нередко

позволяя в отношении даже самого Николая I поступки, за которые иные давно бы поплатились карьерой и эполетами. Иногда его грубость с императором носила порой даже вызывающий характер. Вот лишь несколько примеров.

Из воспоминаний адмирала К.И. Истомина: «По возвращении Михаила Петровича из Средиземного моря, после блистательной Наваринской битвы, еще бывши лично мало известен государю Николаю Павловичу, он удостоился поручения исследовать причину пожара на корабле «Фершампенуаз», который, возвращаясь из-за границы, вез все отчеты в истраченных суммах за пять лет по управлению целую эскадрю. Входя в гавань в Кронштадте, корабль этот неожиданно сгорел до основания. Злонамеренность казалась явною причиною пожара. Сделав строгое исследование, Лазарев открыл, что корабль загорелся от неосторожности. Государь, приехав в Кронштадт, обратился к Лазареву с вопросом: «Корабль сожгли?» «Сгорел, государь!» – отвечал хладнокровно Михаил Петрович. «Я тебе говорю, что корабль сожгли», – возразил император, рассерженный ответом. «Государь, я доложил Вашему Величеству, что корабль сгорел, но не сказал, что его сожгли», – отвечал адмирал, видимо, оскорбленный недоверием к себе».

Из воспоминаний Н.И. Лорера: «В последнюю свою поездку в Петербург, накануне возвращения в Николаев, адмирал Лазарев откланялся государю Николаю Павловичу. После милостивого приема, желая показать особое расположение, государь сказал: «Останься у меня обедать». «Не могу, государь, – отвечал Михаил Петрович, – я дал слово обедать у адмирала Г.И. (который, кстати сказать, был не в милости в ту пору при дворе и, вынув свой толстый хронометр, он взглянул на часы: «Опоздал, государь!» – с этими словами он поцеловал Императора и вышел из кабинета. В это время взошел князь А.Ф. Орлов, чрезвычайно уважавший адмирала. «Наш Лазарев – единственный человек в Империи, который не желает обедать со мной! – сказал ему Николай, глядя вслед вышедшему адмиралу, – что ж, придется обедать в одиночестве!»

Николай прощал Лазареву все странности его характера,

оберегая для больших дел. Поступает Императору бумага о публичном оскорблении Лазаревым инженер-полковника Стоке. Николай, не читая, откладывает ее в сторону:

– Если Лазарев оскорбил, значит, тому были причины!

Черноморский флот времен Лазарева был, по существу, единственным «островом свободы» в николаевской России. Там напрочь отсутствовала муштра, парадность и шагистика. Там морские офицеры, вопреки всем существовавшим уставам, расстегивали мундиры, выпуская поверх их белоснежные воротники рубах, прозванных «лисеями». Так обожал ходить их кумир Лазарев. Так ходили и они. И что же Николай – ярый поборник муштры и порядка? Да за одни «лисея» он, не задумываясь, снял бы десяток генералов! Но, приезжая на Черноморский флот и видя все там происходящее, он молчит. Когда же императора уж слишком донимали доносители, он просто отмахивался от них:

– Оставьте Лазарева в покое! Он знает, что делает!

*Картина Ивана Айвазовского
«Адмирал М.П. Лазарев»*

Внешне, как известно, адмирал был очень некрасив. Будучи мал ростом и достаточно грузен, он имел непомерно большую голову. В дневниках будущего адмирала Г.И. Бутакова осталась и кличка, которой молодые офицеры за глаза величали своего командующего: «адмирал-карлик».

Женившись поздно, в последние годы жизни, Лазарев находился под большим влиянием своей супруги. Современники пишут, что именно она во многом определяла будущность карьеры того

или иного приходящего на флот офицера. Вот характерный пример.

В одну из поездок в Севастополь Екатерина Тимофеевна, жена Лазарева, сопровождала мужа. С берега была положена сходня, по которой должны были пройти дамы на пароход. Адмирал вел под руку свою жену. Когда она вступила на доску, часовая цепочка оторвалась и часы, подарок Михаила Петровича жене, упали в воду. «Утонули», – проговорил адмирал, продолжая идти далее, и не дав времени взглянуть, куда и как упали часы. Екатерина Тимофеевна очень дорожила этими часами. Как только пароход скрылся из виду, то немедля водолаз стал искать часы. Они вскоре были найдены и, к чести английских мастеров, крышки были сделаны так, что вода не проникла в механизм. По возвращении адмиральши часы были переданы ей. Она тщательно скрывала от адмирала о находке их. Спустя некоторое время Екатерина Тимофеевна вошла в кабинет мужа и увидела, что он, припоминая что-то, чертил на бумаге часы, желая, как открылось потом, заказать подобные в Лондоне. Узнав всю правду, адмирал рассердился и настоятельно потребовал, чтобы она объявила ему, кто осмелился употребить водолаза на частную надобность. Но адмиралу не удалось вынудить признание, и имена виновных оказались ему неизвестны.

Не любил и не понимал Лазарев новоявленных пароходов, считая их лишь модной игрушкой, так и оставшись до конца своих дней истинным парусником. Ряд историков считают, что займись Лазарев пароходами серьезно, то к началу Крымской войны Черноморский флот был бы куда более подготовлен к встрече паровой англо-французской армады. Но все это лишь предположения!

Все эти человеческие слабости великого адмирала ни коим образом не умоляют его заслуг перед Севастополем. А потому лучшей характеристикой данной адмиралу, я считаю публикацию его биографа А. Хрипкова в журнале «Русский архив» в 1877 году: «Главной чертой его характера была резкая самостоятельность. Его рыцарская, без страха и упрека душа стояла так крепко за правду, что не существовало, буквально сказать, никакой власти на земле, которая могла бы поколебать его убеждения и заставить отказаться от цели, им раз для себя определенной. Эти-то душевные качества,

любовь к службе и высокое понятие, о ее значении доставили Лазареву исключительное доверие всех подчиненных...»

С 1849 года Лазарев начал буквально заживо съедать рак желудка. К концу 1850 года стало ясно, что жить адмиралу остались считанные недели. В начале 1851 года по настоянию Императора Николая I, пытавшегося хоть что-то предпринять для адмирала, он был отправлен на лечение в Вену в сопровождении жены, дочери Татьяны, своего любимца капитана 2 ранга Владимира Истомина и придворного лейб-медика.

Сам Лазарев прекрасно понимал, что дни его уже сочтены. Но присутствие духа, однако, не терял, позволяя себе даже шутить над собственной скорой кончиной. Так, когда перед отъездом на лечение ему выдали пенсию на год вперед, Лазарев брать ее отказался.

– Отсчитайте на несколько месяцев, более мне уже не понадобится, так зачем же разорять государство!

После жесточайших шестимесячных страданий, которые Лазарев переносил с завидным мужеством, не выказывая их даже близким, адмирал скончался в столице Австрии 11 апреля 1851 года. Как здесь не вспомнить проникновенные строки Тютчева:

*И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца.
И вновь вздохнули в горестной утрате
Все честные, все русские сердца...*

Прах адмирала, привезенный в Россию 7 мая 1851 года, был предан земле в склепе севастопольского Владимирского собора.

После похорон соратники и друзья Лазарева, собравшись в Морской библиотеке, решили провести подписку на сооружение памятника уважаемому командиру. Организовать подписку поручили контр-адмиралу Корнилову. Он обратился ко всем офицерам Черноморского флота со словами:

«С благоговением пишу порученное мне воззвание. Потомство оценит благотворную мысль увековечить память знаменитого адмирала...»

В декабре 1854 года проект памятника, исполненный в малом

размере известнейшим русским скульптором профессором Пименовым, был одобрен. Однако грянула Крымская война, и о памятнике пришлось забыть. Лишь в апреле 1863 года статуя была сформирована и отлита из гипса. В ряде газет тогда появилось сообщение:

«Памятник будет поставлен на краю высокой горы, срытой отвесно, на месте огромного разрушенного здания флотских казарм. Статуя, представляющая адмирала в полной форме, обращена лицом к рейду и видна всем судам, находящимся в бухте. Пьедестал будет сделан из диорита, выламываемого на Южном берегу Крыма, в Артеке, в имении князя Потемкина, ступени под пьедесталом делаются из вознесенского гранита, который берут из разрушенных сухих доков...»

А уже 9 сентября 1867 года в Севастополе перед зданием Лазаревских казарм был торжественно установлен памятник адмиралу. К сожалению, до наших дней не сохранившийся. Представление о нем дают теперь лишь изображения на гравюрах, старинных открытках, да отзывы современников:

«Памятник этот – последняя работа одного из лучших ваятелей наших, покойного профессора Пименова. Задуман старый адмирал весьма хорошо и вполне монументально. Памятник виден в Севастополе отовсюду. Красуясь между молчаливыми развалинами и вечно шумящим эллингом, он будто ожидает появления куда-то запропастившегося Черноморского флота. Особенно величаво смотрится он ночью, вырисовываясь своей гигантской профилею на темном звездном небе, если смотреть на него снизу, проезжая в лодке по бухте...»

Лазарев стоял без фуражки, со зрительной трубой под левой рукой, устремив взор вдаль, у ног вделан в гранит бронзовый щит фамильного герба. Немного ниже высечена и лаконичная надпись: «Адмиралу генерал-адъютанту Михаилу Петровичу Лазареву. Лета 1867».

Открытие памятника отмечалось торжественно. Все свободные от службы моряки явились на торжество. Когда упало покрывало, скрывавшее бронзовую фигуру, контр-адмирал Иван Шестаков выступил с речью:

«Снова любимый лик предстал перед нами, и мы, свидетели

дел адмирала, стеклись у подножия этого памятника напомнить России об ее достойном сыне и деятеле. Не гражданская доблесть, высказанная Михаилом Петровичем в молодых еще годах, на Наваринский погром, в котором «Азов» стяжал память, достойную ревностного хранения, не эти случайности, достаточные для озарения всякой жизни лучами известности, передают имя Михаила Петровича потомству.

Труд упорный, неослабный, не утомлявшийся препятствиями, польза истинная, не доставляющая выгод труженику, безграничное усердие к обязанности, целая жизнь, отданная долгу, – вот из чего вылит этот замечательный памятник».

В тот же день и час, когда открывали памятник прославленному адмиралу в Севастополе, в Петербурге с эллинга судостроительного завода был спущен в Неву броненосный фрегат «Адмирал Лазарев».

Бюст адмирала М.П. Лазарева в Севастополе

...В день столетия со дня кончины Лазарева, в 1951 году,

расположенная напротив Крестовского острова Колтовская набережная в Ленинграде была переименована в набережную адмирала Лазарева, а мост, связывающий остров с городом, – в мост его имени. На Кавказском побережье в населенном пункте Лазаревская ему воздвигнут памятник. Ныне он разрушен кавказскими молодчиками.

12 сентября 1996 года в Новороссийске был открыт памятник одному из основателей города адмиралу Михаилу Лазареву.

Памятник адмиралу М.П. Лазареву в Новороссийске

В Севастополе именем Лазарева были названы

адмиралтейство, казармы на Корабельной стороне, улица. На карте мира имя русского адмирала носят острова в Тихом океане, научная станция, берег, горы, залив, море в Антарктиде, мыс в Охотском море и у Алеутских островов, остров в Аральском море, пик и риф в Тихом океане, шельфовый ледник в Антарктиде.

А на том же Тихом океане долгие годы нёс службу тяжелый атомный ракетный крейсер «Адмирал Лазарев».

*Тяжелый атомный ракетный крейсер «Адмирал Лазарев».
Спущен на воду 26 мая 1981 года*

ЭТОТ СКРОМНЫЙ АНЖУ

Петр Анжу родился 15 февраля 1796 или 1797 года в Вышнем Волочке Тверской губернии. Дед его – Андриан-Жан Анжу был выходцем из Франции, поселившимся в Москве во второй половине XVIII века а отец (надворный советник Федор Андреевич Анжу), принявший российское подданство, служил по медицинской части. В семье также были старший брат Андрей и младшие сёстры: Мария и Александра. Получив специальное образование в

Морском кадетском корпусе, Анжу до лейтенантского чина ежегодно плавал на военных судах в Финском заливе, причем 12 июля 1815 года был произведен в мичманы. В 1817 году сделал переход от Кронштадта до Кадиса, в эскадре капитана Моллера на фрегате «Автроил», проданном тогда же, в числе прочих судов эскадры, испанскому правительству. Произведенный 1 января 1820 года в лейтенанты, Анжу был назначен начальником Усть-Янской полярной экспедиции...

***

...Местом сбора участников экспедиции был определен Вышний Волочек, куда все добирались по способности. Кто-то

выехал раньше, кто-то позже. Врангель с Анжу несколько задержались, получая астрономические приборы и карты.

Наконец, все были в сборе. Под началом у Анжу оказались штурманские помощники – Илья Автономович Бережных и Петр Иванович Ильин, лекарь Алексей Евдокимович Фигурин. Под командованием Врангеля находились доктор медицины Кибер, штурман Козьмин и его соплаватель по «камчатке» мичман Федор Матюшкин. Кроме того, каждой экспедиции был придан слесарь и матрос. Ни один из друзей не мог считать себя обиженным. И людей, и запасов, и инструментов у них было поровну. Схожими были и стоявшие перед обеими задачи...

Дорога к месту начала экспедиции была нелегкой. Едва выехали из Вышнего Волочка, дорога совсем испортилась, поэтому до Москвы добирались с трудом. Пока добрались, наступила весенняя распутица, и дальше на восток во время разлива рек было опасно. Больше всего Анжу и Врангель боялись испортить и потерять дорогие геодезические и навигационные инструменты, которые были на вес золота и за которые они отвечали головой. Решили так, что Анжу дождется в Москве, пока установится летний путь, и тогда уже со всеми припасами и людьми отправится в путь. Врангель же с Матюшкиным налегке на перекладных поспешат в Иркутск, чтобы заняться подготовкой к предстоящим работам и на месте подготовиться к прибытию основной экспедиции.

Впрочем, и Анжу задерживаться в Первопрестольной долго не намеревался, а потому едва сошла вода, он тут же тронулся в путь со всем имуществом двух экспедиций. Паводки еще не кончились и реки напоминали небольшие моря, через которые переправлялись на паромх и плотх.

Долгой дорогой Анжу с Врангелем вызубрили наизусть, врученные им в Адмиралтейском департаменте накануне отъезда инструкции. Сотни раз каждый из них вглядывался в старые еще беринговских времен карты полярных земель, читал экстракты прошлых экспедиций, прикидывая так и этак, как лучше вести свои изыскания.

Согласно инструкциям, Анжу должен был положить на карту Новосибирские острова: Большой и Малый Ляховские, Котельный,

Фаддеевский и Новая Сибирь, а также предпринять поиски земель, якобы, виденных промышленниками Санниковым и Бельковым к северо-западу от острова Котельного и к северо-востоку от острова Фаддеевского. Летом же, по возвращении на материк, построить байдару и описать с нее устье Яны и побережье Северного Ледовитого океана, вблизи реки Лены... Всю эту работу надо было провести весной до наступления летней распутицы.

На случай, если не удастся закончить работы в один год, разрешалось продолжить их в 1822 году.

Не менее сложные задачи стояли и перед Врангелем, которому предлагалось «идти для описи берегов от реки Колымы к востоку до Шелагского мыса и от онога на север, к открытию обитаемой земли, находящейся, по указанию чукчей, в недалнем расстоянии».

Иркутск встретил путешественников цветущими садами. Встретившиеся друзья обменялись новостями. В этом городе Петра Анжу ждал Врангель с Матюшкиным.

Несколько дней Анжу приходил в себя после более чем пяти тысяч верст пути. Местные власти приняли путешественников со всей сибирской радушностью, узнав о том, что оба лейтенанта холостяки взволновались местные мамыши, вступив в конкуренцию по организации званых обедов и балов. Но лейтенанты думали совсем об ином – их ждали ледяные просторы студеных морей.

27 июня обе экспедиции прибыли в село Качуг, расположенное в двухстах сорока верстах от Иркутска. А на следующий день путешественники уже начали сплавляться вниз по Лене на палубном плоскодонном судне, именуемом местными павозком...

Думаю, что красота и величие Лены оставило след в душах молодых флотских офицеров – поросшие вековыми лесами, гористые берега, величавые гранитные столбы, поражающие обилием трав луга и засеянные поля, села и деревни, охотничьи зимовья отдельных дворов. В какой-то момент берега Лены сближаются почти вплотную, образуя грандиозные гранитные ворота, но только для того, чтобы сразу за ними река разливается во всю свою необъятную ширь. Чем дальше на север, тем дремучей становились леса, тем меньше селений на берегах.

Вот, наконец, и городок Киренск, больше похожий на забытую

богом деревню. Жители живут здесь охотой да рыбалкой, на домашних огородах разводят картофель, репу, капусту, а кое-кто даже непривычные для этих мест огурцы. Проплыв две с половиной сотни верст, Анжу с Врангелем увидели овечьими легендами знаменитые ленские «щеки» – отвесные скалы, поднимающиеся более чем на полторы сотни метров над водной гладью реки – место опасное и гибельное. Но члены экспедиции были ребятами молодыми и азартными. Они дружно кричали «ура», палили из ружей и эхо, дробясь о скалы, многократно им отвечало. «Щеки» проскочили благополучно.

Лишь под самым Якутском сели на мель. Сняться-то снялись, но сутки потеряли. В Якутске моряков встречали столь же радушно, как и в Иркутске. Якутск удивил деревянной крепостью-острогом, построенной казаками более двух веков назад. Местный начальник Николай Иванович Мягков, человек вполне образованный и думающий, разместил Анжу и Врангеля с сотоварищами в своем доме, рассказал все, что знал о севере Сибири, помог словом и делом в снаряжении экспедиции, обещая свое содействие и в будущем.

В начале августа Анжу простился с Врангелем, покинул Якутск, продолжив плавание вниз по Лене к берегам Ледовитого океана.

Непроходимые кедровые леса по берегам вскоре сменились чахлыми кривыми деревцами, но затем исчезли и они. Теперь Лена несла свои воды вдоль тундровых мхов. Небо было закрыто тучами, сквозь которые едва виднелось тусклое солнце. До зимы было еще далеко, но морозный воздух уже обжигал лица. Ночью и днем на юг тянулись стаи гусей. Одинокие пугливые олени, учуяв собак, стремительно убегали в снежную даль.

***

Наконец и Усть-Янск, расположенный у самого берега Северного Ледовитого океана, в устье Лены – три рубленые избы, да две якутские юрты. Здесь обитали промышленники, добывающие мамонтову кость, да несколько якутов. За главного – дряхлый

старик, числившийся в лекарских учениках. Он здесь был и за правителя, и за грамотея, и за врачавателя.

Помощь старика-лекаря понадобилась почти сразу. Взятых в Якутске ездовых собак в Усть-Янске поразило поветрие, и они начали гибнуть десятками. В чем было дело, так и осталось неясным. Но по совету старика собак свезли на отдаленный остров Зимовьялах, где собачий мор почему-то сразу прекратился. Сам дед объяснил это лаконично:

– Сие выздоровление собачье от того, что бог зимовьяльский собак любит!

Прибыв в Усть-Янск, Анжу первым делом уточнил местонахождения селения, о чем и объявил местному голове:

– Отныне вы знаете, что городок ваш лежит в широте северной 70 градусов 54 минуты и 57,5 секунды, а в долготе от Парижа восточной 134 градуса 10 минут.

– Спасибо, Петр Федырыч, теперь вот и я знать буду, а то до этого и понятия никакого не имели где обитаемся! – огладил староста сивую бороду.

Вечером, черпая ложкой горячие щи, староста делился впечатлениями с супружницей:

– Ну, и болтун, сей флотский. Неужто думает, что мы такие уж серые, что ни в чем не смыслим. Это ж надо сказать, что от нас до городу Парижу всего десять минут езды-то! Коли б так было, ты из сего Парижу бы меня и не вылезала!

– Твоя правда, батюшка! – крестилась жена. – Ох, уж эти флотские, не сидится им дома на печке теплой, все во льды норовят забраться.

Начало исследований Анжу планировал начать с будущей весны, а долгую полярную зиму посвятить подготовке к ним.

Незаметно подкралась зима. Моряки познакомились с полярной ночью, когда в течение нескольких недель стояла кромешная темнота, увидели полярные сияния, извели пургу и стужу. В избе, в которой жил Анжу, денно и ночью горела печка, но все равно было холодно и стыло.

Морозы стояли нешуточные, а потому без особой надобности на улицу старались не выходить, да и в избах сидели в шубах и

валенках. Даже свою чернильницу Анжу старался держать в горячей воде, иначе чернила тут же превращались в лед.

Одной из задач, возложенных на Анжу был поиск таинственной Земли Санникова – одна из самых любопытных и загадочных легенд русской Арктики. Впервые об этой таинственной земле сообщил в 1811 году добывавший песцов на северных берегах Новосибирских островов зверопромышленник Яков Санников. В правдивости информации Санникова тога никто не сомневался, так как он был весьма опытным полярным путешественником, ранее уже открывший острова Столбовой и Фаддеевский. Именно Санников высказал мнение о существовании «обширной земли» к северу от острова Котельного. По словам охотника, над морем поднимались «высокие каменные горы».

Пользуясь возможностью, Анжу подробно расспрашивал обитателей Усть-Янска о Якове Санникове, которого многие еще хорошо помнили и о его дерзких экспедициях в сердце Арктики. Дело в том, что таинственную землю на севере Санников видел несколько раз в ходе нескольких своих экспедиций. Во время первой из них он попытался достичь неизвестной земли, проехав на нартах по льду около двадцати пяти верст. Однако затем путь ему преградила огромная полынья. объехать ее не было никакой возможности, и Санникову пришлось вернуться обратно, так и не достигнув неизвестной гористой страны, которая была, с его слов, нанесена на карту географом Геденштромом.

В следующем году, путешествуя по острову Котельному, Яков Санников усмотрел еще одну землю, «каменные горы» которой виднелись на северо-западе в расстоянии около 70 верст. «Синева, совершенно подобную видимой иногда над отдаленной землею», заметил в том же направлении и сопутствовавший ему географ Матвей Геденштром. Он отправился к ней на санях по льду, но через сутки езды повернул обратно, хотя ничто не препятствовало дальнейшему пути. Это решение Геденштром объяснил тем, что он убедился в своей ошибке. «Мнимая земля превратилась в гряду ледяных гор 15 и более сажен высотой» – записано в его дневнике. Однако, не будучи глубоко уверенным в правильности такого заключения, Геденштром предпринял еще несколько санных

поездок по льдам и на своей карте изобразил приблизительное местоположение еще одной Земли Санникова. Именно эти земли и поручено было отыскать в океане и положить на карту экспедиции Петра Федоровича Анжу.

Косвенным свидетельством в пользу существования обширных земель к северу от Новосибирских островов стали многочисленные наблюдения за перелетными птицами – полярными гусями и другими, весной улетающими дальше на север, а осенью возвращающимися с потомством. Так как птицы не могли обитать в ледяной пустыне, то высказывались вполне разумные предположения, что расположенная на севере Земля Санникова относительно тепла и плодородна, и птицы летят именно туда. Однако возникал закономерный вопрос: как севернее пустынного побережья Евразии могут располагаться плодородные земли? Одной из гипотез было наличие на Земле Санникова горячих термальных вод, которые и создают на ней некий микроклимат. По словам Якова Санникова, в ходе двух своих походов он видел контуры не одной, а двух земель – одной к северо-западу от острова Котельного, другой к северо-востоку от острова Фаддеевского.

Однако одно видеть некую землю где-то на горизонте, и совсем иное достичь ее, обследовать и нанести на карту.

А так как в реальности Землю Санникова еще никто не достиг, то подтверждение или опровержение ее существования было сопряжено со значительными трудностями. Новосибирские острова находятся возле самой границы постоянной северной ледяной шапки. И даже в тёплые годы океан в районе этих островов доступен для навигации лишь два-три месяца в году – поздним летом и ранней осенью. В холодные же годы Новосибирские острова могут оставаться скованными льдами и всё лето. Гипотетическая новая земля на расстоянии нескольких сотен километров к северу от Новосибирских островов могла быть скованна льдами непрерывно на протяжении десятилетий. Полярная ночь, продолжающаяся в этих широтах около четырёх месяцев, исключала всякую возможность исследований с ноября по март. Именно поэтому начало экспедиции на поиски земли Санникова следовало начинать только в марте, не раньше, но и не позднее.

Первая зимовка прошла успешно и без потерь, путешественники весело отпраздновали Новый год и к весне подготовили все необходимое для предстоящих работ: запасы провианта, корм для собак, нарты, и оленей для поездки по тундре к дельте Лены.

***

В марте 1821 года экспедиция, наконец, двинулась в путь. Ехали на оленях, запряженными в нарты. Впереди сам Анжу с сотоварищами, вслед за ними обоз с припасами. Править нартами дело непростое, посему на первых порах те нередко опрокидывались, и олени убегали от незадачливых ездоков. За ними потом подолгу гонялись.

4 марта Анжу со спутниками достиг, наконец, губы Буорхая, поблизости от которой находились увезенные на остров Зимовьелах собаки. Едва добрались, началась метель, бушевавшая четверо суток. Все это время Анжу был в тревоге за судьбу обоза с запасами экспедиции, который шел позади.

К счастью, почти все обошлось благополучно. Лишь застудился в пути штурман Ильин, и его пришлось отправить обратно в Усть-Янск к деду-подлекарю.

Спустя неделю экспедиция направилась на север. Всего 34 нарты, в каждую из которых запрягли по дюжине собак.

Рукава Лены вскоре потерялись, влившись в скованный льдом океан. По этому льду предстояло идти сотни километров. Несмотря на начало весны, здесь на крайнем севере о ее приходе еще ничего не напоминало. Мороз стоял таков, что ртуть замерзала в астрономических приборах, и ее резали ножом, будто масло. Несмотря на все это, наблюдения производились регулярно, причем с точностью, которой будут восхищаться и последующие поколения полярников.

Из устья Лены Анжу повернул на северо-восток к острову Столбовому. До острова было трое суток езды на собаках, которые отряд преодолел без всяких остановок. Морозы между тем перевалили за тридцать градусов, вдобавок к этому непрерывно дул ледяной ветер. А вокруг бесконечная снежная равнина, да низкое серое небо.

Наконец, вдалеке показались долгожданные каменные скалы острова Столбового. Еще через несколько часов Анжу уже различил в зрительную трубу деревянные кресты, поставленные некогда казаками и служилыми людьми, искавшими новые земли на утлых кочах.

Арктика

Экспедиция Анжу отправилась на поиски Земли Санникова

На берегу Столбового Анжу приказал поставить палатку. Сшитая из оленьих кож, от мороза она не защищала не особо, но отдохнуть в ней все же было можно. Днем Анжу с товарищами ехали вперед, а на ночь ставили палатку и переводили дух. На второй день столкнулись нос к носу с белым медведем, которого застрелили из ружья. Это позволило пополнить запасы мяса для людей и собак.

Достигнув южного берега острова Котельного, Анжу разделил своих людей на две партии. Одну он возглавляет сам, вторую штурманский помощник Илья Бережных. На себя же Анжу берет часть работ по описи острова Котельного и поиски земли, виденной издали промышленником Санником. Бережных он поручил заниматься описными работами на Новосибирских островах.

Подвигаясь на север, путешественники производили опись западного берега острова Котельного. По-прежнему держались крепкие морозы. Иногда при температуре около 30° дул шквалистый ветер. Даже шерстяные чулки в унтах покрывались льдом и примерзали к голому телу, тогда ноги терли до красноты водкой. Не спасала от холода и палатка. Людям приходилось выскакивать из нее и бегать вокруг, чтобы хоть как-то согреться. К счастью обошлось без серьезных обморожений.

Впрочем, иногда случались и маленькие радости. Во время сильных метелей палатку почти доверху заносило снегом. Тогда сугробы защищали путешественников от холода, и они проводили некоторое время в относительном тепле.

Невероятно трудно было работать с приборами. Стоило только прикоснуться обнаженной рукой или лицом к секстану, как кожа мгновенно примерзала к металлу. От холода останавливались хронометры. Чтобы не допустить порчи инструментов, путешественники носили их днем на себе под верхним платьем, грея теплом собственных тел, а ночью, заворачивая в оленьи шкуры, складывали в отдельный ящик.

Особая заботы была о собаках, без которых экспедиция была обречена на провал, а люди на неминуемую смерть. Чтобы хоть как-то уберечь животных от мороза на лапы им надевали самодельные чулки из шкур. От этого бег собак значительно уменьшился. Но

рисковать собаками было безрассудно. Так как по большей части маршрут экспедиции проходил вдоль береговой линии Новосибирских островов, то путешественники не испытывали особого недостатка в дровах, так как среди торосов то там, то здесь громоздились кучи выкинутого морем леса. После каждого дневного перехода разбивали палатку, имевшую небольшое отверстие для выхода дыма. Внутри на железном листе разводили огонь из плавника, который собирали на берегу островов и потом везли с собой. Иззябшие моряки и их проводники садились в тесный кружок, вокруг костра и, кашляя от едкого дыма, кипятили чай. Одновременно над дымом суши и свою одежду. Горячий чай был единственной их отрадой в экспедиции. По воспоминаниям Анжу, чтобы согреться выпивали по 10-12 кружек, после чего варили в котле мясо или рыбу. Затем укладывались спать на медвежьих шкурах, укрывшись ими ж, не снимая меховой одежды и предварительно переменяв сапоги. Утром снова разводили костер, умывались снегом и, позавтракав остатками супа из общего котла, отправлялись в дальнейший путь на север вдоль берегов острова. Изю дня в день продвигался отряд Анжу по снежной равнине.

Отметим, что ни в бумагах Анжу, ни в записках его спутников доктора Фигурина и штурмана Ильи Бережных нет ни одной жалобы, ни тени уныния... Все трудности отодвинуты на последнее место. И пишут они исключительно о научных наблюдениях.

5 апреля 1821 года Анжу достигнув $75^{\circ}36'$ северной широты и, прекратив опись острова Котельного, решил отправиться на поиски земли, виденной Санниковым десять лет назад.

Теперь путь экспедиции лежал на северо-запад по льду океана и был куда более труден, чем дорога вдоль берегов острова. К морозам, ветрам и метелям присоединилось торосы, трещины и полыньи. Хаотические нагромождения мощных глыб льда встречались практически на каждой версте. Из воспоминаний Фердинанда Врангеля, который в те же дни искал к востоку от Новосибирских островов не менее загадочную землю Андреева: «Часто принуждены были мы карабкаться на крутые, в 90 футов вышиной ледяные горы и с такой вышины спускаться по крутизне, находясь каждую минуту в опасности переломать сани, задавить

собак или низвергнуться вместе с ними в ледяную пропасть. Иногда должны мы были пробираться по большим пространствам, проваливаясь по пояс в рыхлый наносный снег, иногда встречали мы между торосами не покрытые снегом места, усеянные острыми кристаллами морской соли, отдиравшими лед с полозьев нарт и до того затруднявшими езду, что мы должны были сами запрягаться и вместе с собаками с величайшими усилиями тянуть сани, чтобы не остаться на дороге. Веками нагроможденные, никогда не растаивающие ледяные горы, необозримое, вечным льдом скованное море, все освещенное слабыми, скользящими лучами едва поднимавшегося над горизонтом полярного солнца, совершенное отсутствие всего живущего и ничем непрерываемая могильная тишина – представляли нам картину, как будто мертвой природы, которой описать невозможно. Казалось, мы достигли пределов живого творения».

Уже едва отойдя от острова Котельного, путешественники были вынуждены использовать пешни (ломы с деревянной ручкой для ломки льда), чтобы проложить путь через торосы. Затем начали то и дело ломаться нарты, рваться упряжки, после чего разбирались собаки, которых проводникам приходилось долго ловить.

Спустя два дня пути с вершины очередного тороса на горизонте путешественники увидели контуры неведомого острова. Радости Анжу не было предела. Казалось, еще несколько часов пути, и экспедиция вступит на таинственную Землю Санникова. Чем дальше на северо-запад продвигалась экспедиция, тем яснее вырисовываются контуры неведомой суши. Вскоре можно было различить уже не только горы, но даже отдельные скалы. Никто не сомневался, что на их долю выпало выдающееся открытие, и все участники похода дружно поздравляли друг друга с успехом. Однако прошел еще час, затем другой. Солнце сместилось по горизонту и вместе с изменением освещения остров неожиданно начал увеличиваться, и размываясь, расплзаться в разные стороны. Прошло еще немного времени, и неведомая земля просто растаяла в воздухе. Впереди снова ничего не было видно, кроме ледяных торосов. Путешественники оказались жертвой полярного миража.

7 апреля 1821 года Анжу достиг 76°36' северной широты.

Петр Анжу в Арктике

Дальше двигаться по океанскому льду было опасно, так как впереди виднелось облако тумана, державшееся, скорее всего, над открытой водой. Надеясь на чудо Анжу еще долго вглядывался в туманную вдаль. Но вот туман разнесло ветром, «горизонт очистился, но предполагаемой земли не было видно» Было очевидно, что исследователи подошли к краю припайного льда на границе с Великой Сибирской полынью.

– 76°36' северной широты! – констатировал Анжу, определив местоположение группы. – Это значит, что от Кательникова мы удалились без малого на 44 версты.

После этого пробили лед и взяли пробы донного грунта. Оказалось, что на дне «жидкий ил», глубина же моря составляла 34 метра. Ничто не указывало на близость суши.

– Из сего я делаю один единственный вывод – в ближайших от нас северных пределах никакой Земли Санникова не существует.

Так что же тогда видел сей промышленник? – поинтересовались его сотоварищи.

– А видел он, по-видимому, тоже самое, что видели и мы – «туман, похожий на землю».

После этого, произведя замеры температуры воздуха и давления, отряд повернул назад. Обратный путь был менее труден, так как шли по своим же следам, а потому уже через день Анжу и его спутники ступили на твердую землю. Расслабляться, впрочем, было некогда. Описав северный и часть восточного берегов острова Котельного, они переправились на собачьих упряжках на Фаддеевский остров.

Исследования велись, несмотря на то что температура падала до 30 градусов Реомюра (минус сорок по Цельсию)! При столь низкой температуре теодолитная ртуть замерзала. Тогда ее приходилось разогревать в специально устроенной кожаной палатке. Затем быстро, пока она не остыла, выливали ртуть в искусственный горизонт и как можно скорее брали высоту звезды, пока поверхность ртути не начала тускнеть от охлаждения.

Все без исключения участники экспедиции страдали от снежной болезни, когда от нестерпимой белезны снега, начинается слепота. От слепоты мастерили самодельные очки из оленьего рога,

вместо стекол, натягивая черный флер. Видно было, разумеется, плохо, но править нартами все же было можно.

12 апреля Петр Федорович встретился с отрядом Ильи Бережных.

– Произвели опись части берегов островов Фаддеевского и Котельного! – доложилась штурманский помощник.

– Не наблюдали ли на горизонте Земли Санникова? – поинтересовался Анжу.

– Как только позволяла погода, наблюдал за горизонтом, стараясь различить признаки земли на северо-востоке от острова Фаддеевского, но ничего так и не обнаружили. А вы?

– Мы тоже, – мрачно заметил Анжу.

После непродолжительного отдыха экспедиция в полном составе снова на север, чтобы снова попытаться разыскать неизвестную землю. Однако, пройдя каких-то 12 верст, моряки встретили тонкий, недавно образовавшийся лед. Оставив нарты, Анжу пошел пешком с одним из проводников-якутов, но убедившись вскоре, что «лед не переставал быть тонким, возвратился» к основной части своей экспедиции. Эта неудача, однако, его не смутила. Теперь он решил отправиться на остров Новая Сибирь и уже оттуда предпринять поиски Земли Санникова. Перейдя по льду пролив Благовещенский, Анжу и его спутники вышли к мысу Высокому. Но и здесь их ждала неудача. Неподвижный припаянный к берегу лед держался лишь на небольшом расстоянии, дальше же виднелось открытое море с ледяными полями.

Чтобы не тратить времени даром, приступили к описи берегов Новой Сибири. Поэтому, добравшись до мыса Рябого, что на северо-восточной стороне острова, и видя, что море в этом районе еще покрыто сплошным льдом, Анжу предприняла еще одну отчаянную попытку разыскать Землю Санникова.

Снова двинулись на север в открытое море. Этот переход был особенно трудным. Уставшие собаки уже едва тащили нарты. Всюду трещали льды, с гулом, напоминавшим пушечную пальбу.

Затем кончились дрова и, чтобы согреть чай, жгли жерди для палатки.

Лед колеблется под ногами и каждую минуту может расколоться на мелкие куски.

Когда же к северо-востоку от Новой Сибири было пройдено 25 верст, начал колебаться под ногами лед, готовый вот-вот провалиться под ногами людей. Стало очевидно, что дальше идти уже нельзя.

– Поворачиваем на обратный курс! – махнул рукой Анжу после нелегких раздумий. – Далее уже только гибель!

«Близость талого моря, — писал он, — усталость собак, малое количество оставшегося у нас корма, позднее время для езды на собаках и препятствие от впереди стоящих густых торосов — все сие заставило пуститься с сего места через Новую Сибирь в Усть-Янск».

Производя на обратном пути опись части берегов Новой Сибири, путешественники направился по льду к берегам Азии.

«Во время сего пути, — писал Анжу, — часть собак была в такой усталости, что принуждены были их возить на нартах».

Так и шли, таща на себе нары с обессилившими собаками...

8 мая экспедиция прибыла в полном составе в Усть-Янск.

Много лет спустя, вспоминая этот тяжелейший поход, Анжу говорил:

– Самое удивительное, что за все время наших ледовых мытарств, мы не потеряли ни одного человека!

После непродолжительного отдыха Петр Федорович начал готовиться к новым работам. Инструкцией Адмиралтейского департамента ему предписывалось этим же летом произвести опись побережья Северного Ледовитого океана между реками Яной и Индигиркой на байдарках. Для постройки суденышка был специально прислан из Охотска матрос-плотник. Однако убедившись, что берега в этой части моря отмелы, Анжу решил выполнить описные работы по сухопутью.

29 июня экспедиция снова тронулась в путь. Все имущество навьючили на четырех лошадей. Провизии захватили немного, рассчитывая охотой на гусей, уток и оленей пополнять свои запасы. Помимо штатных членов экспедиции, на сей раз в ней участвовали два якута, казачий урядник и крестьянский староста.

Почти два месяца Петр Анжу, Илья Бережных и их сотоварищи шли по тундре. С погодой повезло. Все время светило солнце, а температура воздуха в отдельные дни поднималась выше 20 градусов. Это в большой степени способствовало успеху предприятия.

Анжу, Бережных и Ильин наносили на карту губы и заливы, прибрежные острова и реки, возвышенности и глинистые яры с остатками ископаемого льда. Часто на мысах и сопках попадались кресты, поставленные мореходами минувших столетий.

22 августа 1821 года Анжу довел описные работы до селения Русское, что в устье реки Индигирка. Таким образом, и это задание Адмиралтейского департамента было успешно выполнено.

***

Вернувшись в Усть-Янск, Анжу отправил донесение об итогах весенних работах, где сообщил Адмиралтейскому департаменту, что не обнаружил Земли Санникова. Впрочем, он до конца все же не отрицал ее возможного существования. Анжу писал: «Может быть, что песок, отделяющий Котельный остров от Фаддеевского простерся далеко к северу, и потом, заворотясь к западу, оставил отмель, от чего море так далеко и замерзло; или, может быть, что тут и находится земля, которая по низкости своей нам не была видна».

Судя по дошедшим до нас скудным сведениям об экспедиции Анжу, первоначально в Адмиралтейском департаменте так же не было единого мнения – следует прекратить или продолжать поиски загадочной земли.

– Надлежит оставить экспедицию на острове Котельном с тем, дабы она летом на байдаре или лодке вновь занялась поисками! – заявляли одни.

– О чем вы говорите, господа! Летом в сих местах, судя по запискам прежних мореплавателей, почти беспрестанно наблюдаются туманы, а потому трудно будет что-либо различить не только вдаль, но и вблизи! А потому о сей фато-моргане надлежит забыть и заниматься делами насущными – производить съемку

береговой линии! – настаивали другие.

В конце концов, после долгих дебатов Адмиралтейский департамент принял решение ограничить последующие задачи экспедиции Анжу дальнейшей описью Новосибирского архипелага. Поиски островов, виденных Санниковым, было приказано более не производить, поскольку, по мнению петербургского начальства, Санников «видел туман, похожий на землю».

Однако другого мнения был сибирский губернатор М.М. Сперанский – бывший первый сановник Империи государственный секретарь, попавший в опалу, теперь понемногу из нее выбиравшийся. Отношение у историков к Сперанскому разное. Либералы не чают в нем души, консерваторы – в своих оценках более сдержаны. В целом Сперанский был умен, хитер, мечтал о государственных реформах, и был верен масонским заветам.

К моменту начала экспедиции Анжу Сперанский уже год, как являлся генерал-губернатором Сибири. Имея большой опыт, он поначалу весьма быстро вник в местные проблемы и сразу же начал проводить реформы управления краем. Однако быстро поостыл и теперь откровенно тяготился и должностью, и делами.

Известие о начале гидрографической экспедиции на крайнем Севере стало для разобиженного реформатора последним увлечением в сибирских делах. При этом на Анжу и Врангеля у кумира современных либералов имелись свои далеко идущие планы. Опальному и разобиженному Сперанскому нужен был быстрый и громкий успех, и решение этой проблемы он увидел в появлении в его владениях двух лейтенантов.

Да и на самом деле, что может быть более громким, чем открытие новой земли, которую бы он, генерал-губернатор, назвав именем царствующего императора, преподнес бы ему в качестве своего дара. Это была бы мировая сенсация! Все только бы и говорили, что, пробыв всего год на сибирском губернаторстве, он не только составлял своды законов, а реально прирастил Россию, увековечив при этом на карте имя царствующего монарха.

Именно поэтому Сперанский отнесся к экспедициям Анжу и Врангеля со всем вниманием, справедливо ожидая от них конкретных результатов – открытия неведомых доселе земель. Когда же он получил

первые отчеты о том, что такие земли не найдены и, скорее всего, вообще не существуют, а потому их дальнейшие поиски вообще не имеют смысла, то искренне возмущился. Как же так, он так рассчитывал на успех, он так помогал этим двум лейтенантам, а они столь бессовестно его обманули!

А потому, несмотря на распоряжение адмиралтейского департамента о завершении поисков таинственных земель и завершении в силу этого описания Новосибирских островов, Сперанский, официально, не отменяя петербургскую бумагу, велел Анжу с Врангелем продолжить поиск столь нужный ему земель в Ледовитом океане. Лейтенантам он раздраженно писал: «Несмотря на предположение, что виденная мещанином Санниковым с северной стороны Котельного острова масса не есть земля, а густой туман, весьма желательно разрешить сей предмет с точностью: в том только и могут состоять новые открытия в обозреваемой вами части Ледовитого моря, а потому и надлежит не оставлять его предприятия без крайних и непреодолимых препятствий... Я не могу определить, каким образом, возможно, будет достигнуть сей цели, то есть следованьем ли на собаках весною по льду или оставшись на лето на Котельном острове, пуститься туда в удобное время на байдаре...»

Экспедиция Анжу, как и экспедиция Врангеля находилась в подчинении Сперанскому, с точки зрения снабжения. И поэтому оба были многим ему обязаны. Местные власти имели строгое предписание Сперанского всячески содействовать морякам, и те действительно не имели недостатка ни в провизии, ни в транспортных средствах, ни в запасах корма для собак. Друзья оказались в весьма щекотливой ситуации. С одной стороны, они не могли послушаться приказа из столицы, с другой же не могли проигнорировать и письмо сибирского начальника, от милости которого во многом зависели.

Трудно сказать, как повернуло бы дело дальше, но еще в начале 1821 года Сперанский убыл в Петербург в надежде на новое более высокое назначение и обратно уже не вернулся. Как бы то ни было, но его отъезд из Сибири, а затем и снятие с генерал-губернаторской должности развязало руки нашим героям. Впрочем, они решили все же попытать счастья в поисках загадочных земель еще раз.

Осень и зиму с 1821 на 1822 год Петр Анжу употребил на подготовку к предстоящим работам. Моряки хорошо перенесли полярную ночь и вторую зимовку в Арктике. Все были вполне здоровы и достаточно жизнерадостны. С наступлением светлого времени Анжу поручил штурманскому помощнику Ильину произвести опись побережья Северного Ледовитого океана между реками Яной и Оленек. Основная же часть экспедиции все же снова отправлялась на Новосибирские острова и дальше к северу от них на поиски новых земель.

***

28 февраля Анжу, Бережных и Фигурин покинули Усть-Янск. На этот раз подготовлена экспедиция была гораздо лучше, чем ранее. Теперь у Анжу было 156 собак, запряженных в 12 нарт. Запасы продовольствия и корма были так же взяты на два месяца.

Снова начались переходы по льду, преодоление бесконечных торосов и трещин. 10 марта путешественники достигли острова Большого

(Ближнего) Ляховского, а затем, разделившись на две группы, приступили к описи его берегов. Несколько дней ушло на составление планов бухты, заливы, мысов, возвышенности и астрономическое определение их местоположения. По пути моряки посещали зимовья промышленников, охотившихся в этих местах на песца и собиравших бивни мамонтов. Затем оба отряда перебрались на Малый Ляховский остров и тщательно исследовали его.

17 марта Анжу отправил Илью Бережных обратно в Усть-Янск, поручив ему по пути произвести опись Быковской протоки и устья реки Лены. Сам же Петр Федорович в сопровождении нескольких моряков и якутов двинулся к острову Фаддеевскому. По пути он пересек низменную песчаную равнину, где заметил возвышавшийся островок. Это была центральная часть нынешней, так называемой Земли Бунге, которую Анжу очень близко к действительности нанес пунктиром на карту...

Находясь вблизи мыса Бережных на острове Фаддеевском, Анжу заметил к северо-западу некую «синеву, совершенно

подобную виденной отдаленной земле; туда же был виден и олений след». Земля Санникова снова явила свой мираж.

И моряки, и сопровождавшие их якуты обрадовались. Только и разговоров было, что через несколько дней им, наконец-то, удастся вступить на загадочную землю...

Полярный исследователь Петр Анжу

Однако уже спускались сумерки, и ехать в темноте по льду было слишком рискованно. Решили ждать утра. Утром, выйдя из палатки, Анжу убедился, что синева держится на прежнем месте. Вскоре собачьи упряжки уже понеслись на север, придерживаясь цепочки оленьих следов. Все складывалось пока как нельзя лучше. Лед был гладкий без торосов и застругов. Ни вынужденных остановок, ни задержек. Заманчивая синева быстро приближалась. Вот уже обозначились ее контуры, напоминавшие собою очертания острова. Собаки дружно тянули вперед. Вот уже и пятнадцать верст осталось позади. Сделали остановку. Анжу поднялся на вершину старого тороса и на месте таинственной синевы, к своему разочарованию, ясно различил в подзорную трубу огромное нагромождение льдов. Одновременно исчезли и оленьи следы. Олени, скорее всего, полакомившись рассолом морской воды из ближайшей трещины, ушли назад к острову Фаддеевскому. Проехав для верности еще несколько верст, Анжу вынужден был окончательно признать, что опять ошибся и никакой земли не нашел.

Чтобы хоть как-то оправдать свой бросок по льдам на север, он измерил глубину моря, оказавшуюся равной 21 метру, взял пробу грунта и повернул на запад. Вскоре Анжу снова увидел остров. Но он находился не в северном направлении, где ему надлежало быть, по утверждениям Санникова, а к западу. Чем ближе становился остров, тем очевидней было, что это уже не мираж. Спустя некоторое время путешественники уже могли четко различить его восточный берег, метров на двадцать возвышающийся над ледяной равниной. Не прошло и часа, как Анжу со своими спутниками вступил на землю, еще не нанесенную ни на одну карту. Открытие стало заслуженной наградой за все перенесенные невзгоды и разочарования.

На берегах, исхоженных белыми медведями, испещренными следами куропаток, валялись груды плавника. Последнее было как нельзя, кстати, и вскоре на берегу уже запылал огромный костер. В честь открытия путешественники выпили по полстакана рома и, согрешившись чаем, приступили к описи, открытой ими суши, которой было присвоено имя врача экспедиции – натуралиста Алексея Евдокимовича Фигурина. Затем, не теряя времени, приступили к

изучению и определению координат новооткрытой земли.

Открытый островок имел вид трапеции. Длина его по самой большой, северной, стороне составляла не более четырех верст.

Едва закончили обследование острова, поднялась метель и резко похолодало до минус двадцати. Пришлось укрыться в палатке, которая не слишком защищала. Снег проникал внутрь через дымовое отверстие, через полог, которым служила оленья шкура, через швы и щели между льдом и палаткой. Костер не столько горел, сколько чадил. Ветер задувал дым назад в палатку. Саднило глаза. Закоченели ноги и руки. Утешением был только горячий чай. Но не проходило и получаса, как холод снова проникал под меховые малицы.

Наконец, в ночь на 25 марта пурга несколько стихла, и путешественники увидели звезды и луну.

А время не ждало и снова собачьи упряжки помчались на северо-запад, на поиски острова Санникова. Несколько дней Анжу с товарищами продвигались по припайному льду. Наконец, достигнув его северного края, они повернули на запад. С высоты торосов, справа, виднелось бескрайнее море, под ногами был тонкий, прогибающийся лед, покрытый рассолом. Езда по такому льду очень тяжела для собак. Рассол съедает лед на полозьях нарт, которые обычно обливают водой перед поездкой, чтобы они лучше скользили. Собаки по этой причине быстро выбиваются из сил. Чтобы хоть как-то помочь своим четвероногим помощникам, моряки и каюры-якуты вынуждены были идти рядом с нартами.

Ночью со всех сторон слышался громовой треск разламывающихся ледяных полей. Чем дальше, тем больше начинал колебаться лед, все чаще начали попадаться трещины, а то и полыньи.

Положение становилось весьма опасным. В любую минуту ветер мог взломать покрытый сетью трещин лед. Как тщательно ни осматривал Анжу горизонт на севере и северо-западе, ни малейших признаков близкой земли так и не усмотрел. Дальнейшие же поиски у границы припайного льда были весьма рискованными, и Петр Федорович, с горечью повернул к острову Котельному.

Карта полярных походов Петра Анжу

В конце марта экспедиция перебралась на остров Фаддеевский и занялась обследованием западного и южного берегов, которые в прошлом году не успели описать.

Несмотря на все трудности порой у путешественников бывали и хорошие минуты. Из дневника Врангеля о праздновании пасхи на припайном льду Восточно-Сибирского моря, среди торосов: «Расположась около огня, провели мы весь остаток дня в

бездействию, в разговорах о перенесенных нами трудах и надежде на скорое возвращение. Вероятно, не было прежде примера, чтобы при таком совершенном недостатке всего, что почитается наслаждением, удовольствием, потребностью жизни, общество людей провело целый день так весело и довольно, как провели его мы...» А все «общество», кроме Врангеля, – это мичман Матюшкин (товарищ Пушкина по лицу), штурман Козьмин, доктор медицины Кибер, слесарь Иванников, матрос Нехорошков да местный купец Бережной, который за неимением священника прочел молитву у алтаря, вытесанного из льда.

В один из дней, когда Анжу занимался астрономическими вычислениями, собаки подняли громкий лай. Выбежав из палатки, он увидел перед собой огромную белую медведицу. Пока медведица отбивалась от наседавших на нее собак, подоспели остальные. Вскоре путешественники уже жарили на костре свежую медвежатину, показавшуюся им настоящим деликатесом после обычных сухарей и рыбного супа...

С 4 по 8 апреля Анжу с сотоварищами трудился на острове Новая Сибирь, описывая его берега между мысами Песцовым и Рожиным. Стояли солнечные дни, а температура днем была не более минус пяти. Кое-где из-под льда даже выглядывала глина. Когда подошли к Деревянным горам, что на южном берегу острова, оказалось, что те вообще почти свободны от снега. Хорошо были видны холмы со слоями многочисленных черных от времени стволов деревьев.

Закончив описательские работы на Новой Сибири, Анжу решил предпринять еще одну (последнюю!) поездку по льду на этот раз для поисков второй земли Санникова, которую он некогда усмотрел на северо-востоке.

На сей раз двинулись на северо-восток. Ехать по влажному, глубокому и рыхлому снегу было трудно. Затем пошли сплошные торосы, через которые приходилось прорубаться пешнями и топорами. Среди двухметрового льда попадались полосы недавно образовавшихся ледяных полей, верный знак того, что море в этих местах недавно замерзло.

Открытая вода была где-то недалеко. Ветер приносил с ее

стороны сырой туман. Трещал ломающийся лед. Появились широкие трещины. Испортилась и погода. Облака закрыли небо, и определить с местоположением не было никакой возможности. Видимый горизонт сузился до нескольких верст. Но больше всего выматывали бесконечные торосы. Люди и собаки окончательно выбивались из сил. Начало подходить к концу продовольствие и собачий корм, а второй земли, усмотренной Санниковым, все не было видно. И Анжу повернул на юг. В конце апреля он и его соратники вступили на материковую землю, а через несколько дней судьба преподнесла ему сюрприз – он встретит Врангеля.

Из дневника барона Врангеля: «4 мая приехали мы в Походск, где нас встретил друг и сослуживец лейтенант Анжу. Он прибыл сюда со своей экспедицией с Новой Сибири, чтобы через Нижне-Колымск возвратиться на Яну берегом. Неожиданное свидание в отдаленных ледяных пустынях доставило нам великую радость. Она была, однако ж, помрачена видом бедствий и недостатков, нас окружавших. Шесть тунгусских семейств, умирая с голода, оставили свои степи и, напрягая последние силы, пришли в Походск, в надежде найти здесь какую-нибудь помощь... Мы разделили весь остаток нашей провизии между несчастными и утешались мыслью, что спасли хоть немногих от голодной смерти»

Долго сидели друзья, рассказывая о пережитом, об сделанном и о еще предстоящем...

Как и Анжу, Врангель тоже предпринял несколько отчаянных попыток найти не менее загадочную, чем Земля Санникова, Землю Андреева, двигаясь по льду на север. Так же преодолевал он бесконечные торосы, терпел стужу и лишения. Так же видел миражи таинственной земли, горы и долины, которые потом начисто исчезали в полярном небе.

– Кстати, нет худа без добра, – не без гордости сообщил Врангель другу. – Во время наших поисков я слышал от чукчей о наличии большой Земли к северу от мыса Якан и даже нанес на карту ее приблизительное местоположение.

– Если в будущем году случится еще пополярничать, может быть, ты туда и наведаешься! – порадовался за друга Анжу.

Но «наведаться» на неизвестную землю Врангелю так и не

удалось. Этот остров откроют лишь в 1867 году и назовут в память Врангеля его именем.

...А затем друзья вместе отправились в Нижне-Колымск. Поначалу Анжу намеревался оттуда добраться до «своего» Усть-Янска, но в разгар таяния снега это оказалось невозможно. Поэтому Анжу остался в Нижне-Колымске у друга в ожидании установления летнего пути. Как только установился путь, село опустело. Все жители отправились на промыслы. По воспоминаниям Врангеля в селе остался лишь казак-инвалид да старуха-мещанка, встретившая путешественников великолепным угощением, которое изгладило из памяти «воспоминания о понесенных трудах и лишениях».

Вскоре на Колыме начался ледоход, и внешняя вода вышла из берегов. Морьякам пришлось выбраться из уютной избы и «расположиться со всеми собаками, вещами и припасами на ее плоской кровле.

– Как после кораблекрушения сидим на скале, посреди океана! – шутили они промеж себя.

Врангель вспоминал: «Ожидали мы, единственные живые существа в местечке, окончания наводнения, приблизив к себе карбас и ялик с тем, чтобы в случае большой опасности спастись на Пантелеевскую сопку, и при самой высокой воде составляющую безопасное убежище. Жители перед отъездом на летние промыслы обыкновенно выставляют все свое движимое имущество на крыши, и теперь все они были завалены ящиками, бочонками...»

Наконец вода спала и 22 июля 1822 года, простившись с другом, Анжу выехал на лошадях из Нижне-Колымска в Усть-Янск. Вскоре туда прибыли и Илья Бережных со штурманским помощником Петром Ильиным, производившие опись побережья Ледовитого океана от Яны до реки Оленек, обследовавшие бухту Тикси с устьем Лены. Осенью Анжу с Бережных и Ильиным продолжили опись Лены до селения Жиганск и нанесли на карту устье Индигирки.

***

Между тем Петр Федорович готовился к новому путешествию

в Ледовитый океан. Еще по приезду в Нижне-Колымск он отправил донесение генерал– губернатору Сперанскому о результатах своих работ в 1822 году. Одновременно он писал, что отыскать Землю Санникова, пытаясь достичь ее по льду на нартах, невозможно, поскольку в двадцати – тридцати верстах от Новосибирских островов он всегда встречал разбитый лед и открытую воду. По этой причине Анжу предлагал использовать для дальнейших поисков таинственной суши шлюпку.

В это время Сперантский уже с марта 1821 года находился в Петербурге. Увы, там бывшего императорского фаворита вместо взлета ждала новая опала. Сперанскому было уже не до Сибири и уж совсем не до какого-то Анжу.

Опальный генерал-губернатор нашел такое предложение рискованным. Будучи человеком не глупым, из писем Анжу и Врангеля он уже понял, что таинственных островов может вообще не быть, зато гибель полярной экспедиции его собственное положение в глазах Императора только ухудшит. А потому встретившись с морским министром де Траверсе он заявил:

– Достопочтенный Иван Иванович, меня ваши лейтенанты донимают своими полярными прожеками. Как сибирский генерал-губернатор заявляю вам, что отныне в наличие северных островов, кои вот уже два года бесплодно ищут эти лейтенанты я более не верю! А потому пусть они лучше занимаются картографированием побережья, чем ездят на собаках по морю!

– Почему бы и нет! – философский ответил де Траверсе, который вообще считал, что русскому флоту далее Финского залива плавать не следует.

Итогом этого разговора стало распоряжение адмиралтейского департамента ограничить задачи отряду Анжу на 1823 год описью острова Белькова и осмотром прилегающего к нему района моря, а поисков новых земель к северу от островов Котельного и Фаддеевского больше не производить.

10 февраля 1823 года Анжу в сопровождении доктора Фигурина на четырех нартах направился из Усть-Янска к Быковскому мысу, что в устье Лены, где был уже заготовлен корм для собак (на Яне в том году рыба ловилась очень плохо). Захватив

с собой около около двух тысяч голов вяленых и сырых муксунов и стерлядей и десять пудов дров, отряд вышел на морской лед и направилась на север. Встретив в ста верстах от берега свежую трещину во льду, измерили глубину, оказавшуюся равной пяти метрам. То по гладкому льду, то через гряды торосов экспедиция продвинулась еще около сорока верст. Дальше лед был очень тонкий, и путешественники повернули на восток. На этом пути попадались многочисленные следы белых медведей, лержавшихся у границы льда, в надежде на появление нерп. Поодаль держались песцы, ждавшие остатков от медвежьих пиршеств.

Вскоре на горизонте ясно обозначились острова Васильевский и Семеновский, незадолго перед тем открытые якутом Максимом Ляховым, но еще не нанесенные на карту. В течение 2-4 марта Анжу занимался их описью. Ныне этих островов, некогда образованных ископаемым льдом и прикрытых сверху слоем почвы, уже нет. Вместо них остались только мелководные банки да старые карты Анжу...

Геологические наблюдения в отряде Анжу вел и хирург Алексей Фигурин. Его описания севера весьма поэтичны: «Достопримечательнейшие по ископаемому царству суть берега рек Оленека и Лены. Сии последние, изобилуя минералами, отличны еще особенным и удивления достойным расположением слоев песчаного камня, от твердейшего до сыпучего. Здесь представляются развалины величественного замка; там разнovidные нависшие громады ежечасно угрожают падением; далее усматриваются пещеры, украшенные блеском бронзы...»

От Васильевского и Семеновского островов Анжу снова направился на север по морскому льду, тщательно осматривая окрестности. Но никаких признаков земли обнаружено не было. Подойдя к границе неподвижных припайных льдов, экспедиция повернула на юг к острову Бельковскому. 13 марта путешественники переночевали под защитой его утесистых берегов, а затем занялись их исследованием. Три года жизни в Арктике не прошли для лейтенанта даром на пути к острову Бельковского его прихватил острый приступ ревматизма, дало о себе знать и сердце. Сжимая зубы от боли, лейтенант брел и брел за нартами.

Наконец, полностью положен на карту остров Бельковский и

обследован район моря к западу от Новосибирского архипелага. Только теперь Анжу с чистой совестью направился в становище Дурнова, что на острове Котельном. Сюда должны якутские промышленники должны были завезти корм для собак. Однако обоз с рыбой почему-то не прибыл. «И это, — записал Анжу, — привело нас в весьма неприятное положение, ибо мы должны были скормить сегодня собакам последние крохи, так что на завтра ничего не осталось».

На следующий день лейтенант с товарищами продолжил путь на юг. Обоза якутов все не было видно. Положение с каждым часом становилось серьезным. Истощенные собаки быстро теряли силы. И им и людям теперь реально грозила голодная смерть. Так минул еще день пути, потом еще и еще. Было очевидно, что едва тащившие пустые нарты собаки уже на последнем издыхании, рядом с нартами шли, шатаясь от голода, измотанные люди. Все понимали, что развязка уже близка, когда шедший впереди Анжу заметил какое-то темное пятно среди белой равнины.

— Это обоз! — радостно хакричал он, оборачиваясь к товарищам.

Те приободрились. Однако время шло, а темное пятно все не приближалось.

— Это становище Егорова! — мрачно констатировал доктор Фигурин.

Радость мгновенно сменилась на уныние.

В становище промышленников изможденные люди могли найти максимум десяток фунтов муки да несколько рыбьих. А это, увы, положение дел не меняло.

Собаки чувствуя близость жилья, приободрились и пошли веселее. Чтобы не отстать Анжу присел на нарты. Неожиданно издалека донесся звук, похожий на лай. Потом раздался выстрел. Лейтенант лихорадочно вскинул к глазам зрительную трубу. И увидел у избы машущих руками людей. То были якуты из обоза, везшие продовольствие. Встреча с ними была самая трогательная. Как выяснилось, обоз был задержан на неделю выюгой на острове Столбовом.

После непродолжительного отдыха Анжу и его спутники направились к берегам материка. Через десять дней они были в теперь таком родном для них Усть-Янске.

Острова Анжу

На этом деятельность экспедиции была закончена. Впрочем, отчеты задержали Петра Федоровича в Усть-Янске еще до осени. Только когда установился зимний путь, он выехал на лошадях в Якутск, где занялся приведением в порядок финансовые дела экспедиции. Вскоре там же появился и Врангель. Около месяца оба пробыли в Якутске, подбивая счета и бумаги.

– Мне думается, что моя Земля Санниковская, как и твоя Земля Андреевская, в том числе и большая часть островов Новосибирских, сложены были не из скал, а из древнего льда, поверх которого нанесена земля. – говорил Анжу другу свои мысли о неудачном поиске легендарных островов. – Со временем лёд растаял, и обе наши «земли» исчезли подобно легендарной Атлантиде, растаяв посреди океана.

Тот в знак согласия кивал головой.

Потом друзья посетили турусинские горячие ключи и, немного подлечив свои ревматизмы, отправились, наконец, в неблизкий Петербург.

Долгой дорогой друзья рассуждали о природе северных сияний и соответствии ледяным польням морским течениям, об

отступании моря от берегов и точности своих астрономических расчетов. Да мало ли было тем у двух полярных путешественников, вырвавшихся из ледяных объятий Арктики!

***

В середине августа 1824 года Анжу с Врангелем появились в столице, проведя, таким образом, в снегах более четырех лет.

Сняв на двоих квартиру (дело привычное!), друзья дружно уселись за написание отчетов. А писать было о чем!

Острова, открытые Петром Анжу

Благодаря трудам Петра Анжу, Ильи Автономовича Бережных, Петра Ильина, Алексея Фигурина, матроса Игнашева и слесаря Воронкова, а так же безвестных якутов, на карту России было достоверно положено северное побережье Евразии от реки

Оленек до реки Индигирки, обследована река Лена на значительном протяжении, произведена опиравшаяся на многочисленные астрономические пункты опись Семеновского, Васильевского, Бельковского, Котельного, Фаддеевского, Большого и Малого Ляховских островов, а также острова Новой Сибири и Земли Бунге, которая на карте Анжу показана по своим очертаниям, близкой к современным и называется просто «песком». Всего отрядом Анжу было произведено определение 65 астрономических пунктов. Помимо этого, моряки обследовали десятки заливов, бухт, мысов, устьев рек, мелких островов, исправили многие неточности прежних карт и предприняли изумительные по своей смелости и трудности санные поездки по льду для поисков новых земель к северу от Новосибирских островов. Во время этих поездок Анжу выяснил границу наибольшего распространения неподвижных припайных льдов и установил, что за нею находится открытая вода. Благодаря отчаянным по смелости санным походам Анжу и Врангеля было установлено, что полярный лед неровен, «всторошен» и труден для путешествий. Вместе со своими помощниками Анжу вел регулярные метеонаблюдения, которые, стали бесценным сокровищем для климатологов более поздних времен. Большую ценность представляли и опубликованные доктором Фигуриным «Замечания о разных предметах естественной истории и физики», содержащие многочисленные сведения о климате, животном и растительном мире Арктики.

«Анжу и Врангель сослужили важную службу, исследованию полярных стран, — скажет впоследствии выдающийся путешественник А.Э. Норденшельд, — выяснив, что море даже вблизи полюса холода не покрыто крепким и сплошным ледяным покровом даже в то время года, когда холод достигает максимума»

Что касается Врангеля, то он произвел опись побережья Сибири от реки Индигирки до мыса Шелагского, совершил несколько санных поездок по льду в поисках мифической Земли Андреева, и собрал сведения о существовании к северу от мыса Якан острова.

Астрономические наблюдения Анжу и Врангеля отличались большой точностью. Материалы их геодезических и

астрономических работ были переданы на мнение академику Шуберту. Ознакомившись с оными, старик Шуберт пришел в полный восторг:

– Наблюдения сих лейтенантов столь верны, сколько можно сделать оные таковыми с помощью подобных инструментов! Они не упустили ни одной предосторожности, ни одной поправки... Я сделал строгие вычисления многих наблюдений и не открыл никакой важной погрешности, почти всегда находя секунда в секунду широту и долготу!

В записке же своей он написал: «Вообще я думаю, что нельзя довольно приписать похвал и удивляться ревности, деятельности, старанию, искусству и познаниям сих двух офицеров; и тем охотнее отдадут им сию справедливость, что путешествие их... есть самое трудное, и с которым, относительно трудов и опасностей, никакое путешествие сравнено быть не может».

Наведались к Анжу и профессора науки зоологической. Этим интересовали слухи, что на Новосибирских островах местные жители, якобы, видели большие скопления костей крупных копытных, обычно живущих в теплых краях. Не страшась прослыть плохим наблюдателем, Анжу отвечал им прямо:

– Увы, господа, но я ни от кого о множестве конских и рогатого скота голов даже не слыхал и тем более не видал. Слышал, что промышленники вроде находили несколько раз буйволодые рога да копыта. Впрочем, и это следует еще проверять.

Разочарованные профессора уходили.

В те дни в Петербурге только и разговора было о героях Арктики.

– Да что там ваши хваленые англичане Франклин и Парри, бродящие по северу Канады и ничего там не находящие. Другое дело наши русские витязи Анжу да Врангель! – хватали друг друга за грудки подвыпившие петербуржцы. – Даром, что один из французов, а другой из немцев!

Вскоре по прибытии в Петербург друзья были приняты и самим Александром Первым, который всегда был не прочь послушать интересных людей. Выслушав рассказ путешественников о пережитых трудностях и приключениях, он неожиданно спросил:

– А бывают ли и там красные дни?

– Мы, ваше величество, провели там быть может самые красные дни в нашей жизни, — ответил бойкий на язык Врангель.

Император, близоруко поднеся к глазам лорнет, еще раз оглядел офицеров:

– Господа, я восхищен вами содеянным. Отдельно спасибо за интересный рассказ!

– Честь имеем! – разом вскинули головы лейтенанты и развернувшись на каблуках, покинули императорский кабинет.

За заслуги во льдах Арктики оба лейтенанта получили капитан-лейтенантские эполеты и весьма престижный орден Владимира 4-го класса, с прибавочное жалование.

– Но и это не все, время пребывания вашего на северах будет зачислено вдвое для получения Георгиевского креста! – объявил им Моллер, ставший к этому времени и начальником Главного морского штаба, и вице-адмиралом.

Дело в том, что в ту пору флотские офицеры имели право на получение Георгиевского креста за 18 морских компания. Таким образом каждый из офицеров получил прибавление к своему морскому стажу по 9 лет. Впрочем, забегаю вперед, следует сказать, что данное преимущество Анжу так и не понадобится, бело-эмалевый Георгий он заслужит вскоре своей личной храбростью.

К сожалению, история распорядилась так, что нам сегодня куда больше известны арктические деяния Фердинанда Врангеля, чем его друга Петра Анжу. Дело в том, что энергичный Врангель быстро написал и издал достаточно увлекательное двухтомное описание своего путешествия, тогда как дневники Анжу сгорели во время пожара в его доме. Лишь отрывочные записи через четверть века после экспедиции были опубликованы А.Соколовым, да и то оставшись в поле зрения лишь научного мира. Это в высшей степени несправедливо.

***

Ну, а чем же закончилась история с Землей Санникова, которую искал, но, увы, так и не нашел наш герой? Фактически уже

после доклада Анжу было очевидно, что обширной земли к северу от Новосибирских островов быть не может. Однако оставалась надежда, что возможно, земля Санникова – это какой-то затерявшийся среди полярной пустыни относительно небольшой остров. Мираж таинственной северной земли не давал покоя русским ученым еще более столетия.

Мало кто знает, что именно на поиски Земли Санникова были нацелены арктические экспедиции барона Э.В. Толля, убеждённого в существовании Арктиды — северного полярного континента, побережье которого, по его мнению, и наблюдал Яков Санников. 13 августа 1886 года Толль зафиксировал в своем дневнике: «Горизонт совершенно ясный. В направлении на северо-восток ясно увидели контуры четырёх столовых гор, которые на востоке соединились с низменной землей. Таким образом, сообщение Санникова подтвердилось полностью. Мы вправе, следовательно, нанести в соответствующем месте на карту пунктирную линию и написать на ней: «Земля Санникова»... В 1893 году Толль вновь визуально фиксировал на горизонте полосу гор, которые он отождествил с Землёй Санникова.

Казалось бы, теперь уж легендарная земля наконец-то найдена!

В том же году Фритъоф Нансен прошёл на своем судне «Фрам» мимо Новосибирских Островов и достиг 79 градуса северной широты, но не нашёл никаких следов Земли Санникова. В своем двухтомном описании похода на «Фраме», Нансен записал: «(20 сентября 1893 г.) Мы находились значительно севернее того места, где, по мнению Толля, должен был лежать южный берег Земли Санникова, но примерно на той же долготе. По всей вероятности, эта земля — лишь небольшой остров, и, во всяком случае, она не может заходить далеко к северу».

В 1902 году в ходе русской полярной экспедиции на шхуне «Заря», одной из целей которой был поиск Земли Санникова, погиб барон Э.В. Толль. На поиски пропавшей экспедиции, а заодно и на поиски Земли Санникова отправился будущий верховный правитель России лейтенант А.В. Колчак, но не нашел ни пропавшего без вести барона, ни легендарной земли.

Одним из активных сторонников гипотезы о существовании Земли Санникова был известный русский геолог, палеонтолог и географ академик В.А. Обручев, написавший даже в 1926 году научно-фантастический роман «Земля Санникова».

Начавшиеся в 30-х годах XX века активное исследование и освоение Арктики, а также авторитет академика Обручева ознаменовали новый этап в поисках таинственной земли. В 1937 году уже советский ледокол «Садко» во время своего дрейфа прошёл возле предполагаемого острова и с юга, и с востока, и с севера, но ничего, кроме океанских льдов, так и не обнаружил. Затем по просьбе энтузиаста поиска Земли Санникова академика В.А. Обручева, в тот же район были посланы самолёты арктической авиации. Однако, несмотря на все усилия, и эти поиски дали отрицательный результат. Так было документально установлено, что никакой Земли Санникова в природе не существует.

Однако и здесь все обстояло не так просто. По мнению ряда исследователей, Земля Санникова, как и многие арктические острова, в том числе, и большая часть Новосибирских островов, могла быть сложена не из скал, а из ископаемого льда (вечной мерзлоты), поверх которого был нанесён слой грунта. Именно эти ледяные скалы, покрытые грунтом, и видел в 1811 году зверолов Санников. С потеплением климата лёд растаял, и Земля Санникова исчезла подобно некоторым другим островам, сложенным ископаемым льдом, таким как Меркурий, Дионида, Васильевский и Семёновский.

Впрочем, есть специалисты, уверенные, что, суша в самом сердце Арктики – это не что иное, как осколок шельфа ледника, то есть некий ледяной остров, который, ведомый течением, блуждает по океану. Несколько таких айсбергов-великанов могли теоретически сесть на отмель севернее Новосибирских островов, а потом, «снявшись с якоря», просто уплыть, чтобы впоследствии бесследно исчезнуть в просторах Арктики.

А в 1973 году на экраны кинотеатров СССР вышел в свет художественный фильм по мотивам романа академика Обручева «Земля Санникова». Фильм настолько популярен и сегодня, что пересказывать его сюжет нет никакого смысла.

Авторы сценария фильма «Земля Санникова» (Мосфильм, 1973): Марк Захаров и Владислав Федосеев, режиссёры: Альберт Мкртчян, Леонид Попов. В главных ролях: Владислав Дворжецкий, Георгий Вицин, Олег Даль, Махмуд Эсамбаев, Юрий Назаров.

Ниже представлены кадры из кинофильма «Земля Санникова».

При этом в фильме и истории его создания мистически переплелись реалии поиска таинственной земли отрядом Анжу. «Никто не должен знать о земле онкелонов», — говорит в фильме обитательница Земли Санникова Аннуир, обращаясь к пришлым людям, в которых угадываются определенные черты самого Анжу (ученый А. Ильин в исполнении актера В. Дворжецкого) и его товарищей. По крайней мере, герои знаменитого фильма шли к таинственной земле именно так, как в реальности пробивался к ней сквозь торосы реальный Петр Анжу.

Любопытно, что вскоре после окончания съемок фильма «Земля Санникова» с Камчатки пришло сообщение: грязевая лавина почти полностью уничтожила Долину гейзеров, где проходили съемки. Место, где операторы снимали «Землю Санникова», оказалось под толстым слоем грязи и валунов. А ведь почти такая же судьбы, по мнению ряда ученых, постигла и реальную Землю Санникова.

Впрочем, сегодняшние сторонники гипотезы о реальности Земле Санникова утешились тем, что в районе предполагаемой таинственной земли они все же на самом деле обнаружили достаточно обширную подводную банку (отмель), которую и назвали банкой Санникова.

А поэтому, пересматривая в очередной раз фильм «Земля Санникова» вспомним лишний раз о тех, кто в реальности, преодолевая все немыслимые трудности, искал среди ледяного безмолвия таинственную землю.

Огромную популярность в народе снискала песня «Есть только миг» (музыка Александра Зацепина, слова Леонида Дербенёва), написанная специально для фильма «Земля Санникова» (https://youtu.be/4trpgU3_гусЕ, исп. Олег Анофриев)

ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ

Призрачно все в этом мире бушующем.
Есть только миг – за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим.
Именно он называется жизнь.

Вечный покой сердце вряд ли обрадует.
Вечный покой – для седых пирамид.
А для звезды, что собралась и падает,
Есть только миг – ослепительный миг.

Пусть этот мир вдаль летит сквозь столетия.
Но не всегда по дороге мне с ним.
Чем дорожу, чем рискую на свете я? –
Мигом одним – только мигом одним.

Счастье дано повстречать да беду еще...
Есть только миг – за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим.
Именно он называется жизнь.

***

В 1825-1826 годах Анжу участвовал в военно-учёной экспедиции при описании северо-восточного берега Каспийского и западного берега Аральского морей под начальством полковника Ф.Ф. Берга, причём вместе с Загоскиным и Дюгамелем произвёл барометрическую нивелировку по направлению от Мёртвого Култука до залива Дуананы Кулама на западном берегу Аральского моря. Во время этой экспедиции Анжу неоднократно принимал участие в стычках с хивинцами и неподвластными России казахами. За нивелировку Аральского моря был награждён орденом св. Анны 2-й степени.

В 1827 году на корабле «Гангут» под командой капитана 2-го ранга Авинова, руководя действиями корабельной артиллерии, Анжу участвовал в Наваринском сражении, был ранен в голову, но оставался в строю до конца сражения, за что 21 декабря 1827 года награждён орденом св. Георгия 4-го класса (№ 4138 по кавалерскому списку Григоровича – Степанова), годовым окладом жалованья и греческим орденом Спасителя золотого креста.

Линейный корабль «Гангут» (слева) в Наваринском сражении

По возвращении из Архипелага назначен командиром гардемаринской роты Морского кадетского корпуса, в декабре 1832 года произведён в капитаны 2-го ранга.

С 1832 года командовал фрегатом «Екатерина» и с 1833 по 1842 год — кораблём «Фершампенуаз», в 1837 году — отрядом из трёх фрегатов в практическом плавании с гардемаринами. Произведённый в 1836 году в капитаны 1-го ранга, Анжу в 1843 году был награждён орденом св. Владимира 3-й степени.

Дом Петра Анжу в Ораниенбауме. Фото 2013 года

В 1844 году призван на административное поприще, на котором и окончил свою разнообразную деятельность в чине адмирала. Действительный член Русского географического общества с 19 сентября (1 октября) 1845 года[5].

Со времени производства в контр-адмиралы (26 марта 1844 года) Анжу последовательно занимал должности: капитана над Кронштадтским портом (до 1859 года), неперменного члена Морского учёного комитета (с 6 декабря 1849 года), председателя Временного комитета для составления нового портового регламента и в учреждённом при Морском министерстве комитете по составлению положения о призах; директора департамента корабельных лесов (с 19 января 1855 года по 1 января 1860 года) и члена совета Министерства государственных имуществ (с 1 января 1860 года по 12 октября 1869 года). Анжу состоял, кроме того, почётным членом Морского учёного комитета.

6 декабря 1854 года произведён в вице-адмиралы и 1 января 1866 года в полные адмиралы.

Умер 12 октября 1869 года в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском евангелическом кладбище.

Литературно-художественное издание

Владимир Виленович Шигин

**В морях твои дороги.
Забывтые русские мореплаватели
XVIII–XIX веков**

Выпускающий редактор – **Игорь Витюк**

Вёрстка – **Игорь Витюк**

Дизайн обложки – **Александр Кабин**

Формат 60x84 1/16. Объем 11,56 усл. п.л.
Гарнитура Times.

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение
культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации
129110, Москва, Суворовская площадь, д. 2, стр. 1